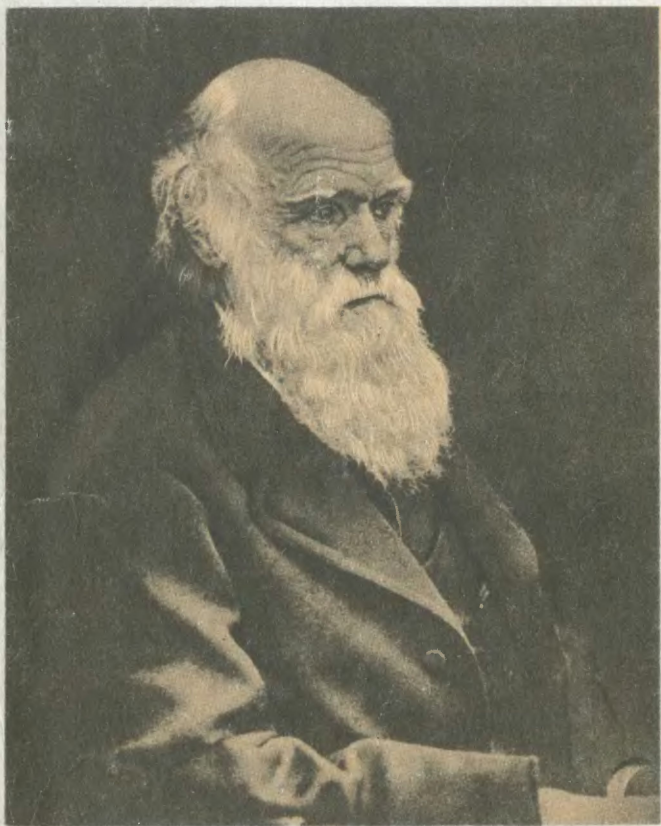

Г. А. ГУРЕВ

ЧАРЛЗ ДАРВИН И АТЕИЗМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Научно-атеистическая серия

Г. А. ГУРЕВ

ЧАРЛЗ ДАРВИН И АТЕИЗМ

ОЧЕРК МИРОВОЗЗРЕНИЯ
ВЕЛИКОГО
НАТУРАЛИСТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД 1975

На основе большого фактического материала автор выясняет атеистическое значение дарвинизма, анализирует борьбу против него идеалистов и теологов. В книге показана полнейшая несостоятельность попыток фидеистов изобразить Чарлза Дарвина религиозным человеком.

Ответственный редактор
М. И. Ш А Х Н О В И Ч

Во всей истории естествознания очень мало найдется исследователей, оказавших такое глубокое влияние на умы мыслящих людей, как английский натуралист Чарлз Роберт Дарвин (1809—1882). Он создал совершенно новое учение о живой природе, которое изумительно ясно показало, почему мир растений и животных таков, каким мы его видим. Его ответ на этот старый вопрос не только произвел великий переворот в биологической науке, но и нанес тяжелый удар всему религиозно-метафизическому мировоззрению. Это явилось одним из важнейших событий как в области естествознания, так и во всей научно-философской мысли.

Как известно, вся история философской мысли представляет собою борьбу двух в корне противоположных и принципиально непримиримых мировоззрений — материализма и идеализма. В истории естествознания борьба этих двух враждующих партий или течений превратилась в великий конфликт между наукой и религией, который проявляется в различных формах. Поэтому В. И. Ленин, выявляя влияние философской мысли на науку, писал: «Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденций или линий Платона и Демокрита в философии? Борьба религии и науки? Отрицания объективной истины и признания ее? Борьба сторонников сверхчувственного знания с противниками его?».¹

Истина целиком на стороне знания, а вследствие этого между научным мышлением и религиозной верой нет и быть не может ничего общего. Обращаясь к адептам религии с целью отметить несовместимость науки и религии, Карл Маркс писал: «Вы говорите об этих предметах, не

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 131.

изучив их; она же (наука — Г. Г.) говорит о них после изучения; вы обращаетесь к чувству, она обращается к разуму; вы проклинаете, она учит; вы обещаете небо и весь мир, она не обещает ничего, кроме истины; вы требуете веры в вашу веру, она не требует веры в свои выводы, она требует проверки сомнений; вы пугаете, она успокаивает».²

Эта борьба не могла устареть по той причине, что материализм теснейшим образом связан с наукой и атеизмом, а идеализм — с верованиями, так как религия по существу была и осталась наиболее распространенной, массовой формой идеализма. Успехи естествознания всегда укрепляли позиции материализма, и поэтому В. И. Ленин отметил: «В течение всей новейшей истории Европы... материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п. Враги демократии старались поэтому всеми силами «опровергнуть», подорвать, оклеветать материализм и защищали разные формы философского идеализма, который всегда сводится так или иначе к защите или поддержке религии».³

Перед Великой французской революцией наиболее левые буржуазные ученые и мыслители зло и едко осмеивали религию и освященную ею крепостную нравственность, королевскую власть и прочие «устои» феодального общества. Эти смельчаки были одновременно материалистами и революционерами, так как упраздняли из области природы бога с его произволом и требовали уничтожения произвола и в государстве. Антирелигиозный пыл достиг у них такой степени, что когда к буржуазии перешла власть, они особым декретом объявили, что парижское население отсеклось от бога. Но, как показал опыт истории, буржуазия может играть революционную роль в мировоззрении и политике лишь временно, пока добивается власти, господствующего положения в государстве. Как только эта ее цель достигнута, она в своем отношении к религии начинает постепенно поворачивать назад, появляя, что религия это — «узда для народа», важное орудие сохранения эксплуататорского общества.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, с. 107.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 43.

Неудивительно, что современные «дипломированные акеи» буржуазии особенно рьяно стараются оспаривать положение Маркса о том, что религия является «опиумом народа» — дурманом трудящихся, интеллектуальным наркотиком. Со своим материализмом, грехом своей молодости, они попали в беду и поэтому стали очень много говорить о «социальной необходимости религии», о ее прогрессивной роли в истории человечества. Конечно, при этом они всячески стараются замалчивать тот факт, что на деле религия всегда освящала классовый строй, социальный гнет и, следовательно, является крайне реакционным фактором. Недаром еще в XVIII в. знаменитый французский атеист Поль Гольбах (1723—1789) писал, что «лицемерное суеверие», желая скрыть свои отвратительные черты, всегда умело прикрывалось «маской пользы и добродетели».

Атеизм базируется на материалистической науке, являющейся величайшей гордостью человечества, детищем вольного разума. Столкновение же между наукой и материализмом — с одной стороны, и религией и идеализмом — с другой, приобретало особенно острый характер во всех тех случаях, когда естествознание делало такие великие открытия, которые разрушали религиозную картину мира. Одним из таких наиболее важных поворотных пунктов явилось открытие Дарвином в 1859 г. основного закона развития органического мира, которое нанесло чрезвычайно сильный удар религиозному мировоззрению. На существование на основе дарвинизма возникла современная биологическая наука, которая является великим завоеванием человеческой мысли. В ней гармонически сочетаются два принципа исследования природы — историзм и материализм, и именно поэтому она сыграла огромную роль в развитии подлинно научного мировоззрения. Надо быть совершенно ослепленным предрассудками, чтобы не видеть, что основы учения Дарвина живы и сейчас, т. е. выдержали более чем вековую проверку временем. Многие мыслящие люди лишь благодаря ему стали не только атеистами, но и крупными учеными-материалистами (например, братья Ковалевские).

Как известно, в основе так называемых монотеистических религий (иудаизма, христианства, ислама) лежит теизм, т. е. вера в существование внемирового существа — бога, создавшего мир и управляющего им. Это мировоз-

зрение имеет метафизический характер, так как он учит, что природа создана богом в законченном, совершенном виде и поэтому все в ней якобы постоянно, неизменно. Виднейший средневековый богослов Фома Аквинский говорил, что идея развития, непрерывного обновления мира колеблет креационизм (от «креацио» — творение) — догмат божественного творческого акта, так как «делает менее очевидным бытие бога». Даже многие ученые прошлого под влиянием господствовавшей религиозной идеологии отрицали взгляд о преемственной связи органических видов, т. е. считали, что эти виды появились в результате отдельных и независимых друг от друга актов творения, так что «видов столько, сколько различных форм было создано в самом начале».

Дарвин⁴ в своей гениальной книге «Происхождение видов» нанес сокрушительный удар креационно-метафизическому учению о живой природе, дав непревзойденное по своей убедительности доказательство факта органической эволюции, — факта не только «текучести» органических видов, но и их неразрывной преемственной связи. Благодаря этому стало ясно, что органические формы появились не сразу чудесным образом, в готовом виде, а естественным путем одни от других в процессе длительного развития. А это означает, что живая природа не находится в стабильном, неизменном состоянии: она имеет свою долгую историю — свое прошлое, настоящее и будущее.

Когда капитан корабля «Бигль» Р. Фиц-Рой, с которым Дарвин совершил свое знаменитое кругосветное путешествие, рьяно выступил против основного вывода эволюционной теории, отстаивая несомненность библейского сказания о сотворении мира, Дарвин сказал: «Жаль, что он не предложил своей теории, по которой мастодонт и прочие крупные животные вымерли по той причине, что дверь в ковчеге Ноя была сделана слишком узкой, чтобы они могли пролезть туда».⁵

Еще до опубликования своего учения Дарвин, обращаясь к своему другу ботанику Аза Грею (1810—1888

⁴ О его жизни и деятельности см.: А. Д. Некрасов. Чар. Дарвин. М., 1957.

⁵ More Letters of Charles Darwin, vol. I. London, 1903 (далее D. M. L.), p. 129. — Некоторые из этих материалов имеют в кн.: Ч. Дарвин. Избранные письма. М., 1950.

письмо от 20 июня 1856 г.) и излагая суть своих идей писал: «Говорить, что виды были сотворены так-то и так-то, — это не научное объяснение, а лишь благочестивый способ утверждения, что это есть так-то и так-то». Утверждая эту «благочестивую» точку зрения, он разъяснил, что, пользуясь ею, мы можем лишь сказать, что «Творцу было угодно повелеть», чтобы бывшие и настоящие обитатели земли появились в известном порядке. Но, утверждая это, указывал он, «мы не приобретаем новых познаний, мы не связываем фактов с законами, мы не объясняем ничего».

Дарвин обратил особое внимание на то обстоятельство, что селекционеры, отбирая животных и растения с новыми признаками и подвергая их скрещиванию, по своему желанию «создают» новые породы животных и новые сорта растений. Дарвин справедливо считал, что человек, используя наследственность и изменчивость живых существ, «вызывает к жизни какие угодно формы», т. е. преобразует органические виды. Ведь селекционеры добились «создания» столь резко уклонившихся друг от друга пород животных и сортов растений, что различия между ними нередко превосходят различия между биологическими видами в природе. Поэтому в успехах селекционеров, т. е. искусственного отбора, в области животноводства и растениеводства, Дарвин увидел по существу практическое доказательство изменчивости видов. А благодаря этому ему удалось создать теорию естественного отбора, которая показывает, к каким путям прибегает природа для изменения органических видов и приспособления их к окружающей среде.

Эта теория является главным пунктом, материалистической сердцевинной учения Дарвина: она исходит из мысли, что естественный отбор в дикой природе есть аналог искусственному отбору в сельскохозяйственном производстве, но происходит он стихийно. Общим для искусственного и естественного отбора является то, что в обоих случаях организмам присущи неразрывно связанные между собой свойства — изменчивость и наследственность. Основное их различие в том, что искусственный отбор про-

⁶ The Life and Letters of Charles Darwin, vol. II. London, 1887 (далее — D. L. L.), p. 79. См. также: Ч. Д а р в и н. Избранные письма,

изводит человек, размножая организмы только с желательными ему признаками. Естественный же отбор производит сама природа: те организмы, которые соответствуют условиям окружающей среды, выживают, а те, которые не соответствуют, погибают или не дают потомства, а в результате происходит приспособление организмов к условиям жизни.

Дело в том, что особи одного и того же вида неравноценны, так как не равны друг другу по некоторым своим свойствам. Результатом этого прежде всего является неравенство особей вида в отношении факторов среды (органической и неорганической), т. е. они борются с неблагоприятными внешними условиями с неодинаковым успехом и, стало быть, в неравной мере выживают. Те изменения, которые оказываются полезными организму в его многообразной борьбе за существование, закрепляются, передаются по наследству, обуславливая появление новых органических видов. Следовательно, эволюция органического мира идет через развитие приспособлений видов, и именно в этом заключается главный, важнейший признак процесса органической эволюции.

Впоследствии Дарвин рассказывал, что наличие удивительной целесообразности органических приспособлений мешало ему избавиться от допущения божественного предопределения даже в то время, когда он уже по существу встал на позиции эволюционизма, но еще не дошел до теории естественного отбора. Именно эта теория не только объясняет, каким образом в природе происходит исторический процесс превращения одних видов живых существ в другие, — она дает простое и одновременно строго научное объяснение такого поразительного, «чуждого» явления, как целесообразное устройство органических форм, т. е. приспособление организмов к условиям окружающей их (неживой и живой) среды. В наличии этой целесообразности кроется коренное отличие живого от неживого, но примеры наиболее удивительных целесообразных органических приспособлений, в которых долгое время видели проявление божественного предопределения, благодаря Дарвину стали блестящими доказательствами теории естественного отбора, изгоняющей биологических наук всякое религиозное представление.

Это видно хотя бы из того, что целесообразность абсолютна, т. е. приспособленность организмов к среде.

всегда имеет относительный характер. Ведь о целесообразности того или иного органа можно судить только в связи с определенными условиями существования, а эти условия меняются, и то, что целесообразно в одних условиях среды, может стать даже вредным в других условиях. Обычно на один выживший организм приходится много организмов, оказавшихся неприспособленными к новым жизненным условиям, так что целесообразность это — несообразность цели, а сообразность условиям существования. Поэтому природа является в какой-то мере кладбищем органических форм, которые оказались не приспособленными к окружающим условиям, так что не может быть и речи о наличии цели в природе.

Особенно важно то, что в цепь органической эволюции Дарвин смело включил и человеческий род, утверждая тем самым, что человек, которого иудаизм, христианство и ислам считают «подобием божьим», вовсе не появился сверхъестественным путем, вовсе не стоит вне животного мира. Оказалось, что человеческий род неразрывно связан с животным миром и подобно другим видам животных появился не вдруг, а в процессе весьма длительного развития животного мира под влиянием естественных причин, так что никаких «перволюдей» не было. Дарвин показал, что человеческий род возник из давно вымерших обезьяноподобных животных, которые развились до степени мыслящих существ и являются лишь высшим звеном в длинной цепи развития животных. При этом он справедливо отметил, что это представление не принижает честь и достоинство людей, а, напротив, возвеличивает их. Ведь если человек сам, своими силами поднялся на высшую ступень органической лестницы, а не был поставлен здесь кем-то с самого начала, то у него есть основание надеяться на то, что в будущем он займет ещё более высокое положение.

Конечно, было бы неправильно думать, что Дарвин разрешил все основные биологические вопросы, связанные с эволюционным учением, и что все его взгляды приемлемы для науки наших дней. Да и сам Дарвин с присущей ему скромностью неоднократно указывал, что никогда не претендовал на исчерпание им всей проблемы образования и развития органических форм. Так, 4 декабря 1872 г. в письме к антидарвинисту А. Хайетту он подчеркивал, что предстоит еще открыть «много новых

законов» и далее: «Я никогда не доходил до такого безрассудства, чтобы воображать, будто мне удалось нечто большее, чем наметить некоторые черты из обширных основ происхождения видов».⁷

Во всяком случае вполне естественно, что в свете современной науки, которая далеко ушла вперед по сравнению с эпохой Дарвина, в некоторых его взглядах обнаруживаются известные слабые стороны. Но это не дает нам права умалять значение дарвинизма, так как недостатки, присущие его учению, посят второстепенный характер и отнюдь не искажают его научно-материалистической сущности. Недаром В. И. Ленин отметил: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками».⁸

В. И. Ленин очень четко выявил значение дарвинизма, сказав: «... Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, „богом созданные“ и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними».⁹

Действительно, под влиянием новейших научных идей люди перестали смотреть на органическое существо, говоря словами Дарвина, «как дикарь смотрит на корабль, т. е. как на нечто превосходящее его понимание». Ведь дарвинизм допускает существование исключительно естественных факторов: изменчивость, наследственность, среда и прочие существующие явления, доступные научному исследованию. Недаром виднейший биолог Томас Генри Гексли (1825—1895) сравнивал впечатление, произведенное на него теорией Дарвина, с яркой вспышкой молнии, которая вдруг освещает дорогу человеку, заблудившемуся темной ночью. А самому Дарвину он писал 23 ноября 1859 г.: «Теперь уже дело Ваших противников доказывать, что виды произошли не так, как Вы думаете... Надеюсь, что Вы не позволите себе огорчиться или смутиться, когда Вас будут бранить или будут искажать Ваши мысли, а к этому, если я только не сильно

⁷ D. M. L., vol. I, p. 344.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.

⁹ Там же, т. 1, с. 139.

ошибаюсь, Вы должны быть готовы. Верьте мне, Вы заслужили вечную благодарность всех мыслящих людей».¹⁰

Как видно из этих весьма беглых замечаний, Дарвин показал, что вне саморазвития органический мир не существует и поэтому органическая эволюция не может прекратиться. Каждый органический вид есть процесс: он существует только в развитии, так как развитие это — условие существования вида, условие его приспособления к окружающей среде. В свете дарвинизма каждый вид всегда находится на пути недостижимой гармонии с его жизненными условиями, с его бытием. Да иначе и быть не может, ибо развитие — всеобщий закон бытия, а вследствие этого все в природе должно быть объяснено из ее закономерностей, без каких бы то ни было сверхъестественных «начал». Именно благодаря Дарвину стало ясно, что без теории развития немыслима ни одна из современных наук. В. И. Ленин отметил, что «в наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание».¹¹

Дарвин справедливо назвал вопрос о причинах изменения органических форм «тайпой из тайн». Одной из главных задач биологической науки являлось вскрытие единства в качественном многообразии живой природы, так как только это могло пролить свет на эту тайну. В. И. Ленин писал: «... всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира, природы, движения, материи etc.*».¹² Именно это и было сделано Дарвином в области биологии на огромном фактическом материале. Поэтому его учение, взятое в его наиболее общих чертах, по существу имеет диалектический характер, т. е. объективно отражает действительное развитие живой природы. Следовательно, Дарвин, по существу ничего не зная о материалистической диалектике, с поразительной ясностью выявил тот факт, что в естествознании благодаря ее собственному развитию метафизическая концепция мира стала невозможной. Недаром уже 12 декабря 1859 г., т. е. почти сразу же после выхода в свет «Происхождения видов», оценивая значение дарвинизма, Энгельс в письме к Марксу отметил:

¹⁰ D. L. L., vol. II, p. 231.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

¹² Там же, т. 29, с. 229.

«...до сих пор никогда еще не было столь грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе, да к тому же еще с таким успехом».¹³

Неудивительно, что по своему огромному идеологическому воздействию на мыслящих людей открытие Дарвина стоит рядом с открытием Н. Коперником в 1543 г. гелиоцентрической системы и открытием И. Ньютоном в 1686 г. закона всемирного тяготения. Но если апологеты религии давно уже примирились с необходимостью прекратить борьбу с выводами, вытекающими из трудов Коперника и Ньютона, то борьбу с учением Дарвина они продолжают и поныне, причем эта борьба принимает весьма многообразные формы. Вызвано это главным образом тем, что дарвинизм играет особенно важную роль в развенчивании религиозной картины мира и утверждении основ материалистического мировоззрения, а тем самым и атеизма

2

Для врагов дарвинизма сразу было ясно, что такое понимание органической природы ведет к выводам, которые далеко выходят за пределы биологии, так как оно имеет большое философское значение, затрагивая коренные вопросы мировоззрения, и поэтому оказывает глубочайшее революционизирующее влияние и на другие науки. Подчеркивая эту сторону дела, русский антидарвинист Н. Я. Данилевский (1822—1885) писал: «Учению Дарвина не только может, но и необходимо должен быть присвоен характер особого философского мировоззрения, потому что учение это содержит в себе особое мирозерцание, высший объяснительный принцип не для какой-нибудь части, хотя и самой важнейшей, но для целого миростроения, объясняющего собою всю область бытия». Он далее жаловался, что дарвинизм «изменяет, переворачивает не только наши ходячие и наши научные биологические взгляды и аксиомы, а вместе с этим и все наше мировоззрение до самого корня и основания».¹⁴ При этом Данилевский утверждал, что это учение несовместимо с религией, имеет явно выраженный атеистический характер.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 29, с. 424.

¹⁴ Н. Я. Данилевский. Дарвинизм. СПб., 1885, т. 1, ч. 2, с. 4, 6.

Что Данилевский в этом отношении был совершенно прав, видно хотя бы из того, что ничего не делающий в мире бог для религиозных людей — вовсе не бог. По-видимому, это именно имел в виду известный английский политический деятель Гладстон, когда он пророчески сказал: «Согласно так называемой эволюции бог не принимал участия в творении, и в виду господства неизменных законов природы он освобожден от управления миром».¹⁵ В 1877 г. папа римский горячо благодарил католического мракобеса Джемса за его антидарвинистическую книгу и послал ему свое апостольское благословение, за которым вскоре последовало награждение папским орденом. Да и современный фиденст и антидарвинист Р. Кларк с горечью констатирует: «Эволюционное учение оказалось отличной палкой, при помощи которой удалось отколотить теологов».¹⁶

Неудивительно, что было немало случаев, когда изучение произведений Дарвина вело мыслящих людей к крутому перелому их мировоззрения, к окончательному разрыву с религией. Так, американский епископ В. М. Браун относился критически к дарвинизму, пока судил об этом учении с чужих слов, но резко изменил отношение к нему в 1911 г., когда основательно познакомился с произведениями Дарвина. Он не только усомнился в неопровержимости основных религиозных «истин», но и сам стал на путь материализма и атеизма, а в 1920 г. открыто порвал с религией и в своих книгах смело и горячо разоблачал религию и защищал марксизм-ленинизм. Умер он в 1937 г., будучи членом американской коммунистической партии, которой завещал все свое состояние.

Примерно такое же сильное воздействие оказал дарвинизм на выдающегося американского художника, друга нашей страны Р. Кента. В автобиографии, рассказывая о становлении своего мировоззрения, он сообщает, что рано начал ощущать неудовлетворенность общепринятыми ответами о боге как творце и управителе мира. «Но у меня, — вспоминает он, — не хватало разума, чтобы даже попытаться выяснить, что именно меня не

¹⁵ Э. Д. Уайт. Борьба религии с наукой. М.—Л., 1932, с. 44.

¹⁶ R. Clark. Darwin und die Folgen. Wien—München, 1954, S. 218.

удовлетворяет. Однако эти пробелы продолжали волновать меня. И хотя со временем они отступили в область подсознательного, они тлели в моем мозгу, и нужен был лишь порыв ветра, чтобы раздуть пламя. Таким порывом был Чарльз Дарвин, его книга „Происхождение видов“». ¹⁷

С самого начала борьбу против учения Дарвина вместе с церковниками ведут разнообразные представители реакции, причем все они исходят из одного — из страха перед научной, просветительной силой дарвинизма. При этом реакционеры нередко считали лишним скрывать, чем именно вызвано их враждебное отношение к этому учению. Так, лютеранский богослов Хр. Лютард негодовал в свое время по поводу того, что дарвинизм дает «научное оправдание для устранения бога, т. е. для атеизма» и тем самым социально опасен. «Ведь если, — писал он, — не существует бога на небе, то люди должны играть роль провидения на земле и устроить мир по своим собственным мыслям. Тогда и видно будет, к чему приведет все это: французская революция окажется детской игрой».¹⁸ Значит, этот теолог ясно сознавал, что борьба с дарвинизмом диктуется не научными, а классовыми соображениями — ролью религии в освящении эксплуатации человека человеком.

Характерно, что точно так же подходил к дарвинизму и видный немецкий антрополог Р. Вирхов (1821—1902). Этот, по выражению Энгельса, «почтительный буржуа», не будучи в силах научным путем опровергнуть дарвинизм, предавал его политическому проклятию, так как видел в нем источник обоснования революционных идей. В 1877 г. на Мюнхенском съезде немецких естествоиспытателей Вирхов очень резко выступил против активного дарвиниста Эрста Геккеля (1834—1919), требовавшего введения преподавания дарвинизма в средней школе. «Мы не имеем права учить, что человек происходит от обезьяны или от какого-либо другого животного», — настаивал Вирхов, — так как «дарвинизм прямо ведет к социализму».

Чтобы окончательно доказать политически «неблагонадежный» характер этого учения, реакционер Вирхов

¹⁷ Р. Кент. Это я, господа! М., 1966, с. 105.

¹⁸ Хр. Э. Лютард. Апология христианства. СПб., 1892, с. 645, 650—651.

запугивал собравшихся на съезд ученых призраком Парижской коммуны. «Представьте себе только, — заявил он, — как уже в настоящее время эволюционная теория выглядит в голове социалиста! (Смех) Да, милостивые государи, многим это может показаться смешным, но это очень серьезно, и мне хочется надеяться, что эволюционная теория не принесет нам тех ужасов, какие подобные теории натворили в действительности в соседней стране. Во всяком случае, эта теория, если это провести последовательно, имеет очень опасную сторону, и вы, надо надеяться, заметили, что социализм сближился с ней. Мы должны видеть это совершенно ясно».¹⁹

К таким по сути дела полицейским средствам прибегал натуралист Вирхов с целью опорочить естественно-историческую теорию — дарвинизм! Неудивительно, что всегда воздержанный в своих выражениях Дарвин писал по поводу выступления Вирхова своему другу Геккелю: «Поведение Вирхова отвратительно, и надеюсь, что ему самому когда-нибудь станет стыдно».²⁰

Что выступление Вирхова кое на кого оказало воздействие, явствует хотя бы из того, что Геккель, возражая Вирхову, всячески отрешивался от социализма и ударился в противоположную крайность. С серьезным видом он старался доказать, что социализм утопичен и противоречит дарвинизму, так как дарвинизм якобы аристократичен и, стало быть, решительнейшим образом отвергает попытки «сделать всех людей равными». Недаром Дарвин прямо удивлялся тому, какие «нелепые мнения» существуют в Германии среди ученых насчет отношения его учения к социализму, хотя его собственные общественно-политические воззрения тоже далеки были от полной ясности.

Разумеется, не все в Германии воспринимали учение Дарвина в уродливом виде. Один из виднейших представителей так называемого критического богословия Давид Штраус (1808—1874) под конец своей жизни считал нужным заявить о теории Дарвина: «Она еще много не объясняет... она скорее указывает путь к решению многих вопросов, чем уже дает его. Но как бы то

¹⁹ См.: А. Бебель. Женщина и социализм. Одесса, 1905. с. 212.

²⁰ D. L. L., vol. III, p. 237.

ни было, в ней есть нечто такое, что неотразимо привлекает людей, ищущих правды и свободы... Мы, философы и критические богословы должны были тратить много речей, чтобы разрушить веру в чудо, и все же нам это плохо удавалось, потому что мы не могли доказать его ненужность, не могли заменить его силами природы. Дарвин открыл эту силу природы, раскрыл естественные процессы и распахнул дверь, через которую грядущее, более счастливое поколение навсегда выбросит чудо. И всякий, кто знает, с чем связана вера в чудеса, назовет за это Дарвина одним из величайших благодетелей рода человеческого».²¹

Как бы то ни было, борьба «за» и «против» учения Дарвина имела и продолжает иметь принципиальное значение, так как по сути дела является борьбой «за» и «против» материализма в биологической науке. Антидарвинизм принял различные формы, но он всегда шел под флагом идеализма и нередко даже просто религии и только тормозит развитие научных знаний. Не случайно вышеупомянутый русский антидарвинист Н. Я. Данилевский в 1885 г. заявил, что его религиозное чувство не может примириться с дарвинизмом, так как это учение несовместимо с религиозным мировоззрением, имеет явно атеистический характер. Он подчеркивал, что учение Дарвина означает «дехристианизацию науки», ибо оно подводит весь органический мир «под материалистическое воззрение на природу», вследствие чего «верховному разуму не остается более места в природе».

Горячий сторонник Данилевского, публицист Н. Струков, говоря о том, как быстро воззрения креационистов разрушались под напором учения Дарвина, воскликнул: «Мы знаем какое главное влияние содействовало перевороту: это был материализм!».

После Данилевского дискредитацией дарвинизма с религиозных позиций много занимался богословствующий биолог профессор А. А. Тихомиров, который по собственному признанию не в силах был спокойно смотреть на триумфальное шествие этого учения. Он назвал Дарвина «лижецом», а дарвинизм «антихристианнейшим» учением, указывая на то, что оно «упразднило основу христианского воззрения на природу: идею предустановленного

²¹ Д. Штраус. Старая и новая вера. СПб., 1907, с. 116—117.

в мире порядка и совсем особенного положения человека среди других земных существ». Этот реакционер объявлял дарвинизм «учением, содействовавшим развитию величайшего из земных зол — дехристианизации науки», тем самым оно якобы «посагнуло на лучшие идеалы человечества». В своей статье «Вина науки» он заявил: «В лице дарвинизма наука подняла оружие против христианства, — и в этом его тягчайшая вина». Эти реакционные свои идеи Тихомиров излагал в ряде популярных брошюр и даже в лекциях для рабочих, так как видел, что дарвинизм проникает в народные массы.

Примерно такова же была позиция видного немецкого зоолога О. Гертвига (1849—1922), который в ряде книг открыто говорил о политической подоплеке своей борьбы с дарвинизмом, о своем старании «опровергнуть дарвинизм». Он подчеркивал, что материализм «перешел в биологию в виде дарвиновской теории» и что свою задачу он видит в том, чтобы «занять партийное положение в борьбе двух мировоззрений — материалистического и идеалистического». Гертвиг писал: «Дело идет не о критике преходящей биологической теории, а о гораздо большем: об участии в борьбе двух мирозерцаний — материалистического и идеалистического, — которые столь же стары, как и история философии вообще». Неудивительно, что стремление «помочь торжеству идеализма» побуждало его свои нападки на дарвинизм сочетать с нападками на материалистическое учение Маркса и Энгельса о развитии общества, хотя эти нападки были бессильны повредить как дарвинизму, так и марксизму.

Дарвин оставался ведущей фигурой той революции в научном мышлении, которая последовала после рождения его эволюционного учения и проникла во все сферы знания. Враги дарвинизма являлись вместе с тем врагами марксизма, так как у них общая идеологическая подоплека. Антидарвинизм принимал и принимает самые разнообразные формы, причем его адепты обычно уверяли, будто дарвинизм был и остался лишь чисто гипотетическим построением. Но еще наш выдающийся дарвинист К. А. Тимирязев (1843—1920) дал им достойную отповедь: «Учение Дарвина не есть только гипотеза в смысле простой догадки, это — необходимый, логически обязательный вывод из нескольких факторов, — тот вывод, от которого нельзя уклониться. Пусть опроверг-

пут существования измеччивости, последовательности и быстрой прогрессии размножения, пусть опровергнут свидетельства геологии о несметном ряде веков, истекших со времени появления жизни на нашей планете, а до тех пор учение о естественном отборе является логически неизбежным выводом».²²

Вообще вся история борьбы с дарвинизмом неопровержимо свидетельствует о чисто идеологических причинах этой борьбы. Она полностью подтверждает справедливость замечания К. А. Тимирязева, что всякий антидарвинист отказывается от дарвинизма не потому, что нашел в нем ошибки, а страстно ищет ошибки потому, что ему противен вывод. Он указывал, что это не случайное явление, а общее правило: «У антидарвинистов всегда желание опровергнуть предшествовало опровержению».²³

Когда в 1866 г. Геккель стал высказывать Дарвину свое негодование по поводу писак, третирующих идеи Дарвина и грязнящих его личность, Дарвин засмеялся и сказал: «Мой милый молодой друг, верьте мне, к этим бедным людям нужно иметь сострадание и снисхождение; они могут лишь на время задержать поток истины, но никогда не смогут надолго заградить ей дорогу».²⁴

Действительно, время работало на Дарвина, и он имел счастье убедиться в торжестве своего учения. Наиболее передовые, прогрессивные ученые стали приверженцами учения Дарвина и блестяще отражали нападки антидарвинистов. Поэтому вполне естественно, что многие из защитников религиозного мировоззрения давно уяснили себе невозможность научным путем опровергнуть истинность органической эволюции и вообще принципа развития. Так, современный американский богословствующий биолог Э. Синнот прямо говорит, что церковь, которая отрицает истинность органической эволюции, в наше время мало у кого из образованных людей «заслужит уважение».

Вследствие этого некоторые современные хитроумные апологеты религии (например, католический иеромонах Ф. Лелотт) говорят, что она якобы ни за, ни против эво-

²² К. А. Тимирязев. Сочинения, т. VII. М., 1939, с. 54.

²³ Там же, с. 431.

²⁴ См.: Э. Эвелинг. Чарльз Дарвин, жизнь и деятельность. М., 1923, с. 35.

люционного учения, так как не имеет на этот счет никакого указания от бога. Видный православный богослов (эмигрант) протоиерей В. Зеньковский утверждал, что «эволюция была и есть в природе», но она на разных ступенях своих нуждалась в «воздействии творца». Католическая церковь в настоящее время заявляет, будто эволюционное учение — это только одна из тех научных «гипотез», которая вовсе не доказана, что она все еще является предметом дискуссий, в которых могут принимать участие и верующие.

Среди защитников религии немало таких, которые ясно видят бесперспективность борьбы с эволюционным учением, поэтому они всячески пытаются оторвать дарвинизм, как и естествознание вообще, от материализма, т. е. так или иначе истолковать эту биологическую концепцию в религиозном духе. Это привело к появлению «религиозного эволюционизма», который стал особенно популярен в последнее время и по существу пытается поставить идею эволюции на службу церкви.

Друг Дарвина, писатель-романист, богослов, натуралист-любитель и политический деятель Ч. Кипгсли (1819—1875) еще в конце 1859 г. писал Дарвину: «Я ясно вижу, что если вы правы, то я должен отказаться от многого, во что я верил и о чем писал». Это именно тот «знаменитый писатель и богослов», которого Дарвин приводит в «Происхождении видов», не называя его фамилии, как пример священника, пытавшегося сочетать веру в бога с допущением эволюционного развития органического мира.²⁵ Следовательно, он был одним из первых представителей «религиозного эволюционизма», и это не случайно, так как он вообще стремился (конечно, безрезультатно) примирить непримиримое. Он был одним из тех церковников, кто проповедовал необходимость «христианизации» социализма, т. е. соединения христианства с социализмом, что не помешало ему выступить против чартизма, ибо, несмотря на разговоры о социализме, он не мыслил себе общества без сохранения частной собственности.

Сторонники «религиозного эволюционизма» выдвинули девиз «Развитие мира через его творение», что означает, будто бог не только создал природу, но и руко-

²⁵ См.: Ч. Дарвин. Сочинения. т. 3. М., 1939, с. 660.

водит ее развитием. Они говорят: «Развитие — да! Но никакого развития без бога!», и внушают верующим, что развитие на разных своих стадиях якобы нуждалось в воздействии творца. Однако еще Дарвин, как увидим далее, предвидел возможность появления попыток сочетания веры в творца и правителя мира с эволюционным учением, и он не раз указывал, что это учение не имело бы никакой цены, если бы оно требовало «чудесных прибавлений», т. е. сверхъестественного вмешательства на какой-нибудь стадии развития органического мира.

Несмотря на это, по пути «религиозных эволюционистов» идут и некоторые современные ученые, не порвавшие с религиозным мировоззрением. Так, американский биолог Э. Кессел в 1958 г. писал: «Творческая эволюция была методом божественного творения. Естественный отбор — один из главных механизмов эволюции, а эволюция — механизм творения». Однако еще до того американский богослов баптист Г. Моррис справедливо утверждал: «Эволюция по самой своей природе материалистична: это не что иное, как попытка объяснить биологические факты законами природы, не обращаясь к идее сверхъестественного и святого».²⁶

Как известно, в двадцатых годах реакционеры США загнали дарвинизм в подполье, добившись запрещения преподавания этого учения в ряде штатов. Так, один из законов штата Теннесси («закон Батлера») гласит: «Должно считаться незаконным для всякого преподавателя университетов, нормальных школ и всех других общественных школ штата... преподавать теорию, которая отрицает историю божественного происхождения человека, как она излагается в Библии, и учит вместо этого, что человек происходит от животных низшего порядка».

Хотя с тех пор прошло немало времени, этот закон строжайше применялся в штате Теннесси. Работающий в этом штате профессор зоологии А. Джонс констатировал: «Закон, предающий Дарвина анафеме, не является мертвой буквой, как полагают некоторые. Школьные инспекторы обязаны докладывать начальству о соблюдении так называемых школьных законов, в том числе за

²⁶ Н. М. Morris. The Bible and Modern Science. Chicago 1951, p. 47

кона, запрещающего упоминать о теории эволюции. Член комиссии штата по школьным учебникам заявил недавно, что комиссия внимательно просматривает все учебники, даже сборники задач по арифметике, выискивая, нет ли где упоминания о Дарвине и его ереси.²⁷ Делались, конечно, попытки отменить этот позорный закон, но они неоднократно были провалены мракобесами этого штата. Только в 1967 г. здесь наконец удалось добиться возобновления в учебных заведениях преподавания крамольного учения — дарвинизма. В 1973 г. в штате Теннесси сенат 28 голосами против одного принял новый закон, который запрещает преподавание в школах научной теории происхождения жизни на земле. В этом же году департамент просвещения штата Калифорния издал распоряжение об изъятии из всех учебников по естествознанию упоминания о дарвиновской теории эволюции, как об установленном факте. Отныне она должна считаться лишь «одной из гипотез». В постановлении департамента говорится: «О происхождении видов наука должна хранить молчание».

3

Конечно, никакие приемы замалчивания эволюционного учения не могут достичь цели — помешать мыслящим людям проявлять интерес к этому учению.²⁸ Однако попытки сочетать дарвинизм с религиозным учением не прекращаются, как не прекращались на протяжении многих лет старания антидарвинистов взорвать дарвинизм изнутри, для чего без всяких оснований использовалось великое открытие любителя естествознания монаха Грегора Менделя (1822—1884). Он доказал, что живые существа подчинены одним и тем же законам наследования и расщепления признаков в потомстве и тем установил, что наследственность имеет не слитный, а прерывный характер, т. е. состоит из отдельных элементов —

²⁷ См.: Наука и религия, 1962, № 1.

²⁸ Об идеологическом значении дарвиновского эволюционизма см.: Г. В. Платонов. Дарвин, дарвинизм и философия. М., 1959; П. Д. Пузиков. Философские основы эволюционного учения Дарвина. Минск, 1959; Наука против религии. Жизнь, ее происхождение и развитие. Сборник статей под ред. Э. А. Асратяна и др. М., 1967.

корпускул, которые впоследствии были названы гемами. Это открытие сыграло огромную роль в дальнейшем развитии дарвиновского эволюционного учения, хотя сам Мендель совершенно не касался вопросов эволюционизма и в своей работе даже не упоминал имени Дарвина, с книгой которого был знаком. Эта работа оставалась незамеченной до 1900 г., когда она была положена в основу новой, быстро развивающейся биологической дисциплины — генетики, т. е. науки о наследственности и изменчивости.

Величайшее значение для биологии имеет установление генетикой факта существования генов, но в течение долгого времени видные представители этой науки старались придать теории генов метафизический, а тем самым антидарвинистический характер. Они вырывали наследственность из общей связи явлений жизни, считали гены абсолютно неизменными, независимыми от воздействия среды сущностями, а процессы эволюции наследственности объясняли чисто механически — только перекombинацией генов. На этом основании они отрицали за дарвиновским отбором какую-либо творческую роль и даже заявляли, что вопрос об эволюции органического мира отпадает или же должен быть радикально пересмотрен. А между тем еще К. А. Тимирязев обратил внимание на то, что по существу законы Менделя не только не опровергли дарвинизм, но подтвердили его. Именно открытие Менделя устранило одно из возражений против этого учения, которое очень беспокоило самого Дарвина, — будто скрещивание делает невозможным сохранение в потомстве вновь появившейся формы.

Спекулируя «наукой», антидарвинисты отрицали возможность новообразований в живой природе, а в связи с этим многие из них даже утверждали, будто дарвинизм явился одним из величайших заблуждений, господствовавшим много десятилетий. Так, биолог Я. Лотси (1867—1931) уверял, что «пемыслима эволюция в дарвиновском смысле», но зато якобы «эволюция возможна, по крайней мере мыслима, и при постоянстве видов», что, конечно, является возвратом к метафизике креационистов. Еще дальше пошел генетик Г. Нильсон, который прямо отвергал органическую эволюцию, заявив, что «дарвиновская эволюция показала себя безжизненной и, вероятно, что еще хуже, оказалась фикцией» и что, следовательно,

«воззрение Линнея о постоянстве видов является, по-видимому, не догмой, а фактом». За эти антиэволюционные взгляды, конечно, охотно ухватились церковники, тем более что генетики, о которых шла речь, уверяли, будто их антидарвинизм прямо вытекает из законов наследственности, открытых Менделем. Так, уже в 1913 г. «Богословский вестник» писал, что «умственное движение, начало которому положил монах Мендель и в ряду продолжателей которого стоят ученые христианского образа мыслей, должно содействовать установлению гармонии между христианской верой и наукой».

Однако дальнейшее развитие генетики, как это предвидели подлинные дарвинисты, приобрело совсем другой характер и привело к полному краху антиэволюционных воззрений о природе генов. Можно даже сказать, что современная генетика, изучая физиологию наследственности и изменчивости, пропикнута «историческим методом» и поэтому стала одним из красугольных камней дарвиновского понимания органической эволюции. Следует иметь в виду, что хотя во времена Дарвина вследствие недостатка фактов невозможно было создать правильную теорию наследственности, он все же пытался сформулировать подход к ней, выдвинув «временную идею», которую называл гипотезой «пангенеза». В ряде основных моментов эта гипотеза оказалась ошибочной, но все же именно от нее берет свое начало генетика как наука, так как в ней Дарвин не только привлек внимание к материальным носителям наследственности, но и четко выразил мысль о корпускулярности наследственности. Таким образом, не кто иной, как Дарвин, положил начало материалистической корпускулярной теории наследственности, т. е. является предтечей учения о генах, которое весьма обогатило его эволюционное учение.

Все это показывает, что та самая генетика, которая одно время у некоторых ученых служила знаменем антидарвинизма, в конце концов стала наиболее ярким свидетельством торжества учения Дарвина, так как сама приобрела четко выраженный дарвиновский характер. Поэтому надо считать бесспорным, что именно дарвинизм впервые поставил биологию на вполне научную почву, что это учение способствовало дальнейшему развитию наших знаний о живой природе и что его основные существенные положения полностью сохранили свое

значение. Никакие ухищрения антидарвинистов разных толков не могут заставить нас усомниться в том, что материалистические основы учения Дарвина об органической эволюции живы и сейчас и развиваются на основе новых данных: они выдержали самую строгую проверку временем.

В связи с этим необходимо обратить внимание на большое значение работы советского биолога С. С. Четверикова,²⁹ в которой ученый выявил неразрывную связь генетики с эволюционизмом и в результате не только показал полнейшую несостоятельность точки зрения тех генетиков, которые мыслят метафизически, но и заложил прочные основы для перевода генетических фактов на язык учения Дарвина. Тем самым он открыл широкие перспективы как для генетики, так и для дарвинизма, так что он бесспорно принадлежит к тем натуралистам, которые наиболее способствовали развитию дарвиновского понимания органической природы.

Таким образом, вполне сохранило свою силу утверждение К. А. Тимирязева, что «дарвинизм... остается... единственным, действительным эволюционным учением». Оно нашло свое подтверждение в заявлении известного советского биолога И. И. Шмальгаузена, сделанном им в 1946 г., что дарвинизм является единственно правильной теорией и что «наша эволюционная теория и есть дарвинизм». Но если дарвинизм возник как стихийное диалектико-материалистическое учение, то в наше время он должен развиваться только на основе сознательного применения принципов диалектического материализма — высшего достижения научно-философской мысли.

Еще 8 апреля 1863 г. Энгельс, говоря о некоторых сочинениях дарвинистов в Англии, отметил: «...здесь теперь то и дело совершаются нападки на старую религию, и притом со всех сторон. Скоро придется состряпать в защиту религии какую-нибудь раздутую, как пузырь, систему рационализма».³⁰ Действительно, фиденсты стали «стряпать» такие системы очень скоро после появления дарвинизма, и самому Дарвину приходилось с этим считаться, так как они вели к попыткам создания «рели

²⁹ С. С. Четвериков. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики. — Журнал экспериментальной биологии, серия А, 1926, т. II.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 30, с. 277.

гнозного эволюционизма» — извращенному толкованию его учения. Это явилось одним из выражений той идеологической борьбы, которая разгорелась в биологической науке под влиянием учения Дарвина и все еще продолжается.

На примере учения Дарвина особенно ясно видно, что в естествознании, как отметил В. И. Ленин, «... есть устой, который становится все шире и крепче и о который разбиваются все усилия и потуги тысячи и одной школки философского идеализма, позитивизма, реализма, эмпириокритицизма и прочего конфузионизма. Этот устой — *естественноисторический материализм*».³¹

4

Датский философ Г. Геффдинг (1843—1931), соглашаясь с тем, что Дарвин по своему мировоззрению был материалистом, правильно заметил, что исходная идея материализма — отрицание сверхъестественного, является основой естествознания: «Выражалось мнение, что дарвинизм есть не только безнравственное, но даже материалистическое и атеистическое учение. Но если разуметь под материализмом только сведение явлений к определенным естественным законам, исключаяющим всякое сверхъестественное вмешательство, то Дарвин, конечно, материалист... Дарвин расширил область естественной связи: он содействовал тому, что привычка мыслить положительно и обходиться без теологических причин сделалась более распространенной среди естествоиспытателей, а затем и в более широких кругах. Принципиально этим не прибавлено в известном смысле ничего нового, потому что принцип естественных причин был уже давно установлен, но в истории естествознания не часты случаи столь блестящего подтверждения его».³²

Что же касается самого Дарвина, то он считал, что если его учение называют материалистическим и атеистическим, то такое обвинение следует предъявить всему естествознанию. И это несмотря на то, что он не был вполне свободен от некоторых предрассудков в отноше-

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 372.

³² Г. Геффдинг. История новейшей философии. СПб., 1900, с. 394—395.

нии понятия «материализм», укоренившихся у филистеров под влиянием религиозной пропаганды. Энгельс, касаясь этого предрассудка, писал: «Под материализмом филистер понимает обжорство, пьянство, похоть, плотские наслаждения и тщеславие, корыстолюбие, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне. Идеализм же означает у него веру в добродетель, любовь ко всему человечеству и вообще веру в „лучший мир“, о котором он кричит перед другими, но в который он сам начинает веровать разве только тогда, когда у него болит голова с похмелья или когда он обанкротился, словом — когда ему приходится переживать неизбежные последствия своих обычных „материалистических“ излишеств».³³

Давно уже идеалисты видят свою задачу в том, чтобы как-нибудь примирить два противоположных и непримиримых мировоззрения, — религиозно-идеалистическое и научно-материалистическое. Например, Фр. Паульсен (1846—1908) констатировал, что если старый супранатурализм защищался главным образом путем «заподозревания и поругания материалистической философии, а при случае также новых наук, как безбожных нововведений, опасных также и для государства и общества», то идеалистическая философия уже в течение ряда столетий пытается палатить «мир между знанием и верой». Паульсен говорил: «Философия старается теперь побороть эту противоположность изнутри: она всюду старается — и это, можно сказать, есть движущий момент во всем развитии новейшей философии — сделать религиозное мировоззрение и научное объяснение природы совместимым друг с другом. По воззрению многих, это будет значить — пайти квадратуру круга».³⁴

Этот философ заявил, что примирение науки и религии возможно на почве кантианства («идеалистического монизма»), так как центральный пункт философии Канта и состоит в том, чтобы «отдать должное тому и другому»: знанию против скептицизма Юма, вере против догматического ее отрицания в материализме. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Прехарактерна откровенная поста-

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, с. 290.

³⁴ Фр. Паульсен. Введение в философию. М., 1894, с. V, 11.

повка вопроса в введении: задача новейшей философии „примирить религиозное мирозерцание и научное объяснение природы“... Sic! И эта идея развита преобстоятельно: борьба-де на два фронта — с материализмом и „иезуитизмом“ (и католическим и протестантским). Материализм, конечно, понимается (выдается?) за *rein mechanisch, physikalisch u. s. w.*³⁵

По существу Паульсен в качестве кантианца защищал учение о двойственной истине, которое предлагает науке и религии идти независимо друг от друга, каждая своей дорогой. Не желая исчезновения религии, этот философ уверял, что религия совершенно не связана с тем или иным общим представлением о мире. Поэтому он очень сокрушался по поводу того, что Дарвин вместе с потерей доверия к доказательствам существования в природе разумной цели утратил также и религию. Он считал, что такого рода случаи в науке повторяются довольно часто и что они свидетельствуют о том, что для «хорошей вещи» — религии — нет ничего опаснее «таких доказательств», т. е. телеологического доказательства существования бога. А между тем как раз именно это доказательство считается богословами наиболее солидным, «объективным».

Паульсен говорил: «Для церкви является жизненным вопросом стать к науке в правильное отношение; она погибает от того недоверия, которое она питает к науке и в свою очередь испытывает это со стороны последней. Правильное же отношение состоит не в том, чтобы она постоянно принимала самые новые теории, а в том, чтобы она сделала себя совершенно независимой от научно-философских теорий».³⁶

Однако Паульсен сознательно замалчивает то обстоятельство, что религия есть целое мировоззрение, основанное на вере в сверхъестественное. Проповедь царства божьего и евангельской морали вытекает из мифа о сыне божьем, который в свою очередь связан с антропоцентризмом, телеологией и пр. В области же биологии эти представления разрушены дарвинизмом, а вследствие этого конфликт между религиозно-идеалистическим и научно-материалистическим мировоззрением крайне обо-

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 335.

³⁶ Ф. Паульсен. Введение в философию, с. 164—165.

стрился. В конце концов стало ясно, что всякие разговоры о том, что религия должна стать «независимой» от научно-философских представлений, являются лишь весьма весомым доказательством того, что подлинное естествознание не оставило никаких опор для религиозной теории и практики.

В борьбе с естественноисторическим материализмом богословы и их союзники из всех сил стараются доказать, что сам творец этого учения вовсе не был материалистом, так как он якобы не отвергал существование бога и был вполне верующим человеком. Они уверяют, будто Дарвин был сторонником теизма, лежащего в основе всех «высших» вероучений, т. е. допускал бытие внемирового бога, создавшего весь мир и управляющего им. Существует даже рассказ о том, что когда к Дарвину пришел один из его друзей, то прислуга заявила, что не может доложить о его приходе, пока Дарвин не окончит молитвы.

Гораздо более утонченную позицию занял в 1922 г. реакционный философ Штельце в книжке, специально посвященной отношению Дарвина к вере в бога. В ней этот защитник религии утверждает, будто Дарвин до конца жизни колебался между чувством и разумом, между верой и сомнением, причем эти сомнения были поистине драматичны, так как они якобы не давали покоя гениальному натуралисту.

Примерно такую же позицию занял в 1954 г. теолог Кларк, который уверяет, будто Дарвин был религиозно настроенным человеком, но в отличие от обычных верующих иногда проявлял колебания в вопросе о существовании бога. Этот хитрый антидарвинист утверждает, будто душа великого натуралиста время от времени раздваивалась, так как в ней происходила борьба между доводами за и против бытия бога. При этом он все же пытается внушить читателю, что в конечном итоге Дарвин «не мог уйти от бога».

Если бы все эти утверждения защитников религии соответствовали действительности, то это резко противоречило бы учению Дарвина, да и вообще всему тому, что им было сделано в науке в течение всей его жизни. Вследствие этого и в наше время продолжают еще споры по вопросу об отношении дарвинизма к атеизму и об отношении самого Дарвина к религии.

Разобраться в этом вопросе тем более важно, что сам Дарвин при изложении своих взглядов не падал на религию, так как ему приходилось считаться с так называемой «теологической ненавистью», т. е. с распространенным в его время в Англии враждебным отношением к противобиблейским воззрениям. Великий натуралист хотел избежать открытого столкновения с церковью, которое затрудняло бы распространение его учения, а вследствие этого существует весьма искаженное представление о мировоззрении Дарвина и его отношении к религии.

Отношение Дарвина к религии и его борьба за строго научное, по существу диалектико-материалистическое понимание эволюционного учения является весьма интересной страницей в истории не только естествознания, но и философской мысли, в частности атеизма. Тем более, что разбор этого вопроса позволяет выявить некоторые наиболее характерные стороны мировоззрения Дарвина и смыкается с вопросом об отношении крупнейших натуралистов к религии.

Имея в виду дать представление о некоторых сторонах мировоззрения Дарвина, не касаясь деталей его учения и вызванных им отдельных проблем (их много), мы здесь намеренно пользуемся не столько тем, что имеется в опубликованных им сочинениях, сколько тем, что не предназначалось им для печати и что находим в его переписке и отчасти в его автобиографии. Мы хотим показать в Дарвине те черты человека, исследователя и мыслителя, которые обычно не освещены или очень мало освещены не только в популярных, но и в специальных работах, посвященных Дарвину и его теории. Но Дарвина нельзя оторвать от его выдающихся научных друзей и соратников, тем более, что в большинстве случаев он резко расходился с ними во многих существенных вопросах мировоззренческого характера. Поэтому мы изложим эти вопросы в связи с теми идеями, которые отстаивал Дарвин, т. е. как бы на фоне тех дискуссий, которые он вел с этими учеными, и это позволит нам увидеть как сильные, так и слабые стороны мировоззрения этого мыслителя.

Из автобиографии Дарвина и из его писем видно, что он представлял собой среди мыслителей нового времени своеобразную сократовскую фигуру, вызывающую глубокое уважение благодаря таким качествам своей натуры, как честность, любовь к истине и неутомимое трудолюбие. Ту программу научной деятельности на всю жизнь, которую Дарвин наметил себе уже в молодости, он, несмотря на плохое состояние здоровья, выполнял неуклонно, не теряя ни одного дня. За шесть лет до смерти великий биолог, подытоживая свою деятельность, выразил удовлетворение тем, что ему удалось посвятить науке всю жизнь, причем собственные дарования ученый оценил весьма скромно. Характерно, что ссылки на авторитеты не удовлетворяли Дарвина, так как он отрицательно относился к чрезмерному возвеличению роли выдающихся людей не только в истории, но и в науке.

Так, в письме к апологету религии В. Грехему от 3 июня 1881 г. Дарвин писал: «Думаю, что я мог бы привести убедительные возражения против исключительно важной роли, которую вы приписываете нашим великим людям; я привык придавать весьма большое значение по крайней мере в области науки, людям второго, третьего и четвертого ранга».¹ Недаром Дарвин считал, что будущее его эволюционного учения зависит не от современных ему авторитетов, а от подрастающих молодых ученых, которые заменят старых научных «ветеранов».

Говоря о характерных чертах Дарвина как ученого и мыслителя, нельзя не заметить, что они неразрывно связаны с его качествами как человека. В связи с этим невольно вспоминается замечательное письмо-воспоминание Дарвина от 30 мая 1861 г., в котором автор дал яркую

¹ D. L. L., vol. I, p. 316.

характеристику своего учителя по ботанике и друга Дж. Генсло (1796—1861) вскоре после смерти последнего. Описывая личность Генсло, он дал по существу очень точное описание многих черт своего собственного характера. В этом письме, в частности, сказано: «Ничто не могло быть проще, сердечнее и непритязательнее того поощрения, которое он оказывал всем молодым натуралистам. Замечательно было отсутствие в нем не только самопения, но и всякой мысли о собственной личности. Мы замечали как-то сразу, что он никогда не думал о собственном многостороннем знании и о своем ясном уме, а только о том предмете, о котором шла речь. Другая обаятельная его особенность, которая должна была поражать всех и каждого, состояла в том, что его обращение как с первоклассными знаменитостями, так и с молодыми студентами было совершенно одинаково: все и каждый встречали с его стороны одну и ту же привлекательную любезность... Он никогда не позволял себе злостных суждений о чужой личности, хотя далеко не был слеп к недостаткам и слабостям других людей. Меня всегда поражала чистота его души, совершенно недоступной жалким чувствам зависти, тщеславия или соперничества. Несмотря на эту всегдашнюю ровность настроения и замечательное добродушие, в его характере не замечалось ни малейшей бесцветности или вялости. Только слепой мог не заметить, что под этой спокойной внешностью скрывалась сильная и решительная воля. Когда дело шло о принципе, то никакие силы на свете не могли заставить его свернуть в сторону, хотя бы на волос... В его уме, — поскольку я могу судить об этом, — преобладали способность к точному наблюдению, здравый смысл и осторожное суждение. Ничто не доставляло ему, по-видимому, такого удовольствия, как выведение заключения из повседневных наблюдений. Но... он обладал также способностью к обширным наблюдениям и широким взглядам».²

В лице Дарвина мы имеем редкое сочетание не только теплоты и поразительного трудолюбия, но и непоколебимой правдивости, и только благодаря этому он противостоял урагану предрассудков и добился торжества своего учения об органической эволюции. Еще

² Там же, с. 386—388.

в 1856 г., до опубликования своего учения, Дарвин, рассказывая Гукеру о своем споре с энтомологом Т. Уолластоном (1821—1878), который как пастор отрицательно относился к эволюционизму, писал: «Надо сознаться я выражался очень откровенно, — боюсь, даже слишком откровенно. Он говорит, что, по его мнению, моя самая характерная черта — сверхчестность. Не знаю, понимают ли это надо как насмешку: надеюсь, что нет».³

Нелегко досталась Дарвину его победа, и неудивительно, что в процессе столь долгой работы над своей теорией у него нередко появлялась мучительная мысль, не попал ли он в число тех маньяков, которые всю свою жизнь посвятили обоснованию идеи, которая оказалась совершенно несостоятельной или даже бредовой. Читая корректуру «Происхождения видов» и делясь своим настроением в связи с предстоящим выходом в свет этой книги, он 28 сентября 1859 г. в письме известному геологу Чарлзу Ляйеллю (1797—1875) заметил: «... я часто думал о людях, преследующих химеру в продолжение многих лет, и мысль эта заставляла меня дрожать как в лихорадке. Я спрашивал себя: не предавался ли и я всю жизнь фантазии? Но теперь... я спокоен».⁴ А успокоению его содействовал тот факт, что такие высокоавторитетные натуралисты, как Ляйелль, Гукер и Гексли, весьма серьезно отнеслись к основным положениям его учения. Он считал «нравственно невозможным», чтобы такие выдающиеся «исследователи истины» могли ошибиться в столь важном вопросе.

Следует учесть, что Дарвин решил выступить в печати с изложением своего учения только тогда, когда он был «подобно Крезу, подавлен своим богатством фактов». А ведь он являлся исключительно разносторонним натуралистом, совмещал в себе почти все тогдашние знания в области биологии и геологии, и это — одна из причин успеха его учения. Природу он знал лицом к лицу, ибо изучал ее и в девственных лесах Бразилии, и в ущельях Кордильер, и в соседнем огороде, и в водах Великого океана, и у себя в саду, голубятне и т. д.

Правильно писал его сын ботаник Френсис Дарвин (1848—1925): «Читая его книги, вспоминаешь скорее

³ Там же, т. II, с. 73.

⁴ Там же, с. 230.

старых натуралистов, чем писателей современной школы. Он был натуралистом в старом смысле этого слова, т. е. человеком, который работает во многих областях науки, а не является узким специалистом в какой-либо одной области... Читатель испытывает такое ощущение, будто он является другом этого джентльмена, любезно беседующего с ним, а не учеником профессора, читающего ему лекции».⁵ Френсис замечает, что его отец никогда не относился с пренебрежением к сомнению, могущему возникнуть в уме его читателя, а напротив, с терпеливым уважением смотрел на «возможный скептицизм с его стороны».

Чрезвычайно характерно то, что со времени Дарвина не было ни одного натуралиста, совмещающего в своей голове всю ту совокупность фактов, которую одновременно охватывал и оценивал Дарвин: на этом и основана убедительная сила его учения!

Неудивительно, что для этого умственного подвига потребовались десятки лет напряженного мышления и строгой критики. До того как он почувствовал себя способным убеждать других, он должен был сам себя убедить накопленными им доказательствами, анализом своих сомнений и выявлением ошибочности противостоящих ему старых взглядов. Можно сказать, что на вопрос о том, как Дарвин дошел до своего открытия, он, как некогда Ньютон, мог бы ответить: «Я постоянно его обдумывал». В письме к американскому журналисту Ф. Эбботу от 16 ноября 1871 г. Дарвин указывал: «Все, чего я достиг в науке, было делом долгого обдумывания, терпения и усердия».⁶ В одной анкете он писал, что его умственная энергия «выражается в усиленной и продолжительной работе над теми же вопросами, что и двадцать лет назад».⁷ А еще раньше, 30 сентября 1859 г. Дарвин, обращаясь к Ляйеллю, писал: «Оглядываясь назад, я думаю, что разобраться в самих проблемах было труднее, чем их разрешить, а насколько это удалось мне сделать, представляется мне самому довольно любопытным».⁸

Дарвин отличался такой скромностью, что считал, будто схватывать одним взглядом уйму разнообразных

⁵ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 9. М., 1959, с. 344.

⁶ D. L. L., vol. I, p. 306.

⁷ Там же, т. III, с. 178.

⁸ Там же, т. II, с. 170.

фактов, вывести из них закон природы — не такое уж трудное дело. Имея в виду «Происхождение видов», он говорил, что всякий ученый с обыкновенными способностями мог бы написать такую книгу, если бы имел достаточно терпения и времени. Дарвин считал себя рядовым ученым, располагающим лишь более благоприятными, чем другие, условиями работы: материальный достаток, много свободного времени и пр. 18 мая 1860 г. он писал Уоллесу: «Если бы вы имели досуг, вы написали бы такое же или даже, может быть, лучшее сочинение, чем написал я».⁹

В упомянутой анкете Дарвин писал о себе, что никаких «особых талантов у него нет», но «высказал некоторую оригинальность в науке». На вопрос, какие качества ума обусловили его научный успех, он ответил: «Настойчивость и большая любознательность к фактам и их значению».¹⁰ Однако он неизменно указывал, что ничто не давалось ему легко и быстро. «Всякая степень убежденности дается мне годами работы», — неоднократно подчеркивал он в своей переписке.

Когда Дарвину говорили, что основные элементы его биологического учения уже «носились в воздухе» и что «умы были к нему подготовлены», он решительно отрицал это, указывая, что долгое время не находил никакого сочувствия у тех, кому излагал свое учение. Действительно, письма Дарвина к Джозефу Долтону Гукеру (1817—1911) и другим друзьям по науке достаточно ясно показывают, насколько одиноким чувствовал себя Дарвин, когда он осмеливался излагать основы своего понимания органической природы.

В автобиографии Дарвин отмечает, что несколько раз он пытался объяснить «очень способным людям», что он понимает под естественным отбором, но «совершенно безуспешно». Поэтому в первых изданиях своей книги он не рассчитывая на быстрый успех своего учения, писал, что обращается «с доверием к будущему — к молодому подрастающему поколению натуралистов, которые будут в состоянии с должным беспристрастием взвесить обе стороны вопроса».¹¹

⁹ Там же, с. 309.

¹⁰ Там же, с. 178.

¹¹ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3. М., 1939, с. 661.

Свое учение Дарвин обдумывал в течение свыше двадцати лет, и несмотря на то что все это время среди натуралистов чувствовал себя в этом отношении одиноким, он не падал духом и продолжал настойчиво работать.

В 1849 г. он шутливо сказал Гукеру: «Хотя мне предстоит больше пинков, чем пенсов, я не откажусь, если только жизнь позволит, от своего труда». Выступить же в печати с изложением своего биологического учения Дарвин, как уже отмечено, решил только тогда, когда почувствовал, что накопил достаточно фактов и убедительно обосновал свои выводы. При этом он, конечно, знал, что ему не избежать ожесточенных нападок со стороны многочисленных последователей креационизма и прочих библейских догм. В 1857 г. его близкий друг ботаник и палеонтолог Хью Фоконер (1809—1865) в пылу спора резко заявил Дарвину: «Вы принесете больше вреда, чем десять натуралистов могут принести пользы». Рассказывая об этом американскому ботанику Аза Грею (1810—1888), Дарвин заметил: «Вот как возмущаются мои старые друзья; после этого вы не удивитесь, что я ожидаю враждебного отношения к моим воззрениям».

Впоследствии Фоконер в общем принимал эволюционное учение Дарвина, но, подобно многим натуралистам, лишь с рядом оговорок. Все же характерно, что уже 23 июня 1861 г. он, рассказывая о своем пребывании в Италии и Германии, сообщил Дарвину: «Везде, где бы я ни был, я слышал толки о ваших взглядах и о вашем превосходном произведении; с вашими взглядами люди, конечно, часто не соглашаются, смотря по личной склонности каждого, но о вашей работе всегда говорят с большим восторгом, признавая искренность ее намерений, величие концепции, удачность примеров и смелое изложение».¹²

Крайне добросовестное отношение Дарвина к делу, соединенное с необычайной скромностью, привело к тому, что он чуть не потерял право на приоритет, узнав, что в 1858 г. натуралист Альфред Уоллес (1823—1913) написал статью, в которой содержалась мысль о естественном отборе. В своем благородстве он дошел до того, что был

¹² D. L. L., vol. II, p. 374—375.

способен отрешиться от всякого личного чувства по отношению к так долго вынашиваемой им идее, дорожа лишь одним — торжеством этой идеи. Этому вряд ли противоречит тот факт, что чтение статьи Уоллеса все же в известной мере расстроило его и он согласился с теми шагами, которые с величайшим тактом по отношению к Уоллесу были сделаны Ляйеллем и Гукером для установления приоритета Дарвина. Во всяком случае в феврале—марте 1857 г. Дарвин в письмах к своему родственнику и другу В. Фоксу подчеркнул, что слава его мало интересует и что, вероятно, он стал бы примерно так же усердно работать, если бы знал, что имя его как автора книги останется навсегда анонимным, так как ему кажется, что он работает «под влиянием инстинкта, толкающего к исканию истины».

Как известно, свои основные идеи об органической эволюции Дарвин впервые более или менее обстоятельно изложил в книге «Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствующих пород в борьбе за жизнь». Она поступила в продажу 24 ноября 1859 г. в Лондоне в количестве 1250 экз. Дарвин был настолько мало уверен в успехе этой книги, которая являлась «извлечением» из большой (незавершенной) рукописи, что в одном из своих писем признался, что предел его мечтаний — это, чтобы ее сбыт окупил расходы на ее издание. Однако против ожидания автора его книга заинтересовала далеко не одних только специалистов, так как затронула вопросы, имеющие колоссальное мировоззренческое значение. Все издание разошлось молниеносно, всего лишь в течение дня, и благодаря этому необычайному успеху имя Дарвина приобрело такую популярность, какой не доставалось ни одному натуралисту.

Незадолго до поступления книги в продажу Дарвин некоторое число экземпляров разослал авторитетным ученым. Уже 21 ноября 1859 г. видный английский натуралист Г. Ч. Уотсон (1804—1881) писал Дарвину: «Ваша руководящая идея, т. е. естественный отбор, наверное будет признапа как установившаяся истина в науке. Она обладает признаками всех великих естественных истин, разъясняет то, что было темно, упрощает то, что было затруднительно, и много прибавляет к нашим прежним знаниям. Вы — величайший революционер в совре-

менном естествознании или — в естествознании всех времен». ¹³

Насколько нелегко было Дарвину добиться своих многочисленных научных успехов, видно из того, что одним из тяжелых обстоятельств его жизни являлась неизлечимая болезнь нервного характера. В течение почти сорока лет он боролся с нею и так терпеливо переносил ее, что даже его дети не могли представить себе его постоянных страданий. А между тем малейшее утомление, волнение, оживленный разговор и т. д. крайне вредно отзывались на его самочувствии. Ночи он проводил настолько плохо, что часто часами сидел в постели, испытывая сильные боли, толпноту, приступы слабости и т. п. Если при этих условиях Дарвин все же мог работать для науки, то этим обязан правильному распорядку дня, строгому пищевому режиму и особенно стараниям своей жены, которая необычайно терпеливо ухаживала за ним во время приступов болезни и сумела освободить его от мелочных забот.

2

Одной из характерных черт Дарвина является крайняя снисходительность в отношении других и неумолимая строгость к самому себе. По выражению К. А. Тимирязева, он «строгий судья своих идей» и вместе с тем «и чужое возражение и свой довод он ценит лишь настолько, насколько они касаются дела, не обращая внимания на то, задевают ли они или защищают его авторитет». ¹⁴

Из его книг, статей и писем видно, что он не только неустанно разыскивал доказательства своей теории, но и с неменьшим рвением искал и сам придумывал возражения против нее, т. е. сам искал слабые места в своих научных воззрениях. В результате все существенные возражения против теории естественного отбора были им предусмотрены и подвергнуты разбору заранее. Прочтя «Происхождение видов», Аза Грей 23 января 1860 г. писал Дарвину: «Отрадно видеть человека, который, выступая с новой теорией, открыто сознает, что он встречает трудности, непреодолимые по крайней мере в настоящее

¹³ Там же, с. 226.

¹⁴ К. А. Тимирязев. Сочинения, т. VII, с. 67.

время. Я знаю людей, которые никогда не говорят о каких бы то ни было трудностях». ¹⁵ Эта научная честность и строгость Дарвина производили большое впечатление и, конечно, немало способствовали успеху его учения, обезоруживая во многих случаях его противников.

Характерно, что Дарвин почти не обращал внимания на злобные нападки на его учение и на его личность, решив не тратить времени на газетную и журнальную полемику, а продолжать свою работу по дальнейшему обоснованию и развитию своих взглядов. Но из этого вовсе не следует, будто Дарвин не был темпераментным борцом за свое учение и всю тяжесть борьбы за дарвинизм возложил на плечи своих друзей и сторонников. Он не оставался в стороне от этой борьбы, стараясь разобрать все научные возражения и написал в защиту своей теории ряд статей, которые, несмотря на свой специально научный характер, не лишены элементов полемического задора. Не случайно замечание Дарвина, что нападки его противников делают его еще «более закаленным» и более «твердым в борьбе».

От своих критиков и оппозиционных рецензентов Дарвин требовал только добросовестности и корректности, т. е. правильной, неискаженной передачи его мыслей и корректной формы их отрицания. Одному из своих противников, Виснеру, он писал 21 октября 1881 г., что «грубые выражения, часто употребляемые людьми науки по отношению друг к другу, пользы не приносят, а только унижают науку». ¹⁶ Поэтому как ни остры были разногласия между Дарвином и Уоллесом по принципиальному вопросу о природе человеческого сознания, Дарвин в «Происхождении человека» очень точно, но деликатно отмечал это расхождение, и Уоллес был растроган этой манерой Дарвина, что и выразил в письме к нему.

Отвечая на это письмо, Дарвин 30 января 1871 г. писал: «Я не хотел выразить вам даже малейшее неуважение, а ведь так трудно говорить прямо, если с кем-либо расходишься во взглядах. Если бы я обидел вас, это огорчило бы меня больно, в чем вы охотно поверите мне... Вы меня привели в очень хорошее настроение: я так боялся преднамеренно быть несправедливым к вашим

¹⁵ D. L. L., vol. II, p. 274.

¹⁶ Там же, т. III, с. 336.

взглядам... Я очень мало беспокоюсь о том, что говорят другие. Что касается того, что мы не вполне сходимся во взглядах, то двум людям, из которых каждый самостоятельно приходит к своим выводам, почти невозможно вполне сойтись, для них это было бы неестественно».¹⁷

Характерно, что рассуждения всякого рода критиков теории Дарвина великий натуралист читал прежде всего с целью найти какое-нибудь новое возражение против себя или какое-нибудь полезное указание в свою пользу. Всевозможные же выходки своих противников, их колкости, брань и т. п. он всегда оставлял без внимания, интересуясь лишь существом дела. Если в критике своей книги Дарвин находил что-нибудь заслуживающее внимания, он обязательно делал на ней надпись: «иметь в виду при следующем издании». Однако на большинстве критических разборов своих работ Дарвин подписывал — «ничего нового» или же просто ставил: «нуль».

Такой вывод был вполне обоснован: ни один из противников Дарвина не выдвинул ни одного нового, неизвестного ему возражения. 28 октября 1860 г. Дарвин писал Ляйеллю: «Мало чему так удивлялся, как совершенной бедности возражений и новых для меня затруднений в статьях моих критиков».¹⁸ На эту сторону дела видный физик Дж. Тиндаль (1820—1893) в 1874 г. обращал внимание ученых: «Мистер Дарвин не отступает перед затруднениями, и так как он вполне владеет своим предметом, то лучше, чем его критики, знает как слабые, так и сильные стороны своей теории... Он не дает себе труда маскировать замеченные им слабые стороны; напротив того, он употребляет все усилия, чтобы выставить их как можно рельефнее. Его громадные познания позволяют ему бороться с возражениями, высказываемыми им самим и другими... Он проносится по предмету с бесстрастной силой ледника и, отрывая утесы, порой стирает в порошок логику своего противника».¹⁹

Итак, Дарвин как подлинный поборник истины старался предусмотреть все возражения против своего учения. «Я мог бы написать о своих сочинениях еще более сильную критическую статью» — сказал он однажды по

¹⁷ Там же, с. 134—136.

¹⁸ Там же, т. II, с. 234.

¹⁹ Речь Тиндаля. — Вестник Европы, 1874, декабрь, с. 853.

поводу враждебных статей в его адрес. Свое письмо к немецкому биологу К. Земперу от 8 февраля 1881 г. он закончил словами: «...разрешите мне поблагодарить Вас за любезность, с какой Вы часто ссылаетесь на мои труды, и еще за большую любезность, с какой Вы не соглашаетесь со мною».²⁰ На замечание его сторонника Геккеля, что Дарвин выставляет возражения своих критиков в преувеличенном свете, Дарвин 21 мая 1867 г. ответил: «Вы говорите о том, что я слишком подчеркиваю возражения против моих взглядов, и некоторые мои английские друзья тоже думают, что я в этом отношении делаю ошибку, но истина заставляет меня писать так, как я писал, и я склонен думать, что это — хорошая политика».²¹ Он неоднократно подчеркивал, что истина не победит, если не сумеет отразить все нападки на себя.

Вскоре после этого Дарвин ознакомился с сборником критических статей натуралиста Ж. Катрфажа (1810—1892), который отнесся к дарвинизму серьезно, а к самому Дарвину с уважением. Отвечая этому антидарвинисту, Дарвин писал: «Тон, которым вы везде говорите обо мне, очень приятен для меня... Многие из ваших приговоров довольно суровы, но все они высказаны любезно и честно. Я могу сказать, что мне хотелось бы, чтобы вы критиковали меня таким образом, чем чтобы меня хвалили другие. С некоторыми из ваших критических замечаний я согласен, но с остальными решительно не согласен».²²

Характеризуя Дарвина вскоре после его смерти. Катрфаж писал: «Нередко он простирали хладнокровие своих суждений до того, что в своих собственных трудах отыскивал доводы и факты в пользу своих противников. Тогда с какой-то рыцарской честностью он спешил первый на них указать... Эта никогда не изменявшая ему высокая добросовестность сообщала некоторым страницам его труда какую-то чарующую прелесть... Каждый раз, как вы откладываете в сторону его книгу, вы чувствуете, что у вас невольно возрастает глубокое уважение к ученому, горячая симпатия к человеку».²³

²⁰ Ч. Д а р в и н. Избранные письма. М., 1950, с. 282.

²¹ D. L. L., vol. III, с. 69.

²² Там же, с. 117.

²³ К. А. Т и м и р я з е в. Сочинения, т. VII, с. 14.

Из сказанного видно, что Дарвин стремился предусмотреть всякие возражения против своего учения и поэтому в нападках своих противников не папел для себя ничего неожиданного. Однако в 1867 г. случилось событие, которое совершенно его смутило: некий инженер Ф. Дженкин (1833—1885), не имевший никакого отношения к биологическим наукам, при помощи совершенно неожиданных для Дарвина математических расчетов пытался опровергнуть теорию естественного отбора.

Тогда казалось очевидным, что дети наследуют по ровну свойства отца и матери и что вследствие этого скрещивание оказывает сглаживающее, как бы поглощающее действие на всякое вновь появляющееся резкое изменение. Если какой-нибудь признак имеется только у одного из родителей, то он, с этой точки зрения, будет передан по наследству детям в половинном размере, к внукам дойдет в размере одной четверти и т. д. и постепенно «сойдет на петь». На этом основании Дженкин заявил, что всякий новый, резко выраженный признак особи имеет очень мало шансов сохраниться и укрепиться в потомстве, так как этой особи, как правило, приходится скрещиваться с неизменной особью того же вида. Это указание Дженкина было подхвачено антидарвинистами, которые увидели в нем бесспорное доказательство краха центрального пункта дарвинизма. Оно произвело на Дарвина ошеломляющее впечатление и, подобно кошмару, мучило его до самой смерти.

Несостоятельность соображений Дженкина, как отметил еще К. А. Тимирязев, вытекала из законов наследственности Менделя, о которых Дарвин ничего не знал. Ведь опыты этого ученого установили, что при скрещивании признаки не сливаются, а сохраняются неизменными, причем признак одной формы является доминирующим (осиливающим), а другой признак, наоборот, рецессивным (ослабленным). При этом в первом поколении все особи обладают исключительно доминирующим признаком, а начиная со второго поколения у гибридов идет «расщепление признаков», т. е. одни особи похожи на отцовскую форму, другие — на материнскую. В этом случае на каждые три экземпляра потомства с отцовским или материнским признаком должен получиться один с противоположным признаком.

Поскольку эти закономерности еще не были известны, Дарвин, продолжая отстаивать теорию естественного отбора, высказал ряд соображений, направленных на ослабление возражений Дженкина. Так, он указывал, что особь передает потомству тенденцию изменяться в том же направлении, в котором изменялась: при благоприятных условиях они не поглощаются, а проявляются в потомстве и усиливаются.

Вместе с тем удивительно то, что Дарвин еще до Менделя обратил внимание на ряд случаев, когда признаки родителей не сливаются, а передаются в чистом виде, не испытывая никакого поглощения. Но вследствие недостаточности фактов он в явлении расщепления признаков у гибридов усматривал лишь особый случай наследственности и не думал возводить его (как это впоследствии сделал Мендель) в универсальный закон живых существ. Так, перечислив ряд случаев расщепления родительских признаков, Дарвин писал: «После всех приведенных фактов нельзя сомневаться в том, что у растений одна и та же особь, будь то гибрид или помесь, иногда возвращается... к отдельным родительским формам целиком или в отдельных своих сегментах».²⁴ Значит, Дарвин указывал на то, что расщепление признаков имеет место только «иногда» и только в некоторых случаях, и именно поэтому не мог окончательно выявить несостоятельность соображений Дженкина.

Мы видим, что Дарвин считал «хорошей политикой» свое стремление не скрывать возражений против его учения. Но эта тактика обусловлена была тем, что в своих исследованиях он блестяще применял научный (или, как он говорил, «бэконовский») метод. В письме к философу У. Фиске от 8 декабря 1874 г. Дарвин подчеркнул: «Я пахожу, что индуктивный метод настолько сильно укрепился в моем уме, что я не в состоянии правильно оценить дедуктивные рассуждения: я должен начинать с значительного запаса фактов, а не с принципа (в котором всегда подозреваю какую-нибудь ошибку), а затем уже сделать сколько угодно дедукций».²⁵ Между тем один из его учителей, геолог Адам Седжвик (1785—1873), не мирясь (будучи пастором) с учением Дарвина, заявил,

²⁴ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 4, с. 424.

²⁵ D. L. L., vol. III, p. 193.

будто Дарвин отступил от индуктивного метода Бэкона и поэтому его учение не имеет действительного научного основания. По поводу «Происхождения видов» он 24 декабря 1859 г. писал Дарвину: «Если бы я не считал Вас человеком любящим истину, я не признался бы Вам в том, что я прочел Вашу книгу скорее с огорчением, чем с удовольствием... Вы покинули ... правильный метод индукции... Многие из Ваших широких заключений основаны на положениях, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть, — зачем же в таком случае выражать их на языке и в форме философской индукции?». ²⁶ Вскоре после этого Седжвик выступил в печати с направленной против Дарвина рецензией, в которой, пытаясь доказать лженаучный характер воззрения Дарвина, неоднократно повторял: «Это не настоящий бэконовский метод».

В связи с этим Дарвин 8 мая 1860 г. в письме к Дж. Генсло с огорчением писал о Седжвике: «Он много говорит о моем отходе от духа индуктивной философии. Я хотел бы — если Вам случится говорить с ним об этом, — чтобы Вы спросили его, разве нельзя считать допустимой (и большим шагом вперед) волновую историю света, т. е. гипотетические колебания в гипотетическом субстрате, эфире. А если это так, то почему не могу я изобрести гипотезу естественного отбора (который, по аналогии с одомашненными созданиями и из того, что мы знаем о борьбе за существование и об изменчивости органических существ, в некоторой небольшой степени сам по себе вероятен) и попробовать, не объясняет ли эта гипотеза естественного отбора (а я думаю, что да) большего числа фактов в области географического распределения, геологической последовательности, классификации, морфологии, эмбриологии и т. д. Я, право, очень желал бы знать, почему такую гипотезу, как волнообразные колебания эфира, можно придумывать и почему я не могу придумать (не то, чтобы я придумал ее, ибо я пришел к ней, изучая прирученные разновидности) какую-нибудь гипотезу, подобную естественному отбору». В заключение Дарвин заявил: «Я вполне понимаю Седжвика или кого бы то ни было, утверждающего, что естественный отбор не объясняет обширных классов фактов; но это совсем дру-

²⁶ Там же, т. II, с. 248.

гое, чем говорить, будто я отхожу от правильных принципов научного исследования».²⁷

Впоследствии Дарвин в своей автобиографии, имея в виду выступление Седжвика, счел необходимым подчеркнуть, каков в действительности был ход эволюционного учения. Он указывает, что начал с изучения результатов селекционной практики, а затем, учтя полученные выводы, перешел к биологической теории, т. е. начал с вопроса, каким средством пользуется человек для изменения, превращения органических существ, и изучение этих средств привело его к объяснению причины явления, к представлению об отборе как факторе видообразования.

Значит, Дарвин правильно оценил роль практики (сельскохозяйственного опыта) для развития теоретической мысли (биологических обобщений), — критерий практики он сделал решающим звеном своей эволюционной теории. Вместе с тем он (хотя и преклонялся перед индуктивным методом) на собственном примере показал, что чистых индуктивистов в природе не существует, что индукция и дедукция необходимым образом дополняют друг друга.

В 1844 г. Гукер жаловался Дарвину, что «не умеет делать широких обобщений». В ответ Дарвин ему писал: «Позвольте мне истолковать это в том смысле, что вы не потворствуете праздным умозаключениям, в которые так легко пускается всякий дилетант или странствующий коллекционер. Я смотрю на излишнюю тягу к обобщениям как на безусловное зло».²⁸ Вместе с тем Дарвин в 1857 г. в письме к Аза Грею говорит о том, что в естественных науках значение обобщений обычно несправедливо недооценивается, а значение наблюдений переоценивается. «Следовало бы, — пишет он, — всегда иметь в виду, что наблюдатель несравненно лучше кого бы то ни было способен сделать обобщения на основании своих наблюдений. А между тем какое множество астрономов проработали всю свою жизнь над наблюдениями и все же не сделали из них ни единого вывода».²⁹

Недаром Дарвин писал, что с ранней юности чувствовал потребность «подчинять факты общим законам» (т. е.

²⁷ Ч. Д а р в и н. Избранные письма, с. 128—129.

²⁸ Там же, с. 29.

²⁹ D. M. L., vol. II, p. 254.

понимать или объяснять то, что он наблюдал, выдвигая гипотезы, принципы и т. д.) и что в конце концов он превратился «в машину для извлечения общих выводов из массы фактов». Его сын Френсис Дарвин, касаясь вопроса о научном методе своего отца, писал: «Он часто говорил, что ни один ученый не может быть хорошим наблюдателем, если он не является продуктивным теоретиком».³⁰

В письмах к своим ученым друзьям Дарвин неоднократно подчеркивал, что подлинный натуралист обязательно должен обладать «философским умом» — способностью мыслить независимо и последовательно, сделав из всякого учения все необходимые выводы. Так, Дарвин при всем своем уважении к научным заслугам Мерчисона, заметил: «Как странно, что такой крупный геолог имеет такой нефилософский ум». 15 февраля 1860 г. он в письме к Ляйеллю выразил свое удивление непоследовательностью Л. Дженинса (1800—1893) как натуралиста: «...он искреннее всех противников, которых я знал: он говорит, что не пойдет так далеко, как я иду, но *не может* привести основательной причины, почему он этого не сделает. Смешно видеть, как всякий проводит свою воображаемую черту, перед которой надо остановиться. Это мне так легко напоминает то, что я слышал о вас, когда я только что начал изучать вашу геологию».³¹

Неудивительно, что Дарвин, видя некоторые колебания самого Ляйелля, писал ему 2 сентября 1859 г.: «Не принимайте поспешно предвзятого решения (подобно многим натуралистам) идти только до известного пункта и никак не дальше, потому что я глубоко убежден, что безусловно необходимо или идти со мною до конца... или же придерживаться особого сотворения каждого отдельного вида».³²

Для Дарвина было ясно, что само естествознание в результате разработки отдельных вопросов в конце концов толкает натуралистов на путь широких обобщений, заставляя их мыслить философски. 3 декабря 1861 г. он писал зоологу Г. В. Бэтсу: «С общей точки зрения я совершенно убежден (Гукер и Гексли пришли к тому же взгляду несколько месяцев тому назад), что философский взгляд на природу может быть воспринят натуралистами

³⁰ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 9, с. 339.

³¹ D. L. L., vol. II, p. 286.

³² Там же, с. 165.

только посредством разработки специальных предметов, как вы это сделали».³³

Неприятное впечатление произвело на Дарвина то обстоятельство, что позитивисты во главе с Литтре встретили его эволюционное учение отрицательно. Так, в 1864 г. этот философ, отвергая, как антинаучное, учение о конечных причинах, вместе с тем отрицал и дарвиновское объяснение целесообразности органических форм, считая способность живых существ приспосабливаться к окружающим их условиям «несобъяснимым» свойством живого вещества. Выходило, что здесь кончается путь развития науки, и Дарвин решительно отбрасывает эту точку зрения, видя в позитивистах «врагов пауки».

Указывая на то, что ничего не мог разобрать в «идеалистических понятиях», Дарвин сказал: «Но ведь у меня, как говорит Уолластон, голова не метафизика». Метафизиков же он терпеть не мог, причем к ним обыкновенно относил всех представителей господствовавшего тогда в философии идеалистическо-эклектического направления. Так, по поводу философа М. Жана, пытавшегося соединить воззрения разных идеалистов, Дарвин в письме к Уоллесу от 5 июля 1866 г. писал: «Он метафизик, а такие господа сами настолько хитры, что, я думаю, они часто не понимают простых людей».³⁴ Если Дарвин иногда и пускался в какие-то философские беседы, то делал это крайне неохотно и чувствовал себя каким-то беспомощным. Так, в письме от 11 июля 1861 г. к своей кузине Джулии Веджвуд, писавшей по философским вопросам, он по поводу ее статьи «Границы науки» отметил: «Я должен сознаться, что не мог ясно понять Вас в некоторых местах, что, вероятно, объясняется тем, что я совершенно не привык к метафизическому направлению мысли».³⁵

Хотя Дарвин справедливо обижался, когда его обвиняли в забвении индуктивного метода исследования, он, как уже отмечено, на собственном примере показал, что «чистым» индуктивистом он вовсе не был. Но, как бы то ни было, для истории научно-философской мысли важно то, что Дарвин неуклонно отстаивал положение, согласно которому даже самое «высокое» в природе — жизнь, инстинкты, сознание и т. д. — не только не изъято из подчи-

³³ Там же, с. 378.

³⁴ Там же, т. III, с. 46.

³⁵ Там же, т. I, с. 313.

нения законам природы, по именно в силу этих законов, т. е. фактических, истинных, естественных причин, возникло и развивается. Тем самым Дарвин по существу навсегда изгнал из естествознания обращение к супранатуральному, как бы оно ни называлось, и тем, сам того не сознавая, оказал огромную услугу диалектико-материалистическому мировоззрению.

3

Одно из важных доказательств своего учения Дарвин видел в том, что оно связывает между собою длинный ряд разнообразнейших фактов единой мыслью. Он считал, что учение о естественном отборе имеет все черты строго научной гипотезы, так как оно связывает много фактов понятной и «единой нитью» рассуждений. Он не устал повторять, что невозможно допустить, чтобы ложная теория объясняла так удовлетворительно, как это объясняет теория естественного отбора, целые группы независимых одни от других фактов.

Совершенно справедливо замечание К. А. Тимирязева, что у Дарвина никогда не было разлада между аналитической и синтетической деятельностью, так как обе они составляли одно целое. Одна служила необходимым дополнением и продолжением другой, так как весь громадный материал — результат целой жизни — был подчинен одной идее: о закономерном развитии мира живых существ. Неудивительно, что, как уже отмечено, Дарвин больше, чем кто-либо другой из биологов, сделал для конкретного, фактического обоснования диалектико-материалистического понимания живой природы.

Дарвина сильно коробило утверждение оксфордского епископа Самуэля Уилберфорса (1805—1873) и некоторых критиков его учения, будто «Происхождение видов» — нелогичная книга. Они уверяли, что Дарвин превосходно наблюдает, но не умеет рассуждать, правильно аргументировать, и по этому поводу Дарвин резонно сказал в своей автобиографии, что он не думает, чтобы это было верно, потому что «Происхождение видов» с начала и до конца — один непрерывный аргумент, который убедил не одного умного человека. Он обоснованно указал, что никто не мог бы написать эту книгу, не обладая «известной способностью к рассуждению». Да и в заключительной главе «Происхождения видов» особо от-

мечено, что «вся эта книга представляет собою одно длинное доказательство». Недаром Гексли, выступая в 1877 г. на торжественном вечере, устроенном в Кембридже учеными в честь Дарвина, сказал, что со времени Аристотеля в области биологических знаний «не было создано ни одно произведение, которое могло бы сравниться с „Происхождением видов“ как связным обзором явлений жизни, проникнутым и вдохновленным единой основной идеей».

Таким образом, было бы неправильно считать, будто Дарвин является примером простого эмпирика, т. е. будто он был образцом чисто индуктивного метода и отвергал значение дедукции в научных исследованиях. Великий биолог считал, что в познании природы данные опыта дополняются абстрактным мышлением, и поэтому он выступал как против одностороннего эмпиризма, избегающего теоретических обобщений, так и против чисто умозрительных построений, оторванных от фактов. Как ни разнообразны труды Дарвина в области биологии, они проникнуты одной мыслью — идеей неразрывного единства и закономерного развития всех частей органического мира, и этим он нанес чувствительный удар метафизическому методу мышления.

Критики дарвинизма указывают на то, что это учение якобы связано с реакционными воззрениями вульгарного экономиста Мальтуса о народонаселении. Однако Дарвин, по его собственным словам, прочитав в октябре 1838 г. случайно, «ради развлечения» книгу Мальтуса, уже имел к тому времени «хорошую подготовку» для оценки значения борьбы организмов за существование. У него назревала мысль, что в результате этой борьбы полезные изменения организмов должны сохраняться, а вредные — уничтожаться. Эта мысль и явилась той теорией, руководствуясь которой он, по собственным словам, «мог продолжать свой труд».

Ни в коем случае не следует, конечно, думать, что Дарвин без чтения Мальтуса не пришел бы к теории естественного отбора: его сын Френсис верно отметил, что опыт отца бесспорно «и без Мальтуса» выкристаллизовался бы в такую теорию. Сохранилась запись Дарвина, сделанная не позже февраля 1838 г., примерно за девять месяцев до того, как он прочитал Мальтуса, в которой достаточно четко выражена исходная идея естественного отбора — мысль о выживании приспособленных существ и вым-

рании неприспособленных в связи с условиями обитания. В этой записи мы читаем: «Что касается вымирания, то мы легко можем видеть, что разновидность страуса (*Petite*) может оказаться плохо приспособленной, а потому погибнет; или, с другой стороны, подобно *Oryx*, находясь в благоприятных условиях, сильно размножится. В основе этого лежит принцип, что постепенные изменения, вызванные размножением на ограниченной территории и изменяющимися условиями, продолжают существовать и развиваться в соответствии с приспособлением к таким условиям, и поэтому гибель видов является следствием... неприспособленности к обстоятельствам».³⁶

Таким образом, до того, как Дарвин прочитал Мальтуса, он при рассуждении о вымирании и сохранении страусов был уже весьма близок к теории выживания наиболее приспособленных организмов. Дарвин считал, что вымирание связано с условиями существования организмов, а не с перенаселением, так что речь может идти только о степени приспособленности организмов к «обстоятельствам», об их выживаемости. Дарвин обстоятельно занимался вопросом о перенаселении в живой природе — о состоянии организмов в условиях нехватки пищи, места и прочих условий существования. В результате он пришел к мысли, что в этих условиях «полезные изменения должны сохраняться, а бесполезные уничтожаться» — к центральной идее теории естественного отбора.

Во всяком случае бесспорно, что по существу свою теорию отбора Дарвин создал еще в феврале 1838 г., т. е. еще до ознакомления с книгой Мальтуса, так что не приходится говорить о решающей роли мальтузианства в создании этой теории.³⁷ При этом чрезвычайно важно замечание Дарвина, что способность человека «искусственно увеличить свою пищу» приводит к тому, что учение Мальтуса не применимо к человеческому обществу. Так, говоря о борьбе за существование, он отметил: «Это — учение Мальтуса, с еще большей силой приложенное ко всему животному и растительному миру, так как здесь не может оказывать влияние ни искусственное увеличение пищи,

³⁶ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, с. 76.

³⁷ Подробнее см.: С. Л. Соболев. Эволюция концепции Ч. Дарвина в период его ознакомления с сочинением Мальтуса. — Зоологический журнал, 1958, т. XXXVII, вып. 5.

ни благоразумное воздержание от брака». ³⁸ Своим замечанием об искусственном увеличении пищи Дарвин в сущности целиком опроверг учение Мальтуса о народонаселении, которое намеренно, в целях оправдания пицеты народных масс при капитализме, игнорирует возможности производства.

Анализируя книгу Дарвина «Происхождение видов» К. Маркс показал действительное отношение между дарвинизмом и теорией Мальтуса. Маркс писал: «Дарвин в своем превосходном сочинении не видел, что он *опрокинул* теорию Мальтуса, открыв «геометрическую прогрессию в царстве животных и растений. Теория Мальтуса основывается как раз на том, что он геометрическую прогрессию Уоллеса относительно размножения людей противопоставил химерической «*арифметической*» прогрессии животных и растений. В произведении Дарвина, например там, где речь идет о вымирании видов, имеется и детальное (не говоря уже об основном принципе Дарвина) естественноисторическое опровержение мальтусовской теории». ³⁹

Враги дарвинизма из церковного лагеря, между прочим, настаивают на том, что основной пункт этого учения о борьбе за существование имеет аморальный характер. Так, в 1878 г. анонимный богослов в журнале «Душеполезное чтение» уверял: «Мир есть бойня — вот основное понятие дарвиновой теории: он был бойней, бойня есть, и бойней будет! Дарвинова теория есть какой-то призыв к безусловной кулачной расправе!». Далее автор спрашивал: «Не представляет ли себе Дарвин божество в виде библейского Молоха, которому угодно и приятно зрелище кровавых жертвоприношений?!».

Несостоятельность этой точки зрения хорошо выявил К. А. Тимирязев, который указал на то, что в ботанике под словом «борьба» понимают «не истребление себе подобных, а самооборону — победу жизни над враждебными силами мертвой природы». Он обращал внимание на то, что у Дарвина прямая (т. е. внутривидовая и межвидовая) борьба играет ничтожную роль и что в действительности борьба за существование имеет по преимуществу

³⁸ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, с. 316.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. II, с. 127.

не агрессивный, а защитный характер, является не состоянием, а ограждением от враждебных стихий и всяких неблагоприятных условий жизни. «Если в данном случае, — писал он, — какой-нибудь организм погибает или сохраняется в зависимости от какого-нибудь внешнего влияния, то он умирает или сохраняется в живых независимо от того, много ли, мало ли умирает живых существ вокруг». ⁴⁰

Что же касается мира животных, то, как отметил Маркс, там «война всех против всех» есть «в большей степени условие существования всех видов». Во всяком случае дарвинова теория борьбы за существование вовсе не может служить оправданием той «войны всех против всех», которую, вслед за Гоббсом, проповедуют некоторые буржуазные «социологи», называющие себя социал-дарвинистами. Совершенно правильно замечание Г. В. Плеханова: «Дарвин находил, что развитие общественных инстинктов «крайне полезно» для сохранения вида в его борьбе за существование. Примените эту его мысль к общественным отношениям, и вы получите нечто прямо противоположное тому крайнему индивидуализму, который составляет неизбежный логический вывод из учений социологов-дарвинистов. Конечно, сам Дарвин плохо разбирался в общественных вопросах... Но его огромный ум предохранил его от тех крайностей, в которые впадали многие из его учеников». ⁴¹

Говоря о борьбе организмов за существование, Энгельс внес некоторые важные уточнения: «Прежде всего необходимо строго ограничить ее борьбой, происходящей от *перенаселения* в мире растений и животных — борьбой, действительно имеющей место на известных ступенях развития растительного царства и на низших ступенях развития животного царства. Но необходимо строго отграничивать от этого те условия, при которых виды изменяются — старые вымирают, а их место занимают новые, более развитые — без наличия такого перенаселения: например, при переселении растений и животных в новые места, где новые климатические, почвенные и прочие условия вызывают изменения».

⁴⁰ К. А. Тимирязев. Сочинения, т. VII, с. 392.

⁴¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V, с. 246.

В связи с этим Энгельс обращает внимание на то, что в своей теории естественного отбора Дарвин как-то спутал две совершенно различные вещи.

«1) Отбор под давлением перенаселения, где наисильнейшие, быть может, и выживают в первую очередь, но могут оказаться вместе с тем и наименее приспособленными в некоторых отношениях.

2) Отбор благодаря большей способности приспособления к изменившимся обстоятельствам, где выживающие индивиды лучше приспособлены к этим *обстоятельствам*, но где это приспособление может быть в целом как прогрессом, так и регрессом...».⁴²

Все это показывает, что нет решительно никаких оснований называть дарвинизм мальтузианским учением: дело в содержании этой биологической теории, а не в фразеологии Дарвина, в употребленных им терминах. Если он выдвигал на передний план факты борьбы, то он, по-видимому, этим путем старался прежде всего нанести удар «естественной телеологии», объясняющей целесообразные явления в духе бредней о предустановленной «мировой гармонии».

Высказано было мнение, будто дарвинизм является «плоско эволюционной» биологической концепцией, так как Дарвин повторял формулу Лейбница «природа не делает скачков». Оно неправильно, потому что этим изречением Дарвин хотел лишь подчеркнуть, что виды не возникают чудом, внезапно, сразу, что они являются продуктом закономерного естественного развития. Гениальный биолог, стало быть, в понятие скачка вкладывал совсем не тот смысл, который вкладывается в него диалектическим материализмом. Именно под скачком он, как и другие натуралисты того времени, понимал разрыв закономерности — беспричинное, сверхъестественное, незакономерное изменение. Как подлинный (хотя и стихийный) материалист, Дарвин решительно отрицал возможность таких изменений в природе и поэтому, он выступал с заявлением об отсутствии в природе скачков.

Однако Дарвин обычно приводил изречение Лейбница с оговорками, что оно «не вполне верно», что является «несколько преувеличенным» и т. д., так как он знал, что

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, с. 621.

в природе иногда (ему казалось, что очень редко) происходят резкие, скачкообразные изменения, а именно — «уродства». В действительности же под скачком, как этому учит диалектический материализм, следует понимать любое закономерно происходящее изменение независимо от того, совершается оно сразу или постепенно. Такие скачки дарвинизм не отвергает, ибо из представления Дарвина о накапливающем действии отбора вытекает важное обстоятельство — переход количества в качество. Именно в ходе исторического развития каждого вида у него через количественное накопление изменений возникают новые качества, т. е. ранее не существовавшие у него особенности, свойства, признаки и т. д.

Дарвин не стоял на «плоско эволюционной» точке зрения и не смотрел на видообразование только как на непрерывный процесс. Это видно из того, что, говоря о видообразовании, он написал: «Не предполагаю я также, чтобы процесс этот был непрерывен; гораздо более вероятно, что каждая форма в течение долгих периодов остается неизменной и затем вновь подвергается изменению». ⁴³ Значит, по Дарвину, видообразование протекает не в виде плавного процесса, а в виде процесса, имеющего определенные перерывы, и поэтому он отметил, что «родоначальные формы и все промежуточные разновидности должны вообще оказаться истребленными самим процессом образования и совершенствования новой формы». ⁴⁴ В связи с этим он указывал: «Я полагаю, что виды обладают довольно хорошо определенными границами, и ни в какой период не бывает неразрешимого хаоса изменяющихся и промежуточных звеньев...». ⁴⁵

Все это показывает, что по существу дарвинизм является диалектическим учением, хотя сам Дарвин никак не может быть причислен к последовательным диалектикам-материалистам. Эта биологическая концепция объективно, т. е. своим содержанием или существом, раскрыла диалектику живой природы, и поэтому Г. В. Плеханов, говоря о сущности диалектического взгляда на вещи, отметил: «И этот взгляд проник в биологию со времени Дарвина и навсегда останется в ней, какие бы

⁴³ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, с. 343.

⁴⁴ Там же, с. 333.

⁴⁵ Там же, с. 326.

поправки ни вносило в теорию трансформизма (эволюции, — I'. I'.) дальнейшее развитие науки».⁴⁶

Нас не должно смущать то, что дарвинизм обычно называют «эволюционным учением», так как во времена Дарвина под эволюцией понимали не что иное, как развитие вообще, т. е. историческую точку зрения. Важно то, что в дарвинизме причины развития органического мира коренятся в глубоких внутренних противоречиях в природе, непрерывно возникающих и разрешаемых в процессе естественного отбора. Если эта замечательная биологическая концепция в 1959 г. отмечала свое столетие, если она в основном выдержала испытание временем и научной проверки, то это главным образом потому, что она с самого начала стихийно стоит на диалектической позиции, ибо диалектика — «пробный камень природы». Это лишний раз подтверждает правильность замечания Энгельса, что люди мыслили диалектически гораздо раньше, чем узнали, что такое диалектика.

Советский палеонтолог Л. Ш. Давиташвили, характеризуя учение Дарвина о видообразовании, пишет: «У Дарвина мы не видим четкой формулировки скачкообразности. Однако нетрудно видеть, что с точки зрения дарвинизма видообразование должно представлять скачкообразный процесс. В самом деле, для этого необходимо появление новых видовых признаков. У «старого» вида этих наследственных признаков сначала не было, затем таковые признаки возникают и далее закрепляются путем естественного отбора. Образование нового вида, характеризующегося новыми качествами, — это несомненно скачок. Важно, что скачки неизбежны для объяснения эволюции по теории Дарвина, хотя они могут быть весьма незначительны и даже почти незаметны для наблюдателя».⁴⁷

Хотя Гексли предостерегал Дарвина против подчеркивания (пусть и с оговорками) постепенности эволюции, Дарвин не видел иного пути избавиться от антинаучных рассуждений креационистов о чудесном появлении видов путем внезапных творческих актов. В то время теория эволюции иначе называлась «теорией непрерывности» или «естественного происхождения» в противоположность до-

⁴⁶ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XVIII, с. 270.

⁴⁷ Л. Ш. Давиташвили. Курс палеонтологии. М.- Л. 1949, с. 26.

пущения возможности разрыва закономерности, т. е. сверхъестественного вмешательства в ход вещей. Значит, борьба идей непрерывности и прерывности в сущности была борьбой науки и с религией, конфликтом идеи закономерности с верой в чудо: скачкам приписывали мистический характер. Из переписки Дарвина видно, что принципиально он вовсе не исключал скачков в процессе видообразования, — он допускал возможность появления отдельных скачкообразных изменений («уродливых форм») и искал эти случаи, причем справедливо указывал, что они представляют собой результат изменения условий жизни организмов.

Правда, в пятом издании «Происхождения видов» (в начале 1869 г.) Дарвин усилил формулировку, касающуюся отрицания резких скачков в живой природе. Но сделал он это под влиянием выше упомянутых математических выкладок Дженкина, которые буквально отравляли его существование. Из писем Дарвина к Уоллесу в 1867 г. видно, что если раньше он наибольшее значение придавал единичным заметным скачкам, то с тех пор он это значение стал приписывать мелким массовым изменениям.

Таким образом, совершенно очевидно, что учение Дарвина полностью согласуется со следующим обобщающим замечанием В. И. Ленина: «жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию, и быстрые скачки, прерывы постепенности».⁴⁸

4

Одной из характерных черт Дарвина является то, что его качества исследователя были теснейшим образом связаны с его чисто человеческими качествами. Гексли справедливо видел в Дарвине «воплощенный идеал ученого» и в некрологе о нем писал: «Замечательна была пропитательность его ума, громады его знания, изумительно упорное трудолюбие, не отступавшее перед физическими страданиями, которые превратили бы девять из десяти в беспомощных калек, без цели и смысла жизни; но не эти качества, как они ни были велики, поражали тех, кто приближался к нему, вселяя чувство невольного поклонения. То была напряженная, почти страстная честность,

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 66.

подобно какому-то внутреннему огню, освещающая каждую его мысль, каждое его действие». ⁴⁹

Характерно, что Дарвин посылал экземпляры «Происхождения видов» (как и других своих книг) даже тем ученым, которые известны были как закоренелые противники эволюционизма, как заядлые креационисты. Таковым был, например, Агассиц, которому Дарвин 11 ноября 1859 г. в сопроводительном письме писал: «Так как выводы по некоторым пунктам несхожи с Вашими, мне пришлось в голову (если бы Вы когда-нибудь прочли мою книгу), что Вы сможете счесть присылку ее Вам за вызов или хвастовство, но уверяю Вас, что побуждение мое вытекало из совершенно другого настроения духа. Надеюсь, что сколько ошибочными Вы не сочли бы мои методы, Вы поверите, что я серьезно старался отыскать истину». ⁵⁰

В 1871 г. Дарвин, закончив свой труд о происхождении человека, почувствовал, что самое важное в обосновании его эволюционного учения им уже сделано. В связи с этим он писал Геккелю: «Я сомневаюсь, хватит ли у меня сил еще для многих трудных работ... Я буду продолжать работать, пока буду в состоянии, но небольшая будет потеря, если я перестану работать, потому что есть уже много дельных людей, столь же способных, а может быть, даже и более способных, чем я, продолжать наше дело, и в числе их первое место занимаете Вы» ⁵¹ Однако Дарвин продолжал неустанно работать до самого конца своей жизни и успел опубликовать ряд трудов, имеющих большое значение для биологической науки вообще и для эволюционизма в особенности.

Жизнь Дарвина всецело была отдана науке и, несмотря на частые недомогания, его работоспособность была поразительна: отдыхать он не мог, — непрерывная работа была для него необходимостью. Незадолго до смерти он сказал геологу Джэду, что «своим счастьем... обязан естественным паукам, которые служили для него утешением в жизни, которая иначе была бы болезненным существованием». ⁵² Еще значительно раньше, 17 июня

⁴⁹ К. А. Тимирязев. Сочинения, т. VII, с. 14—15.

⁵⁰ D. L. L., vol. II, p. 215.

⁵¹ E. Krause. Charles Darwin und sein verhältniss zu Deutschland. Leipzig, 1885, S. 167.

⁵² D. L. L., vol. III, p. 352—353.

1868 г. он писал Гукеру: «Очень грустно сознавать, как я постоянно сознаю, что я — высохший лист для всего, кроме науки. Это заставляет меня иной раз ненавидеть науку, хотя богу известно, что я должен быть благодарен за этот постоянный интерес к ней, который даст мне возможность ежедневно на несколько часов забывать про мой проклятый желудок».⁵³

Гексли после смерти Дарвина очень верно сказал, что всякий философски настроенный ум не мог не приветствовать в книге Дарвина «могучей опоры либерализма», т. е. свободомыслия. Дарвин следил за публичными выступлениями Гексли об эволюционном учении перед массовой, подлинно народной (преимущественно рабочей) аудиторией, и успех доставлял ему большую радость. В начале 1862 г. он в связи с этим писал Гексли: «Клянусь Юпитером, что вы напали на ханжество в самой его твердыне». А 22 марта 1871 г., сообщая палеонтологу Э. Рею Ланкастеру о том, что его книга о происхождении человека «имела удивительный сбыт», он добавил, что видит в этом доказательство растущего в Англии либерального веяния. Ханжество он ненавидел всеми силами своей души и поэтому в письме к Уоллесу от 9 июля 1871 г., касаясь выступления иезуита-биолога Майварта, писал, что «он настолько полон ханжества, что не может поступать добросовестно».

Чрезвычайно замечателен стиль научного творчества Дарвина, который был неразрывно связан с его моральным обликом, причем качества человека обусловили успех ученого. Поэтому натуралист и врач Эд. Эвелинг (1851—1898), зять Маркса, близко знавший и Дарвина, и Маркса, находил много общих черт в характере этих гениальных ученых, работавших в совершенно различных областях науки. Правда, Маркс как ученый был более многогранен, чем Дарвин, причем в отличие от Дарвина Маркс был не только исследователем, но и революционным борцом, т. е. человеком мысли и действия. Но для Дарвина и Маркса характерно было единство человека и ученого, неразрывность морального и творческого облика, причем это находило свое выражение даже в манерах и внешности этих замечательных людей.

⁵³ Там же, с. 92.

Эвелинг пишет: «У Маркса и Дарвина внешность гармонировала с характером: оба они имели импонирующую внешность и импонирующий характер. Если даже не приходилось лично встречаться с Марксом и Дарвином, если только видеть их портреты, то сила и красота головы у обоих вызывает удивление. Дарвину и Марксу свойственна была та прекрасная, естественная, безыскусственная скромность, которая составляет характерную особенность великих умов. Им была чужда аффектированная и искусственная скромность, смирение паче гордости. Их нравственная честность столь же велика, как их интеллектуальные свойства. Правдивость, прямота, чистота — были характернейшими чертами Дарвина и Маркса. Оба они обладали инстинктом для всего того, что в науке и жизни является верным и справедливым. И вообще, можно сказать, они были прекрасные гармоничные личности».⁵⁴

Когда Геккель впервые познакомился с Дарвином, ему показалось, что перед ним великий древнегреческий мудрец — живой Сократ или Аристотель. Такое впечатление Дарвин в 1877 г. произвел и на Тимирязева: «высокая, величаво спокойная фигура Дарвина с его белой бородой невольно напоминает изображения ветхозаветных патриархов или древних мудрецов. Тихий, мягкий, старчески ласковый голос довершает впечатление; вы совершенно забываете, что за минуту вас интересовал только великий ученый, вам кажется, что перед вами дорогой вам старик, которого вы давно привыкли любить и уважать как человека, как нравственную личность. Во всем, что он говорил, не было следа той узкой односторонности, той неуловимой цеховой исключительности, которая еще недавно считалась необходимым атрибутом глубокого ученого... В его разговоре серьезные мысли чередовались с веселой шуткой».⁵⁵

Посетителей Дарвин встречал чрезвычайно любезно, охотно слушал то, что говорил его собеседник, вследствие чего его беседа бывала интересна и полна жизни. Конечно, у него была обширная корреспонденция, и он старался отвечать на все письма, считая это своим нравственным долгом. Как в известной мере видно из приведен-

⁵⁴ Э. Эвелинг. Чарлз Дарвин и Карл Маркс. — Научное обозрение, 1897, № 10, с. 61—62.

⁵⁵ К. А. Тимирязев. Сочинения, т. VII, с. 68.

ного материала, в письмах Дарвина проявились некоторые черты его характера: необычайная простота, детская незлобивость, глубокая искренность и замечательная скромность.

Насколько Дарвин аккуратно отвечал всем, кто писал ему по различным вопросам, имеющим отношение к его сочинениям, видно из следующего рассказа Эвелинга: «Будучи молодым человеком, я изучал его сочинения и многократно, когда наталкивался на затруднения, я к нему писал и просил объяснить мне непонятные места... Я не имел права распоряжаться его временем: его время ведь принадлежало всему миру! Несмотря на это, я всегда получал вежливый и подробный ответ».⁵⁶

В 1864 г., когда слава Дарвина уже гремела по всему свету, ему присуждена была медаль Копли — честь, которой удостоиваются немногие, но в письме к Фоксу Дарвин отметил, что для него лично, кроме связанных с этим добрых писем, «такие вещи безразличны». Френсис Дарвин, касаясь этой черты характера отца, писал: «Любовь к почестям и славе вызывали у него презрение, и в своих письмах он не раз порицает самого себя за то чувство удовольствия, которое ему доставляет успех его книг, словно бы он изменял при этом своему идеалу — любви к истине и равнодушию к славе. Часто в тех письмах к сэру Дж. Гукеру, которые он сам называл хвастливыми, он высмеивал самого себя за тщеславие и отсутствие скромности. Сохранилось замечательно интересное письмо, которое он написал моей матери, завещая ей, в случае его смерти, заботу о публикации его рукописи, содержащей первый очерк теории эволюции. Мне кажется, что это письмо исполнено страстного желания добиться успеха своей теории как вклада в науку, но совершенно лишено какой бы то ни было заботы о собственной славе».⁵⁷

Крупные социально-экономические вопросы сравнительно мало задевали Дарвина, но в политическом отношении он все же не был совершенно безразличным человеком. Это видно хотя бы из того, что еще в студенческие годы он сочувствовал вооруженному восстанию поляков против царских притеснений в 1830 г. и крайне возму-

⁵⁶ Э. Эвелинг. Чарлз Дарвин и Карл Маркс. с. 57—58.

⁵⁷ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 9, с. 346.

щался жестокостью, которой подвергались восставшие варшавяне. Заслуживает упоминания тот факт, что еще в молодые годы Дарвина во время плавания на «Биггсе» при разговоре на политические темы у него возникали столкновения с реакционно настроенным капитаном корабля Фиц-Роем. Однажды, когда Фиц-Рой начал защищать рабство, а Дарвин — доказывать его гнусность, спор этот принял такой бурный характер, что Дарвин даже подумывал о том, чтобы оставить корабль. В путешествии ему пришлось немало насмотреться на рабство негров, которое всегда возбуждало в нем сильнейшее негодование. Дарвин вспоминал, что когда он уезжал из Англии, ему говорили, что его воззрения изменятся после того, как он поживет в рабовладельческих странах. «Но единственное изменение, которое я замечаю в себе, — отметил он, — это то, что я еще более научился ценить характер негров. Невозможно видеть негра и не почувствовать к нему расположения: какое добродушное, открытое, честное выражение лица и прекрасное мускулистое тело!». ⁵⁸

Стоны невольников, слышанные Дарвином в Америке, много лет преследовали его во сне: ландшафт, оскверненный следами угнетения и рабства, терял в его глазах прелесть. «Превратите английского рабочего в жалкого раба — и вы не узнаете прежнего ландшафта», ⁵⁹ — писал он в июне 1832 г. своему другу Герберту из Рио-де-Жанейро. Дарвин считал рабство «величайшей язвой на земле», «чудовищным пятном нашей хваленой свободы». Узнав, что Ляйелль относится к работорговле довольно снисходительно, он 1 августа 1845 г. написал ему: «Ваши рассуждения о рабстве крайне возмутили меня; но как как мое мнение об этом предмете имеет для вас столько же значения, как пепел этого письма, то я не стану прибавлять больше. Скажу только, что обязан вам несколькими тягостными бессонными часами». ⁶⁰

Этот высокий гуманизм хорошо отражен в произведениях Дарвина; так, в августе 1836 г. он писал в «Путешествии натуралиста вокруг света»: «Нередко пытались ослабить ужас рабства, сравнивая положение рабов с по-

⁵⁸ D. L. L., vol. I, p. 240.

⁵⁹ Там же, с. 239.

⁶⁰ Там же, с. 339.

ложением наших неимущих классов; если нищета наших бедняков является следствием не естественных законов, а нашего государственного строя, то великий грех и на нас... Люди, сочувственно взирающие на рабовладельца и холодно относящиеся к рабу, по-видимому, никогда не пробовали вообразить себя в положении последнего: какая безотрадная жизнь, без всякой надежды на перемену! Вообразите только, что вам вечно угрожает опасность, что вашу жену и ваших маленьких детей... отнимут у вас и продадут, как скотов, первому встречному! И такие дела делаются и защищаются людьми, которые исповедуют, что надо любить ближнего, как самого себя, веруют в бога и молятся: да будет воля его исполнена на земле! Кровь кипит в жилах, и сердце сжимается, когда подумаю, что мы, англичане, и потомки наши, американцы, с их вечными хвастливыми возгласами о свободе, причинили и продолжаем причинять столько зла».⁶¹

Когда стал разгораться конфликт между северными и южными штатами Северной Америки по вопросу о невольничестве, Дарвин всей душой был на стороне прогрессивных сил. 5 июня 1861 г. он писал Аза Грейю: «Некоторые, в том числе и я, даже готовы молить бога, чтобы Север, хотя бы ценой миллионов жизней, объявил поход против рабства... Великий боже! Как бы я хотел видеть уничтожение величайшего проклятия на земле — рабства!».⁶² Следует отметить, что во время гражданской войны между Севером и Югом Ляйелль изменил свое отношение к рабству: здравый смысл и чувство справедливости подсказали этому доброму, по слишком благополучному человеку, что Дарвин прав, и он назвал рабство — «великим проклятием для белых».

Таковы некоторые характерные и неразрывно связанные между собою черты Дарвина, рисующие целостность его натуры, обаятельный облик этого человека, исследователя и мыслителя. Мы уделили этому вопросу столько внимания главным образом потому, что он является как бы введением к дальнейшему, к оценке тех естественнонаучных и мировоззренческих проблем, которые волновали этого великого исследователя природы.

⁶¹ Ч. Дарвин. Сочинения. 1. 1935, 417

⁶² D. L. L., vol. II, p. 374.

1

Все современные религиозные вероучения исходят из теизма, признающего существование бога — высшего существа, находящегося вне созданного им мира, по постоянно управляющего своим творением. Цель создания мира боготеологи видят то в возвеличении бога, то в счастье божьих созданий, хотя ясно, что бог совершенно не нуждается в мире, так как его «совершенство и блаженство» вовсе не возросли благодаря сотворению мира. Согласно теизму, бог является личностью, т. е. человекоподобным существом, наделенным определенными чертами, ибо бог, лишенный конкретности, неприемлем для верующих. Выдающийся немецкий философ Людвиг Фейербах (1804—1872) справедливо указывал, что если уничтожить человечность или человекоподобность бога, то тем самым уничтожается и само божество. Между тем сами богословы невольно содействовали лишению бога личностных черт и свойств, так как настаивают на неограниченности бога, а личность, разумеется, заключена в известные рамки. Так, религия учит, что бог вездесущ, хотя ясно, что никакое существо не может быть личностью, если оно находится всюду, — это глубокое противоречие неустранимо для теизма.

С точки зрения теизма бог всемогущ, по своему желанию он в любой момент может нарушить законы природы, отменить обычное течение любых процессов природы, т. е. творить чудеса. Никакое вероучение невозможно без веры в возможность чудес, так как всякая молитва — это просьба, чтобы бог устроил так, как хочется человеку, сделать возможным невозможное! Однако под влиянием огромных успехов естествознания давно уже выявились строжайшая закономерность всех процессов и явлений природы, а следовательно, и полнейшая невоз-

можность чудес, т. е. нарушений этих закономерностей «божьей волей». В результате на деле был опровергнут основной тезис теизма о повседневном вмешательстве бога в жизнь природы и людей.

Это привело к возникновению деизма, согласно которому бог — не неограниченный властелин мира, а только его «первопричина», т. е. творец и законодатель природы. Бог деизма, внезапно сотворив мир с его закономерностями, совершенно отошел от своего творения, и с тех пор все идет своим чередом без его влияния, так что если бы он умер, то в мире ничего — ровно ничего! — не изменилось бы. Деизм, отрицая личность бога, лишил его конкретности и по существу превратил бога в пустую абстракцию, в торжественную ненужность, так как он никчем — не является ни промыслителем, ни подателем благ. Он абсолютно не вмешивается в дела мира, и, следовательно, его не следует ни бояться, ни обожать, молиться ему бессмысленно, и поэтому линия поведения сторонников деизма такова же, как у атеистов. Но деизм все же представляет собой одну из форм религиозного мировоззрения: он не исключает веры в сверхъестественное, ибо допускает, что когда-то, «в начале времен», случилось великое чудо — сотворение внемировым духом мира из «ничего».

Для многих мыслителей «вневероисповедный бог» деизма явился решающим шагом на пути к учению, названному пантеизмом — «всебожием» (от «пан» — все, «теос» — бог). Это учение отрицает личного бога, находящегося вне природы, и отождествляет понятия бога и природы, т. е. допускает, что бог существует внутри самой природы, так что бог есть природа и природа есть бог. Одни пантеисты считают, что бог растворен в природе, другие допускают, что природа растворена в боге (эта точка зрения названа «панпантеизмом», что значит — «все в боге»), но в обоих случаях бог существует только вместе с природой. Конечно, религия не может примириться с мыслью, что бог и природа — не различные вещи, а одно и то же, и поэтому пантеизм называют (и не без основания) «стыдливым атеизмом». В 1870 г. католицизм на Ватиканском соборе провозгласил: «Да будет анафема — кто говорит, что сущность бога и всех вещей одна и та же».

Когда у Дарвина зародились первые мысли об эволюции живой природы под влиянием естественных закономерностей, он еще не был вполне свободен от оков рели-

гиозного мировоззрения. Это видно из того, что в 1837 г. в своей записной книжке о «трансмутации видов» Дарвин писал: «До открытия закона тяготения можно было говорить, что так же трудно объяснить одним законом движение всех [планет], как и движение каждой отдельной планеты; так же могут сказать, что это ничего не объясняет [если мы примем], что все млекопитающие произошли от одного корня и с тех пор распространялись теми способами, которые мы можем распознать. Астрономы когда-то говорили, что бог наперед определил каждой планете двигаться особым путем. Таким же образом бог повелел, чтобы каждое животное было создано с определенными формами в определенных странах. Но насколько проще и величественнее могущество [послевшее]: пусть тяготение действует согласно известному закону, и [это приведет] к таким-то неизбежным последствиям, — пусть животные сотворены, и тогда, по твердым законам смеются одних поколений другими, потомки их будут такими-то».¹

Нетрудно видеть, что к этому времени Дарвин уже порвал с теизмом, но не дошел еще до атеизма: он стал на позиции деизма, который, по выражению Маркса, «по крайней мере для материалиста есть не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии».² Ведь деизм в свое время прикрывался признанием бога, с тем чтобы дать возможность рассматривать закономерности мира вне божественного предопределения, т. е. отрицал повседневное вмешательство бога в жизнь природы. Но в то время английским натуралистами было не так уж просто совершенно отделаться от религиозных предрассудков, и все же Дарвин в конце концов сделал этот шаг. При этом он обыкновенно отмечал, что пришел к этому лишь под влиянием собственных размышлений, не считаясь ни со школьной наукой, ни с господствующими мнениями. Так, в ответе на анкету, составленную его родственником Ф. Гальтоном, он писал: «Я отказался от обычных религиозных верований совершенно независимо от данных своего образования и убеждений общества».³

Говоря о «собственных размышлениях», Дарвин имел в виду главным образом те мировоззренческие выводы,

¹ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, с. 78.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, с. 144.

³ D. L. L., vol. III, p. 178.

которые вытекают из теории естественного отбора. Дело в том, что до него биологи считали, что у организмов существуют такие особенности, которые полезны не для их обладателей, а для других существ. Наоборот, теория естественного отбора основана на идее пользы для самого организма и поэтому может объяснить возникновение только таких признаков, которые полезны для обладающих ими организмов или взаимопользны при известном взаимоотношении организмов (например, при так называемом симбиозе). Поэтому Дарвин, исходя из этого «утилитарного принципа», просил назвать ему хотя бы один орган, приспособленный не для пользы его обладателя, а лишь для пользы другого существа. Но такого случая не оказалось в природе, и Дарвин подчеркивал, что естественный отбор никоим образом не может вызвать у одного вида какое-либо изменение, полезное исключительно для другого вида. Ведь если бы оказалось, что какой-нибудь признак, возникший в организмах, принадлежащих какому-то виду, полезен организмам только другого вида, то это уничтожило бы теорию естественного отбора, так как, согласно этой теории, такой признак не мог бы возникнуть.

С другой стороны, из этой теории следует, что организмы находятся на пути к недостижимой гармонии со средой, так что абсолютно целесообразные органические приспособления невозможны. По сути дела лишь благодаря несовершенному существует совершенное: в достаточной мере целесообразная организация — исторически обусловленный результат менее пригодных для данных условий органических форм. А это значит, что дарвинизм не отвергал органической целесообразности, но только объяснял этот факт не целями, которые будто бы заложены в организмах, а естественными причинами, строго каузально. Из этого учения вытекает, что целесообразные особенности организмов имеют не абсолютный и всеобщий, а относительный и односторонний характер. Естественный отбор не имеет своим последствием абсолютного совершенства, так как все зависит от внешних условий, в которых происходит эволюция органических форм.

Говоря словами Дарвина, приспособление «не может быть признано наилучшим из всех возможных при любых возможных условиях». Ведь животные и растения не

могут быть целесообразны «вообще», т. е. приспособлены на все случаи жизни, на вечные времена: они могут быть приспособлены только к данной обстановке, к конкретным условиям их жизни. А так как обстановка по разным причинам меняется, то приспособленность есть нечто ограниченное, относительное, т. е. совершенство имеет свой предел, за которым превращается в свою противоположность. То, что в одних условиях целесообразно, в новых условиях не только не целесообразно, но даже вредно, так как абстрактной целесообразности — целесообразности самой по себе — не существует. Поэтому в живой природе рядом с целесообразными, совершенными приспособлениями встречаются не только нейтральные, безразличные приспособления, но и нецелесообразные, несовершенные, для данных жизненных условий не подходящие.

Указывая на это важное обстоятельство, Дарвин выразил удивление по поводу того, что опыт дает нам сравнительно мало фактов, свидетельствующих о несовершенствах в мире живых существ. Разобрав ряд такого рода фактов, он в заключение отмечает: «Так как естественный отбор действует путем конкуренции, то он приспособляет и совершенствует обитателей каждой страны только по отношению к другим ее обитателям; поэтому нам нечего удивляться тому, что виды какой-либо страны, хотя они, с обычной точки зрения, созданы и специально приспособлены для этой страны, побеждаются и вытесняются натурализованными организмами других стран. Не следует изумляться и тому, что приспособления в природе, насколько мы можем судить, не абсолютно совершенны, как например человеческий глаз, или что некоторые из них не соответствуют нашему представлению о приспособленности. Нечего удивляться и тому, что жало пчелы, направленное против врага, причиняет смерть самой пчеле; тому, что трутни производятся в таком большом числе ради одного единственного акта, а затем умерщвляются своими бесплодными сестрами; той изумительной трате пыльцы, которая наблюдается у нашей сосны; той инстинктивной ненависти, которую пчелиная матка питает к своим собственным плодовитым дочерям; тому, что ихнеймониды питаются живым телом гусеницы, и вообще ни одному подобному случаю. Согласно теории естественного отбора, скорее представляется удивитель-

ным то, что не открыто еще большего числа подобных случаев отсутствия абсолютного совершенства».⁴

Таким образом, дарвинизм, изучая строение организмов, исходит из того, что в живой природе понятно только то, что полезно организму в его жизненных условиях. Тем самым это учение в области биологии нанесло сокрушительный удар старой, иррациональной телеологии, являющейся служанкой богословия. Дарвин, по выражению К. А. Тимирязева, создал новую, или рациональную телеологию, ничего не имеющую общего со старой, идеалистической. Она как бы сочетает телеологию с эволюционизмом, прослеживающим историю прошедших перемен в жизни вида, за что антидарвинист Данилевский называл дарвинизм «псевдотелеологией». На деле же теория естественного отбора впервые бросила яркий свет на приспособления в природе, т. е. вскрыла их «рациональный смысл». Другими словами, она дала строго причинное, материалистическое объяснение той относительной целесообразности, которая позволяет организмам жить и размножаться, раскрыв ее как особую форму причинных связей. В этом — колоссальное мировоззренческое значение дарвинизма, и поэтому уже через месяц после выхода в свет «Происхождения видов» Энгельс писал Марксу: «Телеология в одном из своих аспектов не была еще разрушена, а теперь это сделано».⁵

В связи с этим следует обратить внимание на то, как была встречена некоторыми натуралистами попытка Дарвина дать строго научное, каузальное объяснение происхождению такого совершенного органа, как глаз. В «Происхождении видов» Дарвин отметил, что с первого взгляда кажется почти невозможным представить себе, как, например, такой орган, как глаз, мог совершенствоваться не при помощи средств, превосходящих человеческий разум, хотя и аналогичных ему, а путем накопления бесчисленных незначительных изменений, каждое из которых было полезно для его обладателей. Тем не менее, указывал Дарвин, это затруднение, хотя оно и представляется нашему воображению непреодолимым, нельзя признать действительным, если только допустить те положения, из которых исходит его эволюционное

⁴ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, с. 653.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 29, с. 424.

учение. Это объяснение происхождения глаза путем постепенного совершенствования простой первичной формы его в результате действия естественного отбора сильнее, чем самым образом смутило даже крупнейших натуралистов, так как оно шокировало их своим ясно выраженным материалистическим характером.

Так, Дж. Генсло в беседе с Дарвином сказал, что прямо «содрогается» перед рассуждением Дарвина о глазе, что, однако, неудивительно, так как Генсло был не только натуралистом, но и пастором. Даже Аза Грей, который без колебания стал на сторону учения Дарвина, был смущен дарвиновским объяснением происхождения глаза и считал его ошибкой Дарвина. Ляйеллю было нелегко примириться с мыслью, что образование глаза произошло «посредством накопления изменений, подобных тем, которыми пользуются скотоводы»,⁶ и он советовал Дарвину на первых порах об этом вовсе не говорить. Поэтому во втором издании «Происхождения видов» Дарвин вычеркнул фразу о глазе и заменил ее словами «самые сложные органы», решив в будущем показать «градации в переходе глаза» — постепенное изменение этого органа в процессе развития животного мира. В связи с этим Дарвин в 1860 г. писал Аза Грею: «Глаз до сих пор производит на меня лихорадочный трепет, но когда думаю об известных тонких переходах, разум говорит мне, что я должен подавить в себе трепет».⁷

Установлено, что глаза членистоногих лишены аккомодации — способности приспособиться к тому, чтобы видеть на различных расстояниях, а глаза еще более низших животных не имеют преломляющих средств и могут, вероятно, только отличать свет от темноты, так что все это весьма несовершенные оптические «приборы». Но и человеческий глаз в оптическом отношении не является вполне совершенным органом: это показал великий немецкий физик, изобретатель офтальмоскопа «глазного зеркала» — Г. Гельмгольц, и его мнение Дарвин приводит. Учитывая это, Дарвин в позднейших изданиях «Происхождения видов» внес ряд дополнений с целью дать общее представление о том, каким образом простой аппарат, состоящий из «оптического нерва», под влия-

⁶ D. L. L., vol. II, p. 207.

⁷ Там же, с. 273.

нием естественного отбора постепенно превратился в такой «орган высокой степени совершенства и сложности», каким является глаз человека или орла.

Дарвин отметил, что если его представление об эволюции глаза может показаться весьма нелепым, то ведь когда-то такой же казалась и мысль, что Земля обращается вокруг Солнца. Он писал: «Разум мне говорит: если можно указать многочисленные переходные ступени от простого и несовершенного глаза к наиболее сложно построенному и совершенному, причем каждая ступень полезна для ее обладателя, а это не подлежит сомнению; если далее глаз подвержен изменчивости и эти изменения наследственны, а это также несомненно; если, наконец, эти изменения могли оказаться полезными животному при изменившихся условиях его жизни, — в таком случае затруднение, возникающее при мысли о происхождении сложно построенного и совершенного глаза путем естественного отбора, хотя и непреодолимое для нашего воображения, не может быть признано отвергающим всю теорию».⁸

Обращаясь к креационистам, утверждавшим, что глаз, подобно телескопу, есть произведение творческого ума, Дарвин не без тонкой иронии спрашивал: «Имеем ли мы право приписывать творцу умственные качества, подобные человеческим?». Поэтому он в конце концов отбросил представление о «высшем разуме», сотворившем мир для определенной цели, хотя и знал, что при обсуждении его учения «люди приплетут сюда религию». Но он не придавал никакого значения критике своего учения, основанной на телеологических и вообще теологических соображениях. Так, он считал, что резкие нападки на его биологическую концепцию натуралиста-пастора Т. Уолластона не заслуживают внимания, так как в этих нападках «участвует больше богословие, чем наука».⁹ В письме к Гукеру от 13 июля 1861 г. Дарвин, осмеивая своего рецензента Гарвея, который спорил с ним при помощи библейских «аргументов», отметил: «Я никогда не ждал руки помощи от Ветхого завета».¹⁰

В 1868 г. в Англии появилась статья, в которой автор возражал против какого бы то ни было противопоставле-

⁸ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, с. 404.

⁹ D. L. L., vol. II, p. 275.

¹⁰ Там же, с. 375.

ния религии науке. Он уверял: «Религия — это наше мнение об одной группе вопросов, наука — наше мнение о другой группе вопросов». Реагируя на эту точку зрения, Дарвин в письме к Гукеру от 8 сентября 1868 г. заявил: «Я не согласен, что статья правильная, я нахожу чудовищным утверждение, будто религия не направлена против науки». При этом он ставит вопрос о том, не было ли самым разумным для людей науки «полностью игнорировать всю область религии?».¹¹

2

Указывая на религиозное ханжество и тупость английского «респектабельного» среднего класса в середине XIX века, Энгельс отметил влияние поповщины на естествознание. Выражалось это в том, что даже геологи извращали данные своей науки, дабы они не слишком резко расходились с библейскими мифами о сотворении мира. Учитывая это обстоятельство во времена Дарвина в Англии, преподобный Бриджуотер, с целью использования естественных наук на потребу «естественной теологии», т. е. телеологии, завещал большую сумму для вознаграждения авторов тех книг, кто сумел бы в них показать «могущество, мудрость и благость бога». Восемь таких книг вышло в свет, и они неоднократно переиздавались.

В Англии это давление религиозной идеологии на науку в значительной мере усиливалось благодаря тому, что очень многие английские натуралисты (Мантейль, Бекланд, Седжвик, Генсло, Уэвелль, Уолластон и др.) были священниками, — они носили титул «преподобного» и вместе с тем занимали университетские кафедры, оказывая влияние на теоретические положения естествознания. В результате казенная наука и церковь настолько поддерживали друг друга, что как бы сливались воедино, поэтому всякие явно материалистические воззрения в естественных науках сразу же «брались в штаны».

Так, работа замечательного английского геолога Дж. Хэттона (1726—1797) «Теория Земли» была признана еретической и отвергнута английскими учеными главным образом из-за отрицательного отношения автора к библейским повествованиям — к «геологии Моисея». Даже

¹¹ Ч. Д а р в и н. Избранные письма, с. 212—213.

Ляйелль, так много сделавший для правильного понимания геологических явлений, настолько щепетильно относился к религиозным предрассудкам, что осудил этого своего соотечественника за прямое выражение своих взглядов. 29 декабря 1829 г. он писал геологу Г. Майтейлю о Хэттоне: «Я думаю, что он совершенно напрасно шел против чувств и предрассудков своего века. Это не мужество во имя истины, и это не способствует ее прогрессу. Все это — лишь пренебрежение к слабостям человеческой природы...».¹² Что же касается самого Ляйелля, то он в своем знаменитом труде «Принципы геологии» даже не упомянул о «геологии Моисея», хотя правильно подходил к библейским мифам, считал невозможным какое бы то ни было их примирение с фактами геологии и других естественных наук. Неудивительно, что в Англии было особенно много представителей науки, которые показали себя непримиримыми противниками учения Дарвина о живой природе.

Сам Дарвин шутливо назвал свое учение «евангелием сатаны» и не ждал ничего хорошего от «черных бестий» — теологов и реакционных ученых и публицистов, зная, что они непременно припутают религию при обсуждении его воззрений. Он дал ясно понять своим читателям, что возникновение того или иного вида столь же естественно, как и вспышка молнии, и поэтому в письме к Дж. Леббоку (1834—1913) от 12 ноября 1859 г. не без иронии заметил по адресу церковников, что «когда впервые было найдено доказательство того, что гром и молния зависят от вторичных (естественных,— Г. Г.) причин, для некоторых была невыносима мысль, что каждая вспышка молнии не исходит непосредственно от руки божьей».¹³ Однако изложению своих взглядов Дарвин в силу пресловутой «теологической ненависти» в Англии намеренно придавал аполитичный, нейтралистский характер, так как хотел избежать прямого столкновения с церковью.

Прежде чем послать издателю Мэррею рукопись «Происхождение видов», Дарвин в письме к Ляйеллю от 28 марта 1859 г. высказал намерение выяснить, не пока-

¹² Lyell. Life, Letters and journals, vol. I. London, 1884 (далее — L. L. L.), p. 173.

¹³ D. L. L., vol. II, p. 249.

жется ли эта работа издателю оскорбительной для верующих. «Посоветуете ли вы мне, — писал он, — сказать Мэррею, что моя книга антиортодоксальная не более, чем это неизбежно требуется самим существом предмета; что я не обсуждаю в ней происхождения человека; что я не вхожу ни в какие рассуждения о книге Бытия и т. д. и т. п., а только привожу факты и те заключения, которые по моему мнению справедливо вытекают из них? Или же лучше ничего не говорить Мэррею, предполагая, что он ничего не будет иметь против такой антиортодоксальности, которой и действительно в моем сочинении не больше, чем в любом геологическом трактате, который прямо противоречит книге Бытия?».¹⁴

Вместе с тем Дарвин в ряде писем указывал на то, что основы его учения возникли у него, вопреки утверждению теологов, под влиянием не богословских, а только научных соображений. Так, 28 ноября 1873 г. он писал Ридлею по поводу проповеди Пьюзи, что этот проповедник «ошибается, воображая, что я написал „Происхождение“ (видов, — *G. G.*) в какой-либо связи с теологией, — это должно быть ясно для всякого, кто даст себе труд прочитать мою книгу, тем более, что в первых строках введения я точно объясняю, как эта тема зародилась в моем уме».¹⁵

Стараясь склонить Ляйелля на свою сторону, Дарвин ясно представлял себе те затруднения, которые мешают Ляйеллю, как «убежденному теисту», стать сторонником его эволюционного учения. Поэтому он 23 ноября 1859 г. писал Ляйеллю: «Я думаю о том, что если меня будут проклинять как атеиста и прочее, то не может ли признание вами теории естественного отбора повредить вашим трудам; но я надеюсь, что нет, так как, насколько я помню, фанатики обыкновенно ограничиваются нападением только на первого обидчика, а тех, кто разделяет его взгляды, умные и добродушные фанатики только сожалеют, как людей, поддавшихся обману».¹⁶

Злобным противником дарвинизма, как мы видели, сразу же выступил Седжвик, который раньше, будучи учителем Дарвина по геологии, предсказывал, что этот

¹⁴ Там же, с. 152.

¹⁵ Там же, т. III, р. 286.

¹⁶ Там же, т. II, с. 230.

его ученик «займет видное место в ряду современных ученых». В письме к Дарвину (написанном «в духе братской любви») от 24 декабря 1859 г. этот геолог-пастор заявил, что «Происхождение видов» изобилует «ужасными местами», которые сильно оскорбили его «моральное чувство».¹⁷

Выражая отношение церкви к естествознанию, Седжвик дал ясно понять Дарвину, что последний намеренно отвергает самые основы религиозного мировоззрения, так как в учении о естественном отборе нет места для разумной целесообразности, для управляющей «конечной причины». Тем самым, уверял он, Дарвин якобы возвращает человечество назад, к совершенно безправственному, чисто животному состоянию, ибо всякая церковь учит, что без религии существование общества невозможно.

Вскоре после этого Седжвик выступил с анонимной разносной статьёй по поводу «Происхождения видов». В ее заключительной части он писал: «... я не могу закончить, не выразив отвращения, которое я чувствую к этой теории из-за ее непоколебимого материализма... Не то чтобы я думал, что Дарвин — атеист, хотя его материализм я могу рассматривать только как атеистический. Я считаю его материализм ложным, так как он идет против очевидного хода природы и представляет полную противоположность индуктивной истины. И я думаю, что он чрезвычайно зловреден...».¹⁸

Итак, Седжвик третирует дарвинизм как откровенно материалистическое учение, враждебное религии и якобы развращающее людей. Дарвин отметил, что этот «бедный старик» просто помешан на этом вопросе и поэтому позволяет себе очень недобросовестно излагать его взгляды по ряду вопросов. Особенно возмутили Дарвина слова «деморализованный ум», и в связи с этим он писал Ляйеллю 24 марта 1860 г. о Седжвике: «Если мне когда-нибудь придется с ним говорить, я скажу ему, что не мог раньше поверить, что инквизитор может быть хорошим человеком; теперь же я знаю, что человек может изжарить своего ближнего и, однако, иметь такое же доброе и благородное сердце, как у Седжвика».¹⁹

¹⁷ Там же, с. 249.

¹⁸ Там же, с. 298.

¹⁹ Там же.

Эту же мысль, но в более резкой форме, Дарвин выразил в конце ноября 1860 г. в письме к Гукеру, реагируя на только что появившуюся бранную анонимную рецензию некоего теолога: «...манера, с которой он притягивает сюда бессмертие, натравливает на меня священников и отдает меня им в руки, это — низость. Он сам ни за что не стал бы жечь меня, но принес бы дрова к костру и указал бы черным бестиям, как поймать меня».²⁰

Резюмируя в письме к Ляйеллю от 10 апреля 1860 г. свои впечатления от бури ненависти, клеветы, травли и пр., вызванной в первое время «Происхождением видов», Дарвин писал: «Тяжело быть ненавидимым в такой степени, как ненавидят меня».²¹ Опасаясь, что непрекращающиеся нападки на его учение сильно помешают многим правильно разобраться в сущности этого учения, он все же считал необходимым не терять мужества. «Я решил бороться до конца»,²² — заявил он 1 июня 1860 г. в письме к Ляйеллю. А уже 12 июля 1860 г. Дарвин писал Гукеру: «Теперь я вполне убежден, что наше дело со временем одолеет»,²³ причем письмо подписал: «Ваш затравленный, но не горюющий».

3

Настроение Дарвина значительно улучшилось под влиянием сообщения, что 30 июня 1860 г. в Оксфорде на съезде естествоиспытателей состоялся диспут об эволюционном учении Дарвина. На этом диспуте, происшедшем под председательством Гепсло в большой переполненной аудитории, разыгрался бой между дарвинизмом в лице главным образом Гексли и антидарвинизмом в лице оксфордского епископа Самуэля Уилберфорса. Диспут закончился блестящей победой сторонников дарвинизма, и Дарвин придал этому большое значение: уже очень скоро почувствовалось, что благодаря оксфордскому диспуту начался некоторый перелом в английском общественном мнении в пользу дарвинизма.

Уилберфорс был очень искусным оратором, но его блестящая по форме речь, продолжавшаяся полтора часа.

²⁰ Там же, с. 229.

²¹ Там же, с. 301.

²² Там же, с. 315.

²³ Там же, с. 323.

больше действовала на религиозные чувства публики и обнаружила его невежество в разных областях естествознания. Стараясь выявить атеистический характер дарвинизма, епископ облачился в тогу «защитника» науки и заявил, что Дарвин порвал с наукой, которая будто бы должна «показать бога в природе». Он указывал на то, что у Дарвина видно «стремление ограничить славу бога в его творении», так как «принцип естественного отбора абсолютно несовместим со словом божьим». При этом Уилберфорс выразил свое презрение к представлению о происхождении человеческого рода от обезьяноподобных существ, которое неизбежно вытекает из учения Дарвина. В связи с этим он позволил себе глупую выходку в отношении Гексли, поставив ему «едкий» вопрос о том, с чьей стороны Гексли считает себя потомком обезьяны — со стороны дедушки или со стороны бабушки.

Возмущенный Гексли обрушил на епископа всю мощь своих дарований блестящего ученого и полемиста, разъяснив аудитории ничтожество того запаса научных сведений, с которыми дилетанты в естествознании пытаются оспаривать значение дарвинизма, который является одной из величайших научных теорий. Один из слушателей Фаусет писал о речи Гексли: «Возражение было так заслуженно и так непередаваемо по манере, что никто из присутствующих, конечно, никогда не забудет вынесенного впечатления».²⁴ Особенно сильное впечатление на аудиторию произвела та часть речи Гексли, в которой он касался вопроса о родстве человека и высших обезьян, — она была встречена взрывом аплодисментов. Присутствовавший на диспуте пастор Фрименталь в следующих словах передает мысль Гексли: «Я не стыдился бы такого происхождения, но мне было бы стыдно считать своим предком человека, обратившего дары культуры и красноречия на службу предубеждениям и неправде»²⁵ (имелся, конечно, в виду епископ).

Стенографического отчета этого знаменитого научного диспута не существует, но Ляйелль, лично не бывший на нем, на основании разговоров с присутствовавшими, 4 июля 1860 г., писал своему другу Бэнберри, что «епис-

²⁴ Там же, с. 322.

²⁵ Там же.

скоп получил не более того, что заслужил». По его словам, Гексли сказал Уилберфорсу, что «если бы он мог выбирать себе предка, будь это обезьяна или кто-то, получивший школьное образование и злоупотребляющий своей логикой... то он, Гексли, не поколебался бы ни минуты, предпочтя обезьяну».²⁶

Во всяком случае впечатление от выступления Гексли на оксфордском диспуте было огромно. С тех пор этот выдающийся натуралист шутливо стал себя называть «бульдогом Дарвина», — он взял на себя славную роль пропагандиста материалистических, подлинно научных основ дарвиновского эволюционного учения.

Незадолго до смерти Дарвин в своей автобиографии писал о Гексли: «Он обладает умом столь же быстрым, как вспышка молнии, и столь же острым, как бритва. Он лучший собеседник, какого я когда-либо знал. Он никогда ничего не пишет и никогда ничего не говорит плоско. Судя по его разговору, никто не заподозрил бы, что он умеет расправляться со своими противниками в столь резкой форме, как он способен делать и действительно делает это... Он — главный в Англии поборник принципа постепенной эволюции органических существ... Он блестящий человек и хорошо поработал на благо человечества».²⁷

В письме к Гексли от 20 июня 1860 г. Дарвин копировал: «Оксфорд принес большую пользу нашему делу. Чрезвычайно важно было показать миру, что некоторые перворазрядные ученые не боятся высказывать свое мнение».²⁸ Восторгаясь мужеством Гексли, он отмечал, что своим учением «намутил очень много грязи», но если бы он, Дарвин, этого не сделал, то непременно кто-нибудь другой вскоре сделал бы это. Таким образом, Дарвин ясно сознавал, что возникшая идеологическая борьба была неизбежна и подготовлена всем ходом развития естественных наук.

Характерно, что сам Гексли был тогда того мнения, что «вселенский собор ученых несомненно осудил бы нас подавляющим большинством». Однако с каждым днем становился все более заметным успех учения Дарвина,

²⁶ L. L. L., vol. II, p. 335.

²⁷ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 9, с. 217—218.

²⁸ D. L. L., vol. II, p. 324.

несмотря на ожесточенные нападки его противников. Так, друг Дарвина, вышеупомянутый богослов-натуралист Кингсли в 1863 г. в письме к пастору Ф. Морису констатировал: «Состояние умов людей науки самое любопытное. Дарвин побеждает всюду и разливается, как поток, силой истины и фактов».²⁹ Самого Кингсли, хотя и не называя его фамилии, Дарвин, как уже отмечено, приводит в «Происхождении видов» как пример «знаменитого писателя и богослова», сочетающего веру в бога с представлением об эволюционном развитии органического мира.

Учитывая это обстоятельство, нельзя не обратить внимания на отношение знаменитого палеонтолога Ричарда Оуэна (1804—1892) к учению Дарвина и на его роль в оксфордском диспуте. Стоя на метафизических позициях Кьюве (его даже пазывали «английским Кьюве»), он враждебно относился к учению Дарвина, заявив, что это учение будет забыто через десять лет. Непосредственно не участвуя в оксфордском диспуте, Оуэн, как потом стало известно, инкогнито гостил в резиденции Уилберфорса в течение трех недель и немало поработал, чтобы подготовить этого церковника к выступлению против дарвинизма. Старания Оуэна, как мы знаем, не увенчались успехом: речь епископа была слаба в принципиальном отношении и изобиловала ошибочными утверждениями, вскрытыми Гексли.

Впоследствии Оуэн под давлением многочисленных палеонтологических и других фактов вынужден был принять идею органической эволюции. Но, не желая порвать с религиозным мировоззрением, он стал на позиции «религиозного эволюционизма», т. е. пытался эклектически сочетать эволюционизм с креационизмом, отделяясь пустыми разговорами о «могуществе бога». Оуэн говорил о «непрерывном действии творческой силы» и решительно отвергал учение Дарвина как атеистическое, игнорируя существо этого биологического учения.

8 мая 1860 г. Дарвин, обращаясь к Гексли, писал: «Оуэн действительно очень озлоблен. Он самым несчастным образом искажает и подделывает то, что я говорю... Лондонцы уверяют, что он злится от зависти, потому что о моей книге заговорили; какой странный человек — за-

²⁹ Там же, т. III, с. 2.

видовать такому натуралисту, как я, который неизмеримо ниже его! Судя по одному разговору с ним, я серьезно подозреваю, что в глубине души он так же далеко заходит в своих теориях, как и я».³⁰ Но Оуэн остался верен себе, и в конце 1868 г. Дарвин констатировал: «Оуэн основательно задирает меня... Он беспардонный человек. Он приводит мои слова в кавычках и искажает их».³¹

Впрочем, в известной мере так же поступал зоолог в рясе Ст. Майварт (1827—1900), на критику которого Дарвин дал исчерпывающий ответ в шестом издании «Происхождения видов». Дарвин часто говорит о нем в своей переписке, стараясь при этом разоблачить не только его аргументацию, но и моральный облик этого святоши. Так, 16 сентября 1871 г. он писал Гукеру: «Вы не можете себе представить, какие пламенные письма Майварт писал о своем уважении ко мне с просьбой посетить его, и пр. и пр. Однако... он выказывает величайшее пренебрежение и враждебность ко мне. Он выставляет меня самой что ни на есть нахальной, гнусной скотиной. Не могу понять его; полагаю, что в корне этого лежит проклятое религиозное ханжество. Конечно, он волен презирать и ненавидеть меня; но за чем было выражать больше, чем дружеские чувства? Это весьма удручает меня».³²

Между прочим, этот богословствующий натуралист обвинял Дарвина в том, что он «с излишней враждебностью пренебрегает основными принципами как философии, так и религии». При этом он, ссылаясь на ученого иезуита Суареза, утверждал, что точка зрения католических авторитетов «вполне согласуется со всем, что может требовать современная наука», так как она тоже признает производное творение видов, т. е. происхождение одних от других. Гексли настолько был возмущен выступлением Майварта, что засел за изучение сочинений Суареза и в результате убедительно доказал, что Майварт сказал неправду, уверяя, что этот ученый-иезуит держался эволюционного учения: Суарез, напротив, был врагом эволюционизма и, подобно всем ортодок

³⁰ Ч. Дарвин. Избранные письма, с. 128.

³¹ Там же, с. 214.

³² Там же, с. 225.

сальным католикам, допускал сотворение каждого отдельного органического вида. Таким образом, Гексли победил Майварта даже на почве католической теологии, почему и писал Дарвину: «Итак, я явился в новой для меня роли защитника католической ортодоксии и опровергнул Майварта устами его же собственного пророка».³³

Впрочем, Дарвин прекрасно понимал, что его эволюционное учение еще долгое время будет подвергаться нападкам, так как оно так или иначе неизбежно затрагивает коренные проблемы мировоззрения. Поэтому в письме к Гексли от 21 сентября 1871 г., выражая ему свой восторг по поводу его замечательно убедительной критики взглядов пезуита Майварта, сказал: «Будет еще продолжительная борьба и после того, как мы умрем и исчезнем».³⁴ Действительно, в той или иной (нередко довольно острой) форме эта борьба продолжается и в наши дни.

В настоящее время трудно даже себе представить тот шквал всевозможных оскорблений, который был обрушен на Дарвина мракобесами в рясах и без них. Однако за отдельными исключениями он не ввязывался в публичную полемику, так как считал, что она редко принесет пользу и не стоит той потери времени и того плохого настроения, которые она вызывает.

На закате жизни Дарвин писал: «Каждый раз, когда я обнаруживал, что мною была допущена грубая ошибка или что моя работа в том или ином отношении несовершенна, или когда меня презрительно критиковали, или даже тогда, когда меня чрезмерно хвалили, и в результате всего этого я чувствовал себя огорченным, — величайшим утешением для меня были слова, которые я сотни раз повторял самому себе: „Я трудился изо всех сил и старался, как мог, и ни один человек не в состоянии сделать больше этого“».³⁵

4

Уже во времена Дарвина для трезво мыслящих ученых и философов стало ясно, что эволюция живой природы — неопровержимый факт. Тогдашние антидарви-

³³ D. L. L., vol. III, p. 147.

³⁴ Там же, с. 149.

³⁵ Ч. Д а р в и н. Сочинения, т. 9, с. 232.

нисты возлагали свои надежды главным образом на Агасица, но он умер (в декабре 1873 г.) с сознанием своего бессилия справиться с дарвинизмом. Незадолго перед смертью в разговоре с физиком Тиндалем он вынужден был сделать признание: «Сознаюсь, что я никак не ожидал, чтобы эта теория была так благосклонно принята лучшими умами нашего времени. Успех ее оказался гораздо значительнее, чем я считал это возможным». С тех пор те из натуралистов, которые не желали окончательно порвать с религией, обычно становились на ту же точку зрения, что и Оуэн. Так, французский палеонтолог А. Годри в 1896 г. утверждал, что в развитии органического мира «божественная деятельность проявлялась непрерывным образом». Точно так же видный американский натуралист Осборн уверял, будто на органический мир можно смотреть как на результат «творения путем эволюции».

Однако Дарвин решительно отвергал всякие попытки фидеистов направить эволюционное учение по религиозно-идеалистическому руслу. Так, 17 июня 1860 г. он писал Ляйеллю: «Ни один астроном, показывая зависимость движения планет от тяготения, не считает пужным сказать, что закон тяготения был предназначен для того, чтобы планеты следовали по тем путям, по которым они следуют. Я не могу поверить, чтобы в строении каждого вида было хоть на крошку больше вмешательства Творца, чем в движении планет. Я полагаю, только благодаря Пейли и К⁰ (защитникам телеологии, — Г. Г.), это более специальное вмешательство почитается необходимым в отношении живых тел».³⁶

После организованного в 1925 г. позорного «обезьяньего процесса» — похода на дарвинизм — в США участились попытки «доказать», будто библейское понятие «творение» несколько не противоречит научному понятию «развитие». С тех пор формула «творение путем эволюции», т. е. развитие как акт божества, сделалась лозунгом всех реакционных биологов и антропологов, для которых интересы фидеизма выше интересов науки. Защищая эту формулу, католический иеромонах Л. Лелотт уверяет, будто «между понятиями творения и эволюции нет противоречия; эволюция есть изменение со-

³⁶ Ч. Дарвин. Избранные письма, с. 132.

стояния предмета уже существующего, который может быть сотворенным».³⁷

На этом «основании» современные баптистские теологи уверяют, будто та самая теория эволюции Дарвина, которая рассматривается как атеистическая, может предстать перед нами как «величайшее божественное откровение», как прямое указание на «целеустремленность жизненных явлений» и даже как прямое свидетельство «могущества творца жизни». Характерно, что по существу эту точку зрения отстаивал видный французский биолог Л. дю Нуи в 1949 г. Он пытался создать впечатление, будто эволюция может быть понята только в том случае, если мы признаем, что над эволюцией господствует целенаправленность, что ею руководит «точная и отдаленная цель».

Еще дальше пошел американский фидеист Э. Лонг, который уверяет, что эволюционизм делается теперь «ключом к пониманию природы бога», так как якобы свидетельствует о «систематическом контроле» бога над природой. А видный американский богослов епископ О'Брайен даже заявил: «Эволюционное учение даст нам более точное понимание бога, который действует через законы природы, установленные им». Но тем самым эти просвещенные богоревнители вполне понятные нам естественные явления совершенно бездоказательно объявляют сверхъестественными, мистическими. Во всяком случае их «религиозный эволюционизм» несостоятелен не только с фактической, но и с логической стороны: творение исключает развитие, а развитие исключает творение.

Уже из этого видно, что современные фидеисты чаще всего не решаются открыто нападать на учение Дарвина и поддерживать разные формы антидарвинизма.³⁸ Среди них немало таких, которые путем искажения смысла дарвинизма пытаются доказать, будто это учение несколько не противоречит религиозному мировоззрению. В этом они в известной мере нашли поддержку у видного биолога А. Вейсмана (1834—1914), который писал, что недалеко уже то время, когда все убедятся в том, что

³⁷ Ф. Лелотт. Решение проблемы жизни (христианское мировоззрение). Брюссель, 1959, с. 91.

³⁸ Л. Ш. Давиашвили. Современное состояние эволюционного учения на Западе. М., 1966.

признание закономерного развития животного мира так же мало подрывает «основы истинной религии», как и вращение Земли вокруг Солнца. Но этот ученый утверждал из виду, что в основе всякой религии лежит вера в сверхъестественное, которая не может быть примирена с признанием «закономерного развития», т. е. представлением о естественном течении процессов природы. Все же Вейсман считал пужным отметить: «Философское значение естественного отбора заключается в том, что он дает нам принцип не целестремительный сам по себе, но тем не менее производящий целесообразное. Впервые мы благодаря этому оказываемся в состоянии до известной степени понять столь изумительную целесообразность организмов, не привлекая при этом сверхъестественной силы Творца».³⁹

По своему существу эта точка зрения является вполне материалистической, но Вейсман все же старался скрыть ее атеистический характер, отыскав для нее деистическую лазейку. Он писал, что «все то, что совершается на свете, покоится на силах, в нем господствующих, и совершается закономерно; откуда же происходят эти силы и их субстрат — материя, этого мы не знаем, и здесь никому не возбраняется верить».⁴⁰

Что же касается Дарвина, то он ясно видел, что не только церковнослужителям, но и религиозно мыслящим естествоиспытателям его учение об органической эволюции было ненавистно из-за его материалистического, а тем самым атеистического характера. Действительно, Дарвин изгонял из биологической науки вмешательство сверхъестественных сил, как бы они ни назывались; он утверждал естественную закономерность в такой области, где до него предполагали чудо или апеллировали к некоему таинственному «стремлению природы» к совершенствованию. Но, сделав этот важный шаг, великий натуралист не мог не учесть болезненно щепетильного отношения господствующего класса ко всем вопросам, так или иначе задевающим религию. Поэтому он при помощи эпиграфов деистического характера старался создать впечатление, что даже те мыслители, которые вовсе не являются атеистами, тоже обходятся

³⁹ А. Вейсман. Лекции по эволюционной теории, т. I. Париж, 1918, с. 49.

⁴⁰ Там же, с. 15.

без божественного влияния, когда они объясняют явления природы, хотя этим и умаляется божественная власть.

В результате Дарвин вел себя в известной мере двусмысленно: разбив ряд положений библейского мировоззрения, он вдруг начинал уверять, что его взгляды не идут вразрез с религией, а только арелигиозны. Так, в заключительной главе «Происхождения видов» он пишет: «Я не вижу достаточного основания, почему бы воззрения, излагаемые в этой книге, могли задевать чье-либо религиозное чувство. В доказательство того, как скоропреходяще подобное впечатление, утешительно вспомнить, что величайшее открытие, когда-либо сделанное человеком, а именно — открытие всемирного тяготения, было встречено нападками Лейбница, как «потрясающее основы естественной религии, а следовательно, и откровения».⁴¹ Впрочем, по существу Лейбниц выступал не столько против закона тяготения, сколько против тех английских богословов, которые пытались доказать вмешательство бога в естественные закономерности вообще и закон тяготения в частности.

Примерно в том же духе Дарвин высказался и позже в заключительных страницах «Происхождения человека»: «Я знаю, что заключения, к которым приводит это сочинение, будут некоторыми сочтены крайне нерелигиозными; но тот, кто так заклеимит их, обязан доказать, почему объяснять начало человека как особого вида происхождением от какой-нибудь низшей формы при помощи законов изменения и естественного отбора безбожнее, нежели объяснять рождение отдельной особи законами обыкновенного воспроизведения. Рождение как вида, так и особи одинаково составляет часть того длинного ряда последовательных явлений, которые наш ум отказывается признать как результат простой случайности. Разум одинаково восстает против такого заключения, все равно, верим ли мы или нет в то, что всякое незначительное изменение в организме, соединение каждой пары в браке, распространение каждого семени и тому подобные явления — были все предназначены для какой-нибудь особой цели».⁴²

⁴¹ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, с. 660.

⁴² Там же, т. 5, с. 651.

Всеми этими оговорками, вызванными нападками церковнослужителей, Дарвин пытался создать впечатление, будто в вопросе о религии его эволюционное учение занимает нейтральное, безразличное положение. Но все это звучит чисто декларативно, весьма неубедительно, так как все дело в том, что старые, привычные религиозные положения им все-таки решительно отрицаются, а в его собственных, новых научных воззрениях нет и намёка на веру в сверхъестественное. На всех конкретных участках разрабатываемой им науки он безоговорочно порвал с религиозными представлениями и тем наиболее четко выявил неистребимость естественноисторического материализма. Поэтому Дарвин не выносил утверждений фидеистов, будто религия не направлена против науки.

Несмотря на это, Дарвин полагал, что его нейтральное отношение к религиозному мировоззрению, его нежелание задевать чувства и предрассудки верующих людей дадут возможность его учению распространяться среди этих людей. Он был рад узнать, что пастор Стеббинг 1 февраля 1869 г. прочел лекцию (и вскоре ее издал отдельной брошюрой под названием «Дарвинизм») о его теории в положительном духе. Получив от Стеббинга экземпляр этой лекции, Дарвин 3 марта 1869 г. писал ему: «Я очень благодарен Вам за вашу любезность и присылку вашей интересной лекции; если бы человек недуховного звания прочел эту лекцию, он оказал бы хорошую услугу для распространения того, что, как я надеюсь и убежден, является в большой мере истиной; но если такую лекцию читает духовное лицо, оно, мне кажется, сделает гораздо больше добра, имея власть бороться с невежественными предрассудками и показывая, если позволите мне так выразиться, великолепный пример широких взглядов».⁴³

В связи с этим представляется необходимым показать отношение Дарвина к тем своим сторонникам, которые хотели связать его учение с религиозными представлениями. Это подготовит нас к освещению вопроса о действительном отношении Дарвина к религиозному мировоззрению, тем более что в юности он собирался стать пастором и с этой целью окончил богословский факультет. В своей автобиографии, в основном написанной

⁴³ D. L. L., vol. III, p. 110—111.

в 1876 г., Дарвин заметил, что когда он думает о том, как свирепо нападали на него позднее сторонники церкви, ему просто смешно вспомнить, что он сам, идя навстречу желанию отца, когда-то имел намерение сделаться священником. Но предварительно обратим внимание на следующее обстоятельство.

На оксфордском диспуте по сути дела остро встал вопрос не столько о том, прав или неправ Дарвин, сколько вопрос о том, является ли дарвинизм атеистическим учением, поскольку дарвинизм отрицает креационизм — представление об отдельных творческих актах. В связи с этим Гексли, обращаясь к епископу Уилберфорсу, сказал: «Вы говорите, что, признавая развитие, мы отвергаем творца. Но вы не логичны. Вы же утверждаете, что вас бог создал, и в то же время знаете, что вы развивались, вы хорошо знаете, что вы сами первоначально были маленьким кусочком материи, не больше конца этого золотого карандаша».⁴⁴

Таким образом, Гексли обратил внимание на то, что образованные верующие еще задолго до появления эволюционного учения знали о фактах, свидетельствующих о постепенном развитии живых существ. В дальнейшем Гексли неоднократно возвращался к этой мысли и указывал, что Дарвин, отвергая сотворение отдельных органических видов и признав их постепенное развитие из более простых форм, в сущности распространил на виды то, что мы знаем об особях.

«Точно установлено, — писал он, — что нормальное, свежеснесенное яйцо не содержит ни петуха, ни курицы; и настолько же точно известно... что если такое яйцо содержится в должных условиях в течение трех недель, в нем окажется или петух, или курица. Точно так же установлено, что если бы скорлупа была прозрачна, мы могли бы наблюдать, день за днем, образование цыпленка посредством процесса эволюции из микроскопического клеточного зародыша до его полной величины и сложных частей его структуры. Следовательно, эволюция, в самом строгом смысле, происходит в данном примере и в аналогичных миллионах миллионов примеров везде, где есть живые существа».⁴⁵

⁴⁴ А. Некрасов. Борьба за дарвинизм, М., 1926, с. 11.

⁴⁵ D. L. L., vol. II, p. 202.

Так как особи несомненно развиваются из яйцевой клетки, и этот факт обыкновенно не смущает верующих людей, то почему, спрашивал Гексли, они должны быть смущены тем, что и виды, подобно особям, развиваются под влиянием естественных закономерностей, которые мы можем изучать? Исходя из этой мысли (как мы видели, она встречается и в сочинениях Дарвина) Гексли стал утверждать, будто эволюционное учение не касается существа религиозного мировоззрения и, стало быть, не является атеистическим.

В 1887 г. Гексли заявил, что учение об эволюции ни антиатеистично, ни теистично, что оно просто имеет общего с теизмом не более, чем эвклидова геометрия: «С чем оно действительно сталкивается, но с чем оно вступает в полное противоречие, — это с понятием о сотворении мира, которое мыслители-богословы основывали на истории, рассказанной в начале Книги Бытия... Перед философом-теистом в настоящее время не встает ни одной проблемы, какой не существовало бы с того времени, как философы начали придумывать логические основы и логические следствия теизма».⁴⁶

Как видно, Гексли, отбивая атаки антидарвинистов, выдвинул мысль, что теизм в последарвиновскую эпоху встречает по существу те же философские затруднения, что и до Дарвина. Несостоятельность этой точки зрения недавно выявил американский фидеист Г. Моррис, который отметил, что если бог действительно сотворил всю природу «методом эволюции», то бог избрал не только неэффективный, но и «жестокый и глупый метод творения». Ведь если целью бога было сотворение человека, для чего же понадобилось на миллионы лет заселить нашу планету такими чудовищами, как динозавры, которые вымерли задолго до появления человека?

В своем стремлении избавить дарвинизм от врагов со стороны церкви Гексли настолько далеко зашел в отрицании того, что религия по существу является особым мировоззрением, что даже отрицал существование какой-либо связи между наукой и религией. Он настаивал только на том, что естествознание отрицает все то, что говорит о мире Библия, не видя того, что библейское представление о происхождении земного шара, небесных тел

⁴⁶ Там же, с. 203.

живых существ, человеческого рода и т. д. не случайно, а вытекает из того, что всякая религия имеет и не может не иметь своего особого мировоззрения. Исходным же пунктом или основой этого мировоззрения является супранатурализм, т. е. любая форма веры в сверхъестественное, а с этой верой дарвинизм непримирим, и поэтому по своему существу это учение безусловно является атеистическим, какие бы оговорки не пытался делать на этот счет тот или иной натуралист или философ.

Видный лютеранский богослов Э. Фукс уже в наше время, в 1963 г., советовал теологам совсем не касаться эволюционного учения и других вопросов естествознания, так как «все научное мировоззрение как таковое является атеистическим». Однако, обращаясь к атеистам, оп, пытаясь доказать ограниченность их мировоззрения, писал: «Развитие? Да! А все же: где цель, смысл развития?». Но бессмысленность этого вопроса очевидна — нельзя приписывать природе человеческие особенности, так как способность ставить себе определенные цели и осмысливать свою жизнь присуща только человеку. Спрашивать о смысле всего сущего, — это, по справедливому замечанию физика Л. Больцмана, все равно, что «стрелять дальше цели».

Когда английский физик О. Лодж заявил, что после Дарвина остался без ответа вопрос о цели самой органической эволюции, К. А. Тимирязев разъяснил ему: «Борьба за существование, эволюция — не цель, а средство, объясняющее именно загадку всего живого, т. е. совершенство организмов, их гармонию с условиями их существования. О том, что не борется, не эволюционирует, мы не знаем, потому что оно не могло поддержать своего существования: существует только то, что вышло с успехом из борьбы — эволюционировало; следовательно, борьба, эволюция — не вопрос, а ответ; не задача, а решение задачи».⁴⁷

Еще при жизни Дарвина палеонтолог Оуэп старался сочетать креационизм с эволюционизмом, а тем самым проложил дорогу к так называемому христианскому эволюционизму. Заметную роль в попытках обоснования этой точки зрения, долженствующей примирить науку с религией, сыграл зоолог-иезуит Эрнх Васман, который

⁴⁷ К. А. Тимирязев. Сочинения, т. IX, с. 192.

заявил, что понятие творения связано с понятием развития, так как бог создал способный к развитию мир. Он выдвинул взгляд, согласно которому бог ограничился созданием только «родоначальных» органических видов, а затем уже эти виды стали постепенно изменяться, развиваясь естественным путем в согласии с дарвинизмом. «Бог, — писал Васман, — не вмешивается непосредственно в естественный порядок там, где он может действовать через естественные причины. Это вовсе не новое, а весьма старое основание, которое позволяет смотреть на теорию развития, поскольку она действительно доказана, как на вполне и действительно соединимую с христианским мировоззрением».⁴⁸ Однако утверждение этого ученого в рясе о созданных богом «родоначальных» видах совершенно голословно, причем по существу он стал на точку зрения деизма, который категорически отвергается христианским вероучением.

Новейшей формой «христианского эволюционизма» является та, которая была разработана видным католическим натуралистом-иезуитом академиком П. Тейяром де Шарденом (1881—1955) с целью осуществить невозможное — синтез науки и религии. Выступление этого теолога и палеонтолога произвело в мире католического духовенства впечатление разорвавшейся бомбы, так как он старался не порывать с принципами научного мышления, т. е. исходил не из религиозных догм, а из логики установленных наукой фактов. Он не считался с тем, что этим навлек на себя всякие неприятности со стороны католической церкви, которая обвиняла его в материализме и даже в «тайном сочувствии» коммунизму. Его труды вышли в свет уже после его смерти и без разрешения католической церкви, которая вскоре признала их опасными для религии и изъяла из семинарских библиотек.

Тейяр писал, что эволюция — это не теория, не гипотеза и не система, это общая предпосылка, перед которой должны преклониться и с которой должны считаться отныне все теории, все гипотезы и все системы. Для Тейяра весь мир — это эволюционный процесс закономерного развития материи, причем на определенной его стадии необходимо возникает жизнь (он даже был убежден, что

⁴⁸ Э. Васман. Христианство и теория развития, Париж, 1917, с. 19.

непосредственно процесс возникновения жизни можно будет когда-нибудь наблюдать в лаборатории). В полном согласии с дарвинизмом он допускал, что борьба за существование и естественный отбор являются теми факторами, которые активно формируют процесс жизни. Что же касается человеческого сознания, то Тейяр считал, что оно возникло строго закономерно на высшей стадии развития животного мира. С его точки зрения человек — это «эволюция, осознавшая самое себя», и что он на земле появился столь же естественным путем, как и всякий органический вид. А раз так, то не может быть и речи о первой человеческой паре, а тем самым о сотворении человеческой души, о первородном грехе и ряде других «истин веры».

Однако при трактовке некоторых проблем мировой эволюции Тейяр немало напутал, так как он все же не решался полностью освободиться от некоторых элементов религиозного мировоззрения, а вследствие этого его материализм приобрел какой-то мистический характер. Вызвано это было тем, что Тейяр хотел создать такое мировоззрение, которое было бы одновременно научным и религиозным, и тем заложить основы новой теологии, способной удовлетворять запросы современного образованного человека. Как натуралист он считал бесспорным, что весь мир представляет собой единый процесс непрерывного движения и развития и что на высшей стадии этого процесса необходимо появляется человеческое сознание. Однако как богослов он этот великий процесс, т. е. саморазвитие материального мира, рассматривал как продолжающееся творение, протекающее строго закономерно. Но тем самым Тейяр изменил обычные представления о творении, чуде и т. д. и по существу порвал с теизмом, а значит и с теологией, так как «натурализировал сверхъестественное». В конечном счете, говоря о боге, он отметил: «Я все же не чувствую особой уверенности в его существовании. Верить — не значит видеть». По существу он на бога смотрел как на природу, точнее — он растворил бога в природе, т. е. пришел к одному из видов проклинаемого церковью пантеизма.

Неудивительно, что взгляды этого человека, желавшего одновременно быть и ученым и теологом, проникнуты глубокими противоречиями, которые свидетельствуют о невозможности примирения науки и религии,

а следовательно, о крахе религиозного мировоззрения под натиском науки. В этом натиске особенно велика роль дарвинизма, который разрушил значительную часть религиозной картины мира: это обстоятельство в достаточной мере отражено в книгах Тейяра, выступившего в роли радикального религиозного модерниста. По этой причине его книги не только взбудоражили богословов, но и привлекли к себе пристальное внимание мыслящих слоев верующих, заставляя их думать о шаткости религиозного мировоззрения, а это неизбежно ведет к усилению разброда в среде защитников современных вероучений.⁴⁹

Все это дает основание согласиться с следующим утверждением православного богослова протоиерея И. Галахова: «Конфликт веры и разума получил начало еще в XVIII веке, после того как в западноевропейской мысли воцарилось материалистическое направление... Дарвинизм своими принципами и выводами только обострил борьбу, подлил масла в огонь. Два мировоззрения, христианское и научное, стали друг против друга в решительном противоречии. Дарвинизм устранил главные догматы о творении, промысле, искуплении; объявил иллюзией учение об образе божьем в человеке; нашел вечные неизблемые законы развития органических форм, признал все мирообразование механическим (материальным, — Г. Г.) процессом. ...Наука и религия — два противоположных течения человеческой мысли. Примирить их невозможно, как нельзя заставить течь две реки по одному руслу в противоположных направлениях».⁵⁰

⁴⁹ Е. М. Бабосов. Тейярдизм: попытка синтеза науки и христианства. Минск, 1970.

⁵⁰ И. Галахов. О религии, богословско-философское исследование. Томск, 1914, с. 4.

Теория естественного отбора является сердцевинной, ядром дарвинизма. Только благодаря ей эволюционное учение Дарвина резко отличается от всех прочих эволюционных учений своим материалистическим характером. Однако эта теория была столь нова и вместе с тем столь неожиданна по своим выводам, что действительный смысл ее не сразу уяснили себе и некоторые крупные натуралисты, даже из числа тех, которые были друзьями Дарвина. В первое время Дарвину пришлось констатировать, что по сути дела никто не понимает, что он подразумевает под естественным отбором.

Если учение Дарвина произвело великую революцию в биологической науке, то это произошло только оттого, что оно содержало в себе существенно новую, творческую мысль — теорию естественного отбора. Именно новизна и неожиданность этой идеи являлись одной из причин того, что некоторые биологи имели неправильное представление о причине сравнительно быстрого поворота во взглядах натуралистов об органических видах. Они считали, будто важно собственно эволюционное учение, а не та форма, которая предложена Дарвином, исходившим из идеи естественного отбора. Но это мнение в сущности является замаскированным отрицанием какого-нибудь новаторского значения деятельности Дарвина. Лишь скрытые антидарвинисты могут утверждать, будто важно не то, что Дарвин внес своего, нового, оригинального в науку, а лишь то, что он заставил усомниться в ходячем воззрении и признать общую эволюционную точку зрения. Ведь не следует забывать, что попытка Жана Ламарка (1744—1829) оказалась бесплодной потому именно, что предложенный им ответ на вопрос, ка-

ковы важнейшие движущие силы эволюции живой природы, никого из подлинных ученых не удовлетворил.

Невозможно говорить об эволюционном учении Дарвина, не отмечая при этом теоретическое новаторство обеспечившее успех этого учения. Справедливо утверждение К. А. Тимирязева: *«Эволюционное учение только потому и восторжествовало, что приняло форму дарвинизма. Простая, бессодержательная формула эволюции не могла иметь успеха, пока не было ответа на вопрос как и почему совершается эта эволюция»*.¹

В самом общем виде свою эволюционную теорию Дарвин создал уже в середине 1836 г., когда в его распоряжении еще не было достаточно обширного и строго проверенного фактического материала. Это привело к тому, что в самом начале его теория сильно напоминала «теории» тех антидарвинистов, которые сводили весь процесс органической эволюции к крупным самопроизвольно возникающим мутациям, т. е. к резким изменениям организмов. Но характерно то, что реакционные биологи пришли к этой точке зрения через полстолетия после появления «Происхождения видов», а молодому Дарвину понадобилось всего несколько месяцев, чтобы осознать свое заблуждение. Поэтому именно Дарвин открыл реальные факторы органической эволюции в виде целостного действия наследственности, изменчивости и естественного отбора. Тем самым он со строго научных, подлинно материалистических позиций нашел истинные причины того исторического процесса, который обуславливает целесообразность органических форм. Это явилось одной из величайших побед естествознания, и удалась она ему главным образом потому, что исходным элементом органической эволюции он считал явление неопределенно наследственной изменчивости организмов, так как именно в нем он увидел источник появления нового в историческом развитии органических форм.

Правда, наряду с неопределенной изменчивостью Дарвин признавал также и определенную, т. е. и направленную, приспособительную изменчивость. Но по существу материалистическим ядром всего его учения является представление, что неопределенная изменчивость

¹ К. А. Тимирязев. Сочинения, т. VIII, с. 115.

(впоследствии она была названа мутациями) в приспособительном отношении является случайностью, т. е. в зависимости от условий среды она оказывается для данных организмов или полезной, или вредной, или же безразличной. Ведь организмы живут в определенных условиях среды, к которым они приспособлены, т. е. целесообразность определяется связью между организмами и внешней средой, так что при разпой среде и целесообразность имеет разный характер. Поэтому новое в процессе эволюции организмов возникает только тогда, когда неопределенные отклонения подпадают под действие естественного отбора, который дает им определенное направление — в соответствии с данными условиями среды. Таким образом, теория естественного отбора раскрыла единство случайности и необходимости в возникновении целесообразности органических форм, и в этом Энгельс видел диалектико-материалистическое ядро всего учения Дарвина.

Дарвин признавался, что ему не известны конкретные причины, вызывающие неопределенную изменчивость, но он не сомневался в том, что они кроются в факторах внешней среды. Весьма существенно подчеркивание им того обстоятельства, что неопределенная изменчивость (в противоположность утверждениям ламаркистов) не имеет адекватного, приспособительного характера, так как целесообразной она становится только в результате деятельности естественного отбора. «Можно сказать, — писал Дарвин, — что естественный отбор ежедневно и ежечасно расследует по всему свету мельчайшие изменения, отбрасывая дурные, сохраняя и слагая хорошие, работая неслышно и невидимо, *где бы и когда бы не представился к тому случай*, над усовершенствованием каждого органического существа в связи с условиями его жизни — органическими и неорганическими».²

В письме к Ляйеллю от 4 октября 1867 г. Дарвин, отмечив, что «всякий естественный отбор зависит от естественных условий», при этом разъяснил: «прямое действие этих условий вызывает изменение, а не ведет к сохранению или уничтожению некоторых форм».³ Это очень важ-

² Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, с. 330.

³ D. M. L., vol. I, p. 300.

ное разъяснение: смысл его в том, что нельзя смешивать такие явления, как изменчивость особи и возникновение вида, ибо от изменения особи до образования нового вида дистанция огромного размера. Одной из важных заслуг Дарвина является выдвижение им того положения, что процессы появления новой особенности у отдельных индивидов и образования нового вида являются сопряженными, но не тождественными. Действительно, никакое последственное изменение не является само по себе возникновением нового вида, так как всякий новый вид возникает не от единичной особи, а от совокупности особей, находящихся на определенной территории. С другой стороны, в естественной природе процесс видообразования имеет исторический характер — он идет под влиянием естественного отбора и протекает в течение весьма длительного времени.

Таким образом, Дарвин впервые четко поставил вопрос о разграничении двух явлений — индивидуальной изменчивости и видообразования. Он указал на то, что образование новых видов нельзя свести к появлению новых особенностей у отдельных особей, ибо возникновение измененной формы у некоторых индивидов является лишь первой ступенью к возникновению нового вида. Это положение неоспоримо: чтобы новой форме, появившейся у тех или других особей под влиянием изменившихся условий, стать в естественной природе видом, ей предстоит еще усиливаться, распространяться и обосноваться в пространстве, а это — результат творческого действия естественного отбора.

Видовые особенности организмов являются теми отличительными необходимыми признаками, без которых вид не был бы тем, чем он является. Наоборот, индивидуальные особенности организмов несущественны, случайны для вида, т. е. они могут быть такими, но могут быть совершенно иными. Случайной является и та среда, в которую попадает данный организм и в которой проявляется полезность или вредность его индивидуальных особенностей, так как среда могла оказаться для данного организма и другой. Поэтому Энгельс отметил: «Для отдельного животного случайно, где оно родилось, какую среду оно находит вокруг себя для жизни, какие враги и сколько именно врагов угрожают ему. Для материнского растения случайно, куда ветер разносит его семена, для дочернего

растения случайно, где находит себе почву для прорастания то зерно, из которого оно вырастает».⁴

Это обстоятельство и учитывал Дарвин, который, являя творческую роль естественного отбора, неоднократно подчеркивал, что этот стихийный процесс имеет дело с неопределенной изменчивостью («непредвиденными вариациями»), так что органическая эволюция осуществляется на основе случайных отклонений. Ведь эти наследственные индивидуальные отклонения, возникающие под влиянием тех или иных причин у особей внутри каждого отдельного вида, никогда не являются сами по себе приспособлениями. Эти изменения идут в самых различных направлениях, т. е. новые признаки при наличных условиях могут быть или полезны для организма, или безразличны, или же прямо вредны. Хотя история вида определяет развитие признаков особи, — для особи совершенно случайно, какой из этих признаков окажется полезным, приспособительным, т. е. будет лучше соответствовать окружающей обстановке, ибо это соответствие вовсе не вытекает неизбежно из хода развития данного организма. Но естественный отбор, постепенно превращающий индивидуальные изменения в видовые, приспособительные признаки, оперирует только теми единичными изменениями, которые случайно оказались полезными для организмов в данных конкретных условиях.

Следовательно, в учении Дарвина необходимость проявляется через случайность: неопределенные, случайные в отношении «требований» среды, наследственные изменения организмов представляют единственный материал, из которого естественный отбор формирует новые виды, создает закономерный процесс эволюции органического мира. Дарвин многократно подчеркивал, что слово «случайность» он употреблял только в смысле отрицания в природе умысла, т. е. божьего промысла, предустановленности и т. п. Поэтому, заканчивая изложение своего учения в «Происхождении видов», он дал ясно понять, что развитие бесконечного числа самых изумительных органических форм столь же закономерно, как движение нашей планеты согласно закону тяготения.

Отвечая своим критикам, Дарвин отметил: «Некоторые авторы заявляют, что естественный отбор ничего не объяс-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, с. 535.

няет, пока не выяснена точная причина каждого слабого индивидуального отличия. Если бы мы объяснили дикарю, совершенно не знакомому с искусством зодчества, каким образом, камень за камнем, было возведено здание, почему клинообразные обломки были взяты для сводов, а плоские для кровли и т. д., если бы мы указали ему назначение каждой части и всего здания, было бы нелепо, если бы он заявил, что ему ничего не объяснили, так как не смогли указать точную причину той или иной формы каждого обломка. А ведь такое заявление почти аналогично возражению, что отбор ничего не объясняет, раз мы не знаем причины каждого индивидуального отличия в строении каждого существа».⁵

По-видимому, Дарвин считал эту метафору очень удачной для выражения его мысли о роли неопределенной изменчивости, случайных вариаций в естественном отборе, так как он обращался к ней всякий раз, когда ему приходилось затрагивать этот важный вопрос. «Я говорил об отборе как о преобладающей силе, — писал он, — но действие его безусловно зависит от того, что мы в своем невежестве называем спонтанной или случайной изменчивостью. Предположим, что архитектор вынужден построить здание из необтесанных камней, обрушившихся с крутизны. Форму каждого обломка можно назвать случайной, а между тем она определяется силой тяготения, характером горной породы и крутизной обрыва — событиями и обстоятельствами, обусловленными естественными законами, но между этими законами и тою целью, для которой строитель употребляет каждый обломок, нет связи. Совершенно так же изменения всякого существа определяются постоянными и пезыблемыми законами, но они не имеют отношения к той живой структуре, которая медленно складывается под влиянием отбора, все равно — естественного или искусственного».⁶

Из всего этого должно быть ясно, что Дарвин сознательно берет изменения животных и растений как факт и поэтому его учение касается главным образом действия отбора среди изменений, но не возникновения самих изменений, так что не следует смешивать причину изменчивости с естественным отбором. Неудивительно, что до

⁵ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 4, М., 1951, с. 777.

⁶ Там же, с. 637—638.

конца жизни Дарвин был убежден в том, что целесообразные явления образуются под влиянием не внешней среды, а естественного отбора, тех изменений, которые могли появиться и под воздействием среды. Поэтому, говоря о своих опытах с некоторыми семенами, он в письме к Гексли от 11 мая 1880 г. отметил: «Я утверждаю, что можно с таким же основанием сказать, что при помощи внешних условий развилась пара ножиц или щипцы для орехов, как и упомянутая структура».⁷

Не случайно Дарвин сравнивал отбор с зодчим, который строит здание из случайно попавших ему под руку неправильных глыб камней, образовавшихся при горном обвале. При этом, оценивая творческую роль отбора в каждом поколении, он указывал, что выражение «естественный отбор» содержит в себе мысль только о сохранении свойств организмов, а не об их возникновении, и это обстоятельство Энгельс считал очень важным для понимания сути дарвинизма. Что же касается вопроса о возникновении этих свойств, т. е. о причинах неопределенной наследственной изменчивости, то поиски ответа на него Дарвин считал чрезвычайно важными для биологии вообще и для эволюционного учения в особенности. Незадолго до своей смерти он сказал, что, если бы он был «помоложе и посильнее», он взялся бы за соответственные опыты, так как перед ним «уже выясняются новые пути исследования». Во всяком случае уже во времена Дарвина стало ясно, что учение о творческой роли естественного отбора дало науке изумительно простое и вместе с тем строго материалистическое решение задачи об историческом процессе появления целесообразности в строении и функциях организмов.

Неудивительно, что антидарвиниста Н. Я. Данилевского особенно коробило то, что Дарвин признает единство случайности и необходимости, так как в случайных изменениях организмов он видит тот материал, из которого естественный отбор творит закономерный, необходимый процесс органической эволюции. «Невозможно, чтобы масса случайностей... могла бы... произвести удивительнейшую целесообразность!», — писал Н. Я. Данилевский. — Верховному разуму не остается более места в природе, или по крайней мере он становится чем-то излишним, без

⁷ D. M. L., vol. I, p. 387.

которого очень хорошо можно, а следовательно и должно, обойтись».⁸ Для этого защитника религии дарвинизм — это «ужасное учение, ужасом своим превосходящее все вообразимое», так как этим учением «устраняются последние следы того, что принято теперь называть мистицизмом, устраняется даже мистицизм законов природы, мистицизм разумности мироздания».⁹

В наше время, как и во время Дарвина, антидарвинисты нападают на теорию естественного отбора с позиций гипотезы «антислучайности», категорически отрицая единство случайности и необходимости. Так, в 1949 г. французский биолог Л. дю Нуи заявил, что до настоящего времени наука, мол, не могла устранить эту гипотезу, разъясняя при этом, что «антислучайность проще всего называть богом». Таким образом получается, что процесс развития органического мира управляется богом и поэтому имеет целенаправленный характер. В конце концов эта точка зрения привела к тому, что в настоящее время даже некоторые видные ученые понятие цели и целесообразности распространяют и на такие области природы, где в действительности нет ни целей, ни целесообразности, и тем самым вольно или невольно возрождают телеологические фантазии.

Следует отметить, что до Дарвина рассуждали так: если вид реален, то он неизменяем, а если вид изменяем, то он нереален, и эта точка зрения казалась неопровержимой. Особенно рьяно отстаивал эту точку зрения известный в свое время натуралист Л. Агассиц, который, выступая против учения Дарвина, заявил, что, согласно этому учению, видов в действительности не существует, а если нет видов, то они и не могут изменяться. Дарвин в письме к Аза Грсю опроверг это утверждение Агассица, справедливо заметив: «Как нелепа его логическая придирка: „а если виды не существуют, то как же могут они изменяться?“. Как будто кто-нибудь сомневается в их *временном существовании*». По Дарвину, реальность видов нисколько не противоречит их изменямости, ибо переходы между видами являются лишь временными следствием неизбежного вымирания промежуточных звеньев.

⁸ Н. Я. Данилевский. Дарвинизм, т. I, ч. 1. СПб., 1895, с. 6.

⁹ Там же, ч. 2, с. 522.

Указывая на то, что нет никаких оснований сомневаться во «временном существовании видов», Дарвин давал этим понять, что реальность видов не абсолютна, а относительна; она — процесс, т. е. находится в становлении, развитии, движении.

Это хорошо выявил К. А. Тимирязев: «Виды, как категории строго определенной, всегда себе равной и неизменной, в природе *не существует*; утверждать обратное — значило бы действительно повторять старую ошибку схоластиков — „реалистов“. Но рядом с этим, и совершенно независимо от этого вывода, мы должны признать, что *виды — в наблюдаемый нами момент — имеют реальное существование, и это — факт, ожидающий объяснения*».¹⁰

2

Как известно, незадолго до опубликования Дарвином теории естественного отбора к основным положениям этой теории пришел Уоллес, справедливо считающийся вторым творцом дарвинизма. Однако он считал, что термин «естественный отбор» не является вполне удовлетворительным, так как Дарвин употребляет этот термин не только в смысле просто сохранения благоприятных и устранения неблагоприятных изменений, но и в смысле тех следствий, или перемен, которые вытекают из этого сохранения. Уоллес делал акцент на то, что природа не столько отбирает пригодные существа, сколько уничтожает непригодные, и поэтому он в 1866 г. советовал Дарвину заменить этот термин другим, более точным термином — «переживание наиболее приспособленного», употреблявшимся им другим, философом Г. Спенсером.

В своем письме к Уоллесу от 5 июля 1866 г. Дарвин отметил, что ему нравится выражение «переживание наиболее приспособленного», но сам Спенсер тоже нередко употребляет термин «естественный отбор».

В последних изданиях «Происхождения видов» Дарвин при каждом удобном случае указывал, что сохранение благоприятных индивидуальных различий и изменений и уничтожение вредных он назвал естественным отбором, или переживанием наиболее приспособленного. Так, мы там читаем: «Я называл этот принцип, в силу которого каж-

¹⁰ К. А. Тимирязев. Сочинения, т. VI, с. 106.

дое незначительное изменение, если только оно полезно сохраняется, термином «естественный отбор» для того чтобы указать этим на его отношение к отбору, применяемому человеком. Но выражение, часто употребляемое Гербертом Спенсером, — „переживание наиболее приспособленного“, более точно, а иногда и одинаково удобно.¹¹

Таким образом, Дарвин устранил недоразумения, связанные с выражением «естественный отбор», дав понять, что он употребляет его в иносказательном, метафорическом смысле. С одной стороны, он отмечает, что придуманное позднее Спенсером выражение «переживание наиболее приспособленного» так же точно передаст его мысль, причем избегается всякая метафора, способная подать повод к недоразумениям. С другой стороны, он поясняет, что его метафора «естественный отбор» имеет несомненное преимущество в том смысле, что устанавливает весьма плодотворную аналогию между изучаемым естественным явлением и известным нам на опыте процессом образования новых органических форм.

Несмотря на эти разъяснения Дарвина, натуралисты старой школы вслед за Р. Оуэном, нападая на его теорию, считали достаточным указать на то, что пользование таким фигуральным выражением, как «естественный отбор», свидетельствует о ненаучности всего дарвиновского объяснения органического мира. Особенно далеко пошел антидарвинист герцог Аргайлль (1823—1900), который уверял, что несостоятельность всего учения об отборе necessarily вытекает уже из одного его названия, представляющего якобы нелогичное сочетание слова «естественный», предполагающего деятельность материальных физических сил, и слова «отбор», предполагающего вмешательство разума, способность выбирать. Значит, эти антидарвинисты проходили мимо совершенно четкого указания Дарвина, в каком смысле им самим применяется выражение «естественный отбор», и недаром он сказал, что «тем, кто не понимает, по-видимому, и не объяснить».

Все же Дарвин не избегал повторных объяснений и неоднократно отмечал, что название «естественный отбор» в некоторых отношениях нехорошо, так как оно может навести на мысль о разумном выборе, но если разо-

¹¹ Ч. Д а р в и н. Сочинения, т. 3, с. 315.

браться в его сути, эта пеловкость исчезает. Название этого он считал удобным в том отношении, что оно связывает между собою изменения, производимые в домашних животных человеком, с явлениями естественного сохранения органических форм в диком состоянии.

Возражая критикам типа Аргайлля, Дарвин писал: «В буквальном смысле слова „естественный отбор“ без сомнения неправильный термин; но кто же когда-нибудь возражал против употребления химиками выражения „избирательное сродство различных элементов“? И тем не менее нельзя же, строго говоря, допустить, что кислота выбирает основание, с которым предпочтительно соединяется. Говорилось также, будто я говорю о естественном отборе как о каком-то деятельном начале или божестве; но кто же когда-нибудь укорял писателей за выражения вроде „всемирное тяготение управляет движением планеты“? Всякий знает, что подразумевается под такими метафорическими выражениями, и они почти неизбежны для краткости речи. Точно так же трудно обойтись без олицетворения слова „Природа“; но под словом „Природа“ я разумею только совокупное действие и результат многих естественных законов, а под словом „законы“ — доказанную последовательность явлений».¹²

Дарвину неоднократно приходилось повторять и разъяснять эту простую мысль, так как даже в одном естественнонаучном журнале в 1860 г. его строго допытывали: «Но кто же эта „Природа“, мы вправе спросить, у которой такое ужасное могущество и действию которой приписываются такие чудесные превращения? Каков ее образ и каковы ее атрибуты, если их вытащить из их многословного вертепа? Не есть ли она нечто вроде зловредной абстракции, подобной пыли, брошенной нам в глаза, чтобы затемнить работу Разумной Первопричины всего?».

Отвечая этим обеспокоенным фидеистам, Дарвин дал ясно понять, что природа и ее закономерности — вовсе не абстракции, а являются объективными реальностями. При этом он повторял: «Термин „естественный отбор“ в некоторых отношениях плох, ибо он как будто предполагает сознательный выбор; впрочем, несколько освоившись с этим термином, таким недостатком можно пренебречь...

¹² Там же, с. 328.

Термин этот хорош тем, что он ставит в связь создание домашних рас путем отбора, производимого человеком, с естественным сохранением разновидностей и видов в диком состоянии. Для краткости я говорю иногда о естественном отборе как о разумной силе, как и астрономы говорят, что тяготение управляет движением планет, или сельские хозяева говорят, что человек производит домашние расы посредством отбора. И в том и в другом случае отбор ничего не может сделать без изменчивости, а изменчивость каким-то образом зависит от действия окружающих условий на организм». ¹³

Итак, Дарвин указывал, что выражение «естественный отбор» ни в коем случае не следует употреблять в том смысле, что кто-нибудь ведет этот отбор, так как этот термин говорит лишь о действии стихийных природных сил, в результате которого выживают приспособленные к данным условиям организмы и гибнут неприспособленные. Однако некоторые метафоры, употребленные Дарвином при выявлении роли некоторых отдельных органов, особенно в случае орхидных растений, дали повод к недоразумениям; они нередко служили его противникам средством защиты телеологической точки зрения.

Воспользовался этим и Аргайлл, который уверял будто Дарвин не был таким убежденным противником телеологической точки зрения, как это обычно думают. Этот антидарвинист особенно напирал на то, что Дарвин, описывая строение орхидей, говорит об «ухищрениях» этих растений привлекать насекомых, способствующих их оплодотворению. Он утверждал, что эти «ухищрения» необъяснимы без вмешательства внемировой силы. Но Аргайлл умолчал о том, что, как установил Дарвин, в цветках некоторых сортов орхидей встречаются такие особенности (в виде рессор, траппов и капканов), которые не только не способствуют их оплодотворению.

Отрицательное отношение Дарвина к телеологической точке зрения было непоколебимо, и поэтому он и слышать не хотел о том, будто естественным отбором руководит какая-то целенаправляющая сила, какой-то сверхъестественный агент. Его понимание органической эволюции построено на существовании одних только материальных факторов, и именно вследствие этого оно является строго научным.

¹³ Там же. т. 4, с. 103.

Свои материалистические взгляды Дарвин особенно четко отстаивал в ряде писем к Ляйеллю, которого считал величайшим авторитетом в естественнонаучных вопросах. «В своих религиозных взглядах, или, вернее, в своем неверии, — писал Дарвин, — он проявлял полное свободомыслие, но он был убежденным теистом. В высшей степени замечательной была его честность. Он проявил это, став на старости лет сторонником эволюционной теории, несмотря на то что до этого снискал себе громкую известность как противник взглядов Ламарка».¹⁴

Как теист, Ляйелль хотел, чтобы учение о естественном отборе было истолковано в телеологическом и, стало быть, нематериалистическом духе. Так, Ляйелль советовал Дарвину говорить не о естественном отборе, а о «естественном улучшении», т. е. об изначальной способности к приспособлению в духе идеи Ламарка о каком-то таинственном «стремлении природы к прогрессу».

По этому поводу Дарвин писал Ляйеллю 25 сентября 1859 г.: «Так называемое улучшение пород нашего коротконового скота и т. д. не предполагает или не требует какой-то изначальной „способности к приспособлению“... оно требует только разнообразной изменчивости и чтобы человек сделал выбор или воспользовался теми изменениями, которые для него полезны; так и в природе каждое малейшее изменение, которое *случайно* появится и окажется полезным тому или иному существу, выбирается или сохраняется в борьбе за существование; всякое вредное изменение уничтожается и устраняется; всякое же такое, которое ни полезно, ни вредно, остается как неустойчивый элемент. Когда Вы противопоставляете естественный отбор „улучшению“, Вы, видимо, всегда упускаете из виду, что каждый шаг в естественном отборе каждого вида предполагает улучшение данного вида в связи с условиями жизни. Никакое изменение не закрепляется, если оно не несет улучшения или выгоды».¹⁵ Уже из этих беглых замечаний Дарвина становится вполне ясным, почему он смотрел на естественный отбор как на утилитарный принцип, т. е. действующий

¹⁴ Там же, т. 3, с. 214—215.

¹⁵ D. L. L., vol. II, p. 176—177.

только в интересах организмов в данных жизненных условиях.

Ляйелль высказывался за то, чтобы теория естественного отбора была каким-то образом согласована с верой в «высший разум». Поэтому он говорил о «непрерывном вмешательстве творческой силы» и советовал Дарвину внести соответствующую «поправку» в свое учение об эволюции, учесть какие-то новые «атрибуты, силы» и пр. Дарвин был категорически против таких поправок. 11 октября 1859 г. он писал Ляйеллю: «Я совершенно отрицаю, как... совсем ненужное, всякое дальнейшее прибавление „новых способностей и атрибутов и сил“, а также всякий „принцип улучшения“, если не исключить то, что каждая характерная особенность, естественным путем отбираемая или сохраняемая, является выгодной или улучшением, — иначе ведь не происходит отбора. Я отказался бы от этой идеи (естественного отбора, — Г. Г.), как от хлама, но я твердо верю в нее, так как не могу допустить, что если бы она была ложной, то объясняла бы столько различных фактов, которые — если я в здравом уме — она, кажется, объясняет».¹⁶

В связи с этим Дарвин, убеждая Ляйелля в происхождении человека от животных под влиянием естественного отбора, т. е. чисто стихийного фактора органической эволюции, в этом письме подчеркивает: «Я считал бы теорию естественного отбора абсолютно ничего не стоящей, если бы она на какой-нибудь из „ступеней“ потребовала прибавления чудес».¹⁷ К этому же важному вопросу Дарвин вернулся в письме к Ляйеллю от 20 октября: «Я очень много думал о том, что вы высказываете относительно необходимости непрерывного вмешательства творческой силы. Я не вижу этой необходимости, и допущение ее, по моему мнению, должно лишить теорию естественного отбора ее ценности».¹⁸

Так как Дарвин придавал особенное значение мнению Ляйелля, то он всячески старался убедить его в правильности своей точки зрения, тем более что Ляйелль находил поддержку у таких уважаемых Дарвином ученых, как Аза Грей и Дж. Гершель, которые вначале также настаи-

¹⁶ Там же, с. 210.

¹⁷ Там же, с. 211.

¹⁸ Там же, с. 174.

вали на допущении, что «ход изменений направлялся высшей силой», т. е. божественным промыслом. Характерно, что когда Ляйелль, после стольких колебаний, признал не только факт органической эволюции, но и теорию естественного отбора, он все же пытался убедить себя и других, что она может быть согласована с основой религиозного мировоззрения — верой в бога. Особенно ясно это видно из письма Ляйелля к Аргайллю от 19 сентября 1868 г., в котором он касается своего отношения к некоторым сторонам дарвиновской концепции органической эволюции.

Все же Ляйелль в этом письме заявил: «Хотя сторонники естественного отбора часто приписывают слишком много одной этой причине, она дала нам возможность во всяком случае указать основания для многих явлений, которые никогда не получили бы освещения от людей, удовлетворяющихся мыслью, что все вещи были предопределены и остаются в одном положении. . . Предположение особого творения упрощает вопрос о происхождении всех вещей, по раз натуралист, принимающий во внимание все свидетельства геологии, склонен к противоположному взгляду, к трансмутации, как к более вероятному, мы начинаем размышлять о том, каким способом приобретались постепенно каждым видом, живущим в иных окружающих условиях, господствовавшие в непосредственно предшествующий период настоящие инстинкты, навыки, структура и цвета. Сторонники трансмутации могут иметь повод ожидать, что мы все больше и больше будем понимать работу тех сил, посредством которых природа производит перемены в органическом мире. Роль естественного отбора, которую почти совершенно просмотрел Ламарк, очевидно, очень важна».¹⁹

Ляйелль не скрывал от Дарвина, что в своих философских взглядах, т. е. в своем отрицательном отношении к материалистическому мировоззрению, у него много общего с Аргайллем, хотя и не согласен с ним по ряду конкретных вопросов. Признав, что важнейшим фактором органической эволюции является естественный отбор, Ляйелль все же не решался покончить с теизмом и поэтому утверждал, что естественный отбор является таинственной «творческой силой», неким «духом», который

¹⁹ L. L. L., vol. II, p. 433—434.

якобы управляет всеми силами природы. Дарвин решительно восстал против этой точки зрения, справедливо считая, что она означает отказ от идеи естественного отбора и по существу ведет к разрыву с подлинной наукой.

В течение некоторого времени переписка между Дарвином и Ляйеллем приняла характер «квазибогословского спора», и Дарвин при помощи очень простых примеров из селекционной практики выявил ошибочность взглядов Ляйелля. Это высказано было Дарвином в его письме к Аза Грею: «Я спросил его... допускает ли он, что форма носа предначертана. Если да, то на этом я разговор закончу. Если же нет, то глядя на результаты, которых добились любители путем отбора индивидуальных различий в носовых частях голубя, я считаю нелогичным предположение, что изменения, сохраняемые естественным отбором на благо каждого существа, были предначертаны».²⁰

Между прочим, самому Ляйеллю Дарвин в апреле 1860 г. писал, что, «говоря по совести», он не может считать, что последовательные изменения величины зоба у голубя-дутьша, которые человек накапливал из-за своей прихоти, должны быть приписаны божественной силе, хотя это и приходится признать всем тем, кто верит в существование божества, которое всем распоряжается и все знает. «Мне кажется нелепым, — отметил он, — что творцу вселенной приходится заботиться о зобе голубя исключительно для удовлетворения глупых причуд человека. Но если Вы согласитесь со мною, что признание такого вмешательства неправдоподобно, то я не вижу никаких оснований верить в такое вмешательство в тех случаях, когда речь идет о странных и удивительных особенностях, естественным путем собиравшихся на пользу самих живых существ».²¹

Таким образом, как только Ляйелль делал попытки направить дарвинизм не по строго научному (по существу нематериалистическому) руслу, Дарвин отвергал их самым решительным образом, считая необоснованными какими бы то ни было «чудесные прибавления» к его теории естественного отбора. Для него был ясен антинаучный характер тех понятий, которые имеют отношение

²⁰ D. L. L., vol. II, p. 372.

²¹ Там же, с. 304.

только к грубо религиозному, но и к утонченно идеалистическому мировоззрению.

При всей своей деликатности Дарвин едко выпучивал тех натуралистов, которые в некоторых принципиальных вопросах еще пребывают в «богословской стадии науки», так как ссылаются на «высший закон» божьего промысла. Он отметил, что эти ученые напоминают ему того испанца, который во время его путешествия сказал, что напрасно Дарвин старается узнать, как образовались Кордильеры, потому что «бог их создал». Критикуя этих ученых, Дарвин 2 августа 1861 г. писал Ляйеллю: «Но астрономы ведь не утверждают, что бог управляет движением каждой кометы или планеты. Взгляд, что всякое изменение (органических форм, — Г. Г.) было заранее предопределено провидением, мне кажется, делает отбор совершенно пенужным и весь вопрос о появлении новых видов ставит вне области науки».²²

Особенно выпучивал он религиозно-телеологическую точку зрения антидарвиниста герцога Аргайлля, изложенную им в книге «Царство Закона» и в других сочинениях. Так, 8 февраля 1867 г. он писал К. Гукеру: «На днях была очень хорошая рецензия о книге герцога в „Спектейторе“, с новыми объяснениями — или самого герцога или рецензента (я не разобрал — кого из них) — относительно рудиментарных органов, а именно, что экономия труда и материала была великим руководящим принципом у бога (причем игнорируется потеря невзошедших семян, существование молодых уродов и т. п.); что появление нового плана строения животных есть мысль, а мысль есть труд, поэтому бог придерживается единообразного плана и не уничтожил рудименты. Это не преувеличение. Короче, бог есть человек, который умнее нас».²³

Нетрудно видеть, что Дарвин в споре с Ляйеллем затронул вопросы, имеющие принципиальный характер, так как уничтожил все те основания, на которых некоторые ученые пытались построить «религиозный эволюционизм». По существу он то же сделал в своем споре с Аза Греем, взгляды которого были близки к взглядам Ляйелля.

²² D. M. L., vol. I, p. 191.

²³ D. L. L., vol. III, p. 62.

Искренняя преданность Дарвина его ученым друзьям и сторонникам нисколько не мешала ему быть высоко принципиальным в оценке их взглядов. Особенно заметно это на примере его отношения к Аза Грей, которого он очень высоко ценил как ученого и роль которого в борьбе за дарвинизм считал весьма значительной. Этот выдающийся единомышленник Дарвина остро поставил перед ним ряд богословских вопросов в связи с идеей «предназначенного плана», и Дарвину приходилось довольно четко, хотя и весьма любезно, выразить свое явное расхождение с ним по этому вопросу.

Дело в том, что Аза Грей усматривал особую ценность дарвинизма в его строго научном объяснении органической целесообразности, но вместе с тем считал возможным примирить дарвинизм с религией. Поэтому в своей борьбе с главарем американских антидарвинистов Агассицом он доказывал, что естественный отбор не противоречит «естественной теологии», что богословские нападки на дарвинизм есть плод недоразумения и т. д. Дарвин был в восторге от тех новых иллюстраций и доказательств, которыми оперировал Аза Грей, шутливо назвав его «гибридом от сложного скрещивания юриста, поэта, натуралиста и теолога». Поэтому Дарвин желал шире распространить в Англии статьи этого американского автора об эволюционном учении.

Дарвин добился того, что три статьи Аза Грея, появившиеся в американском журнале «Атлантик Мансли», вышли в Англии отдельной брошюрой под названием «Дарвиниана». Эта книжка, имевшая характер памфлета, очень понравилась многим сторонникам эволюционизма, а Дарвин, желая выразить свое высокое мнение о ней, вставил особое замечание о книжке на видном месте в третьем издании «Происхождения видов». Творец дарвинизма считал, что для распространения его эволюционного учения в то время большое значение должно было иметь не подчеркивание, а сглаживание противоречия между этим учением и телеологией как одной из «основ» теологии. И он находил, что работа Аза Грея особенно ценна тем, что она смягчает враждебность и способна привлечь к эволюционному учению сторонников из среды религиозно настроенных людей, которые должны быть

успокоены утверждением, что дарвинизм совместим с «естественной теологией».

В числе других ученых и Ляйелль признал большую заслугу этого памфлета в том, что он служит противовесом против критики, продиктованной религиозными соображениями. В письме к Тиктору от 29 ноября 1860 г. Ляйелль писал: «Статьи Аза Грея мне кажутся самыми удачными, и в общем он хорошо справился с темой и как натуралист, и как метафизик, лучше кого бы то ни было по обе стороны Атлантического океана».²⁴

Несмотря на то что Дарвин признал пользу брошюры Аза Грея, он все же ни за что не хотел согласиться с теологическими и просто теологическими выводами, которые Аза Грей на первых порах делал из теории естественного отбора. Ведь Аза Грей не соглашался с Дарвином в том, что органическая эволюция не связана с каким-нибудь предопределенным планом; он допускал такой план, руководивший изменением видов, на что якобы указывает органическая целесообразность. Да и естественный отбор, выдвинутый Дарвином для объяснения целесообразных явлений в живой природе, не казался тогда Аза Грею достаточным объяснением хода органической эволюции. Он представлял себе, что естественным отбором должна руководить особая сила, не известная Дарвину, который якобы открыл только механизм, производящий трансмутацию, но ничего не знает о силе, приводящей в действие этот механизм.

В общем Аза Грей тогда проводил ту мысль, что органическая эволюция происходит по «предопределенным законам», причем для пояснения этой мысли он прибегал к метафоре дождевых капель, которые якобы предназначены для поддержания жизни организмов. «Вся жизнь живых организмов в любой стране, — писал он, — всецело поддерживается растительностью, а растительность — дождем. Влага приходит с океана, поднимаясь под действием солнечного тепла с поверхности океана, и перепосылается ветрами на сушу. Но вся эта масса дождевых капель, которая падает обратно в океан, точно так же не имеет конечной цели, как и те возникающие видоизменения, которые не приводят ни к какому результату! Но следует ли выводить из этого, что дожди, которые про-

²⁴ L. L. L., vol. II, p. 341

ливаются на почву с такой правильностью и общей регулярностью, не предназначены для поддержания жизни растений и животных?». ²⁵

Дарвин решительно отрицал эту точку зрения и в ряде писем, относящихся к 1860—1863 гг., старался убедить Аза Грея в ее неправомерности при помощи различных примеров. Так, касаясь утверждения Аза Грея, будто «изменчивость была направлена по определенным благотворным путям», он писал ему 26 ноября 1860 г.: «Я же не могу это допустить; и я думаю, что Вы поверите и тому, что хвост трубастого голубя направлялся в изменении числа и положения перьев для того, чтобы удовлетворить прихоть нескольких человек. И, однако, если бы трубастый голубь первоначально был дикой птицей и употреблял бы свой уродливый хвост для какой-нибудь цели, например чтобы плыть под ветром в отличие от других птиц, то всякий сказал бы: „Какое прекрасное и предусмотренное приспособление!“». ²⁶

Этот же вопрос Дарвин затронул в письме к Аза Грею от 5 июня 1861 г.: «Я теперь еще больше расхожусь с Вами во взглядах. Дело не столько в том, что мой идол — естественный отбор — при признании предначертанности изменения, как мне кажется, становится излишним: расхождение зависит скорее от того, что я в последнее время занимался изучением изменений у домашних видов и увидел, какое огромное поле изменчивости видов без предначертания открывается тут для естественного отбора, чтобы приспособляться к любой цели, полезной для каждого отдельного существа». ²⁷

В письме к своей кузине Джулии Уэджвуд от 11 июля 1860 г. Дарвин как бы суммирует свои взгляды по поднятому Аза Греем вопросу: «Аза Грей и некоторые другие смотрят на каждое видоизменение или хотя бы на каждое благотворное изменение как на нечто совершающееся по плану провидения. А. Грей сравнивает это с дождевыми каплями, которые падают не в море, а на сушу, чтобы сделать ее плодородной. И, однако, когда я его спрашиваю, думает ли он, что провидение предопределяет для человека такое, например, изменение, при

²⁵ Dr. Asa Gray. Darwiniana. London, 1861, p. 157.

²⁶ D. L. L., vol. II, p. 354.

²⁷ Там же, с. 373.

посредстве которого человек из дикого голубя путем накопления определенных черт получает голубя с увеличенным зобом или же удлинённым хвостом, то он не знает, что мне ответить.²⁸

В апреле 1860 г. Дарвин писал Ляйеллю: «Считаете ли вы, что постепенно возникающие изменения в величине зоба голубя-дутьша, которые накопил человек для удовлетворения своей прихоти, зависят от „творческой и подкрепляющей силы Браны“? Если мы полагаем, что всемогущее и всеведущее божество должно всем распоряжаться и все знать, то тогда приходится это допустить; и все же, по чистой совести, я едва ли могу это допустить...».²⁹

5

Некоторые мысли Дарвина об отношении теории естественного отбора к телеологическим воззрениям, высказанные в споре с Аза Греем, в известной мере отражены в заключительных страницах его работы «Изменения домашних животных и культурных растений», вышедшей в свет в 1867 г. Разъясняя значение изменчивости и отбора для происхождения видов, Дарвин приводит такую аналогию: архитектор может построить дом, «не употребляя отесанных камней, а выбирая из обломков у подошвы обрыва клинообразные камни — для сводов, длинные — для перекладин и плоские — для крыши», так что мы «восхитились бы его искусством и приписали бы ему верховную роль». «Обломки же камня, — продолжает Дарвин, — хотя и необходимые для архитектора, стоят к возводимому им зданию в таком же отношении, в каком флюктуативные изменения органических существ стоят к разнообразным и вызывающим восхищение структурам, которые в конце концов приобретаются их измененными потомками... Разумно ли будет утверждать, что творец намеренно повелел... известным обломкам скалы принять известную форму, чтобы зодчий мог возвести свое здание».³⁰

Дарвин полагал, что нет никаких оснований считать предначертанными творцом все те многообразные изме-

²⁸ Там же, т. I, с. 314.

²⁹ Там же, т. II, с. 303.

³⁰ Ч. Д а р в и н. Сочинения, т. 4, с. 777—778.

нения, которыми оперирует искусственный и естественный отбор. В связи с этим 8 февраля 1867 г. Дарвин писал Гукеру: «Я заканчиваю книгу о домашних животных одним только абзацем, в котором выражаю сомнение, поскольку позволяет ограниченность места, относительно учения Аза Грея, заключающегося в том, что каждая разновидность развивалась согласно предназначению, по благотворному пути. Глупо касаться таких тем, но столько высказано было памесков на то, что я думаю о роли бога в образовании органических существ, что я счел неудобным избегать этого вопроса».³¹ В упомянутой сейчас книге Дарвина сказано: «...едва ли мы можем присоединиться к мнению проф. Аза Грея, что «вариации паправлялись по определенным благотворным линиям», подобно потоку, направляемому по определенным и полезным путям орошения. Если мы предположим, что каждая частная вариация была предопределена от века, тогда... естественный отбор, или выживание наиболее приспособленного, должны показаться нам излишними законами природы».³²

Впоследствии Дарвин в автобиографии отметил, что основная мысль, лежащая в основе заключительных строк этой его книги, никем не была опровергнута. Один из богословствующих рецензентов на книгу Дарвина (в газете «Дейли Ревью» в апреле 1868 г.) увидел в этом высказывании великого ученого «апофеоз материализма», и по существу он, конечно, был прав. Аза Грей настаивал на своем, продолжая спорить с Дарвином, и в ответ Дарвин писал ему 8 мая 1868 г.: «Что я хотел показать, это, что в связи с предопределением, то же самое, что подходит к случаю образования зобастого голубя, подходит и к случаю образования дикого вида голубя. Я не вижу в этом ложного смысла. Если бы происходили только одни правильные изменения, естественный отбор был бы излишним».³³

Итак, Дарвин, исходя из подлинного смысла теории естественного отбора, решительно отвергал всякое представление о разумной целесообразности мира, не видя в природе никаких свидетельств предначертания, пред-

³¹ D. L. L., vol. III, p. 62.

³² Ч. Д а р в и н. Сочинения, т. 4, с. 778.

³³ D. L. L., vol. III, p. 85.

намеренности, благотворности и т. п. Указывая Гукеру на это обстоятельство, Дарвин писал ему 12 мая 1870 г.: «Что же касается утверждения, что каждое когда-либо происшедшее изменение было предопределено для предначертанной цели, то я могу поверить в это не больше, чем в то, что каждая точка земли, на которую падает определенная капля дождя, была парочно для этого предназначена». ³⁴

Недаром в письме к богословствующему философу В. Грехему от 3 июня 1881 г. Дарвин не соглашался с мыслью, что существование законов природы предполагает наличие цели: «Не стану уже говорить о том, что многие ожидают, что когда-нибудь несколько известных главных законов окажутся неизбежно вытекающими из одного единственного великого закона. Но если мы даже возьмем законы в том виде, в каком мы их в настоящее время знаем, и если станем созерцать Луну, где закон тяготения и без сомнения закон сохранения энергии, закон атомистической теории и т. д. и т. д. еще действительны, то тут я не вижу, чтобы во всем этом была необходима какая-нибудь цель. Была ли бы палицо какая-нибудь цель, если бы на Луне существовали только низшие организмы, лишенные сознания?». ³⁵

Это, по-видимому, свидетельствует о том, что Дарвину в общем была ясна несостоятельность деизма, утверждающего существование бога как законодателя природы. Не случайно однажды Гексли бросил ироническое замечание: «На слово „закон“ так же ловятся люди науки, как на слово „творение“ люди верующие». Все дело в том, что у природы никакого законодателя нет и быть не может: то, что принято называть законом природы, никем природе не навязано, не предписано, а внутренне присуще ей, является ее неотъемлемым свойством.

В 1867 г. Аргайлль в своей книге «Царство закона» высказал идею о «творчестве по закону», которая якобы может заменить идею естественного отбора. Он уверял, будто живая природа, предоставленная самой себе, была бы каким-то хаосом, без разнообразия, гармонии, красоты и т. д. А так как разнообразие, гармония, красота

³⁴ Там же, т. I, с. 321.

³⁵ Там же, с. 315.

в мире живых существ является неоспоримым фактом, то это, по его мнению, указывает на существование в природе разума — некоторой постоянно надзирающей и непосредственно вмешивающейся организующей воли. Эта воля якобы привела в действие законы природы, чтобы заставить их производить те результаты, которые эти законы, мол, сами по себе не в состоянии были произвести. Особенно Аргайлль настаивал на том, что красота является чем-то превосходящим силы природы, и поэтому он, отбрасывая «утилитарный принцип» Дарвина, считал, что красота кем-то «прибавлена» к природе для собственного ее удовольствия.

Против этого мистицизма Аргайлля выступил не только Дарвин, но и Уоллес, который в своей статье «Творчество по закону» при помощи многих интересных фактов блестяще опроверг всю аргументацию этого писателя. Он показал, что учение Дарвина прекрасно объясняет разнообразие, гармонию, красоту и прочие признаки органических форм и что, следовательно, природа «так устроена, что может быть своим собственным регулятором». В этом вопросе (как и вообще в «проблеме полезности», столь важной для эволюционной теории) Уоллес занял строго материалистическую позицию, стараясь изгнать из биологии мистические «объяснения», что очень радовало Дарвина.

«Теория „непрерывного вмешательства“, — писал Уоллес, — ставит границы могуществу природы. Она предполагает, что природа не могла действовать в мире органическом посредством простых законов, как она действует в мире неорганическом... Что до меня касается, я не могу поверить... чтобы непосредственное действие разумных сил было необходимо для выявления каждой полоски или пятнышка на каждом насекомом и каждой частности организации на каждом из миллионов организмов, живущих или живших на земле... Русло реки с виду кажется *сделанным для реки*, между тем как в действительности оно *сделано рекой*; тонкие пласты наносного песку иногда представляют такой вид, как будто они были просеяны сквозь сита и сглажены нарочно. Грани и углы кристалла совершенно походят на произведения рук человеческих. Между тем мы не считаем необходимым допускать для каждого из этих случаев вмешательство организующей разумности, мы не

сколько не затрудняемся признать, что все эти результаты произведены действием естественного закона».³⁶

Подчеркивая то обстоятельство, что дарвиновский «утилитарный принцип» дает единственно правильное объяснение той красоты, которую мы видим в мире живых существ, Уоллес показал, что собственные принципы Аргайлля приводят к выводам, которые им резко противоречат, и Дарвину очень понравилось, что Уоллес «побивает герцога его же оружием». Действительно, говоря о предполагаемой Аргайллем аналогии между «умом природы» и человеческим умом, Уоллес справедливо отметил: «Если такая аналогия существует, то в природе не должно бы существовать ни одного предмета безобразного или неприятного для наших глаз, — а между тем несомненно, что таких предметов существует очень много. Если нельзя отрицать, что лошадь и лань красивы и грациозны, то зато слон, гипопотам, носорог и верблюды отличаются как раз обратными свойствами. Большая часть обезьян совсем некрасива; большая часть птиц лишена ярких красок; значительное число насекомых и пресмыкающихся положительно безобразно. Спрашивается: откуда же могло явиться это безобразие, если ум природы подобен нашему? Когда принцип, служивший для объяснения одной половины мировоззрения, оказывается неприменимым к другой половине, из этого затруднения, конечно, нельзя выпутаться ответом, что это необъяснимая тайна».³⁷

Уоллес был абсолютно прав, когда он подчеркивал, что ни один биологический принцип, когда-либо провозглашенный, не оказался столь плодотворным, как принцип, который Дарвин старался со всей присущей ему настойчивостью внедрить в сознание натуралистов и который действительно является необходимым выводом из теории естественного отбора. А именно, что ни один из определенных фактов органической природы, никакой специальный орган, никакая особенная форма или особенный знак, никакие особенности инстинкта или привычки, никакие отношения между видами или между группами видов не могут существовать, если они не полезны теперь или не были полезны раньше индивидуумам

³⁶ А. Р. Уоллес. Естественный отбор. СПб., 1878, с. 302—304.

³⁷ Там же, с. 307

или породам, обладающим ими. Как ни старались антидарвинисты, ни одному из них не удалось хоть в какой-то мере поколебать этот биологический принцип, выдвинутый Дарвином: он выдержал самую строгую проверку временем.

Мы столь подробно остановились на разборе этих вопросов главным образом потому, что в последнее время наряду с дальнейшей разработкой эволюционной теории заметно проявляется тенденция к пересмотру значения дарвинизма для биологической науки. При этом сторонники этой тенденции замалчивают тот факт, что ими как раз подняты именно те возражения против роли теории естественного отбора, на которые уже сам Дарвин и его последователи дали почти что исчерпывающий ответ. Поэтому и в наше время следует повторить слова Гексли: «Либо гипотеза Дарвина, либо ничего: нам остается либо принять его взгляды, либо взирать на всю природу как на загадку, смысл которой совершенно скрыт от нас».³⁸

³⁸ Т. Г. Гексли. О причинах явлений в органическом мире. М. 1927, с. 150.

Одна из величайших заслуг Дарвина состоит в том, что он включил человека в цепь органической эволюции, заявив безоговорочно о животном происхождении человеческого рода. Связав человека с животным миром, Дарвин решительно опроверг антропоцентризм, подобно тому как Коперник, связав Землю с миром планет, опроверг геоцентризм, и тем нанес непоправимый удар религиозно-библейскому мировоззрению, которое неразрывно связано с антропогеоцентризмом. Это вытекало уже из всего содержания «Происхождения видов», где он, например, писал, что будет пролит «новый свет» на происхождение человека и его историю. Недаром Гексли четко связывал свою постановку проблемы генезиса человека с дарвинизмом, отметив, что «вопрос об отношении человека к низшим животным переходит в более широкий вопрос о том, состоятельны или несостоятельны воззрения Дарвина».¹

Уже в «Записной книжке» 1837—1838 гг. Дарвин делает заметки, из которых следует, что человек произошел от обезьяноподобных предков. 7 января 1860 г. Дарвин писал своему другу Дженинсу: «В отношении человека я очень далек от желания навязать свое убеждение, но я считаю нечестным совсем скрывать свое мнение. Понятно, никому не возбраняется верить, что человек появился в результате особого чуда, но сам я не считаю это ни необходимым, ни вероятным».² Напомним, что 5 февраля 1860 г. Дарвин в письме к Ляйеллю выразил свое удивление непоследовательностью Дженинса как натуралиста, его необоснованным нежеланием сделать все

¹ Г. Гексли. Место человека в природе. СПб., 1864, с. 120.

² D. I. L., vol. II, p. 264.

выводы, которые вытекают из эволюционного учения, т. е. из отрицания креационизма. Ибо, как уже сказано, для Дарвина азбучной истиной было то, что подлинный натуралист должен обладать «философским умом» — способностью мыслить последовательно, т. е. сделать из всякого учения все необходимые выводы.

Двухтомный труд Дарвина «Происхождение человека» вышел в свет в 1871 г., так как лишь к этому времени он собрал необходимый материал. Некоторые утверждали, будто у Дарвина не хватало мужества обнародовать свои воззрения по вопросу о происхождении человеческого рода, но это совершенно несосновательное обвинение. Некоторая медлительность Дарвина, его терпеливое накопление нового материала вызвано тем, что здесь он был еще более одиноким, чем в общем вопросе о происхождении видов. Ведь даже такой близкий ему человек, как Ляйелль, неоднократно в течение ряда лет признавался Дарвину, что одна из важнейших причин его критического или чересчур осторожного отношения к эволюционному учению, это — его чувство отвращения к тому, что человек, которого он привык считать «падшим ангелом», ведет происхождение «от оранга», т. е. произошел от обезьяноподобного существа.

30 июня 1870 г., заканчивая свой труд о человеке, Дарвин писал своему другу Б. Дж. Селивану: «Этой весной я хочу опубликовать еще одну книгу, частично касающуюся человека, которую, я убежден, многие объявят очень нечестивой».³ Зная, что его противники вербуются главным образом из среды духовенства, он просил издателя этой книги Мэррея известить его о тех критических статьях, которые посвящены будут этой книге в церковных изданиях. Дарвин не сомневался в том, что утверждение о животном происхождении человека будет шокировать даже такого натуралиста, как Аза Грея, и поэтому, сообщая ему в начале 1871 г. о выходе «Происхождения человека», он прибавил: «...не знаю, понравится ли она Вам. Некоторые части ее, — как например, та, которая касается нравственного сознания, — я уверен, рассердит вас, и... я, вероятно, получу несколько ударов от вашего пера-кинжала».⁴

³ Там же, т. III, с. 126

⁴ Там же, с. 131.

Пастору Броди Иннесу по поводу этой книги Дарвин 29 мая 1871 г. писал: «Сказать Вам по правде, я иногда задавался вопросом, будете ли вы смотреть на меня как на отверженного и погрязшего в грехах после опубликования моей последней книги. Я нисколько не удивлюсь тому, что вы со мною не согласны, так как очень многие, считающие себя натуралистами, не согласны со мною. И все же я вижу, каким удивительным образом изменились взгляды натуралистов с тех пор, как я опубликовал „Происхождение“ Я убежден, что через десять лет будет такое же единодушие относительно человека, поскольку вопрос касается его физического сложения».⁵

Быть может, «Происхождение человека» Дарвина в еще большей степени, чем прежняя его книга «Происхождение видов», разрушала крепость теологии. Отбрасывая религиозно-библейское мировоззрение, Дарвин смело включил человека в цепь эволюции животного мира, заявив, что человек — историческое явление в органической природе, а не особенное существо, созданное богом по своему образу и подобию. Для него было ясно, что человек произошел от теперь уже не существующей человекообразной обезьяны, которая естественным путем постепенно развилась до степени мыслящего существа, способного преобразовать в своих интересах окружающую его природу. При этом Дарвин подчеркивал, что «стыдиться наших предков, право, нечего», так как даже самое низшее существо поражает нас своим «чудным строением и своими свойствами».

Отражая нападки своих противников (в особенности епископа Уилберфорса), Дарвин указывал на то, что едва ли кто-нибудь усомнится в том, что мы произошли от дикарей. При этом он заявил: «Тот, кто видел дикаря на его родине, не будет испытывать большого стыда от того, что он должен будет признать, что в его жилах течет кровь такого-нибудь более скромного существа. Что касается меня, то я бы скорее желал быть потомком храброй маленькой обезьянки, которая не побоялась броситься на страшного врага, чтобы спасти жизнь своего сторожа, или старого павиана, который, спустившись с горы, вышел с триумфом своего молодого товарища из стаи удивленных собак, чем потомком дикаря, который наслажда-

⁵ Там же, с. 140.

ется мучениями своих неприятелей, приносит кровавые жертвы, убивает без всяких угрызений совести своих детей, обращается с своими жёнами как с рабынями, не знает никакого стыда и предается грубым суевериям».⁶

Дарвин придавал важное значение тому, что Ляйель в 1863 г. показал, что имеются важные «геологические доказательства» значительной древности человеческого рода, так как это явилось ударом по библейским мифам. Столь же большое значение Дарвин придавал работам Гексли, который сильно распатал перегородку, отделяющую человека от обезьяны. Гексли опроверг привычное представление, будто человек есть двурукое и двуногое существо, а высшая обезьяна — четверорукое, причем эту атаку он вел с двух сторон. Гексли показал, что нога человека по существу сходна с рукой, а затем, отметив признаки, отличающие человеческую ногу от руки, он установил, что задние «руки» обезьяны должны рассматриваться как ноги. В результате этот выдающийся натуралист сделал вывод, что «анатомические различия между человеком, с одной стороны, и гориллой и шимпанзе — с другой, меньше, нежели различия между гориллой и низшими обезьянами».

Все это — общепринятые теперь положения, по тогда они вызвали бурю в среде антидарвинистов и особенно защитников религии. В связи с этим Дарвин 12 марта 1863 г. писал Ляйеллю: «Читали ли вы когда-нибудь что-либо столь жалкое, чем критика на вас и особенно на Гексли в «Атенсуме»? Ваша *цель* — сделать человека древним, *цель* Гексли — унижить его. Жалкий автор не имеет понятия о том, что означает научное открытие».⁷ Особенно рьяно нападал на Дарвина натуралист-пезуит Майварт, который сознательно даже переврал ряд цитат из сочинений Дарвина, так что Дарвину пришлось заметить, что «богословское ревнение» делает ученого бесчестным.

Для церковников и их сторонников было ясно, что распространение эволюционного учения на человеческий род является оглушительным ударом по религиозному представлению о происхождении человека. Ведь если пе

⁶ Ч. Д а р в и н. Сочинения, т. 5, с. 656.

⁷ D. L. L., vol. III, p. 114.

было «первочеловека» Адама, созданного богом по своему образу и подобию», то рушится все библейское учение о «первородном грехе», которое лежит в основе христианства и иудаизма. Выявляя это обстоятельство, порвавший с религией католический богослов Фр. Шахерль, правильно писал: «Важно... то обстоятельство, что вместе с Адамом рушится и отпадает все догматическое христианство. Если Адам в раю не согрешил, то нет и нужды ни в каком искупителе. Искупление оказывается тогда совершенно ненужным. Святой Павел говорит, что Христос — это второй Адам. Но если не существует первого Адама, то у нас нет пужды и во втором Адаме».

2

Характерно, что подход Дарвина к проблеме происхождения человека встретил возражения даже со стороны некоторых его ближайших научных друзей. Ляйелль в своих письмах к Гукеру и Дарвину все же настаивал на том, что он не может «заходить так далеко», как Гексли и Дарвин, придавая такое огромное значение в эволюции живой природы естественному отбору. Ляйелль считал, что появление человека означало очень резкий скачок в развитии животного мира, а Дарвин заявил ему, что чтение того места «Древности человека», где Ляйелль говорит о таком скачке, вызвало у него «стон», так как это мнение, с его точки зрения, означало чудо — разрыв естественной закономерности. Действительно, точка зрения Ляйелля не могла не поразить Дарвина, который еще в 1859 г. в своих письмах к Ляйеллю указывал на ее антинаучный характер, ибо в ее основе лежало сомнение Ляйелля в том, что могут быть «градации умственных способностей». А между тем Дарвин неоднократно обращал внимание Ляйелля на то, что если мы рассмотрим одних только существующих животных, мы увидим «очень тонкую градацию в умственных способностях позвоночных».

Так, еще 11 октября 1859 г. Дарвин писал Ляйеллю: «Я полагаю, вы не сомневаетесь в том, что умственные способности так же важны для благополучия каждого существа, как и структура его тела; и, если это так, я не вижу трудности постоянного отбора среди самых высоко способных умственно индивидуумов каждого вида, причем

ум нового вида через это улучшается с помощью, вероятно, влияния наследственного упражнения ума... Но,воротным пунктом в нашем несогласии является то, что вы считаете невозможным, чтобы умственные способности вида улучшались посредством непрерывного естественного отбора наиболее развитых в умственном отношении индивидуумов. Чтобы показать, как постепенно изменяются степени ума, стоит только подумать, что до сих пор никто не нашел возможности определить отличие ума человека от ума низших животных; в последних, по-видимому, те же самые свойства находятся на более низкой ступени совершенства, чем у самого первобытного дикаря».⁸

Вообще Дарвин многократно обращал внимание Ляйелля на то, что существование «градаций», т. е. постепенных переходов, является неотразимым доводом в пользу эволюционного учения. Так, в апреле 1860 г. он писал ему: «Хоть убей меня, но я никак не могу понять, какие трудности тут для естественного отбора в смысле произведения самой изысканной структуры, если такая структура может быть достигнута посредством градаций. А на опыте я знаю, как трудно указать какую-нибудь структуру, на пути которой не было бы известно по крайней мере несколько переходных ступеней».⁹

В вопросе о происхождении человека особенно много огорчений доставил Дарвину его друг Уоллес, немало сделавший для обоснования учения о творческой роли естественного отбора в процессе органической эволюции. Этот натуралист, как и Ляйелль, сильно колебался в вопросе о приложении эволюционного учения к человеку и даже полагал, что человек являет собой исключение, ибо человеческое сознание якобы имеет сверхъестественное происхождение. В мае 1864 г. Уоллес заявил, что хотя физически человек развился из некоторой животной формы под влиянием естественного отбора, психическая сторона природы человека, даже при совместном развитии с физической, вовсе не развивалась только под влиянием этого фактора. Он подчеркивал, что в человеке есть нечто, ставящее его вне категории животных, т. е. указывающее на принципиально особое качественное отличие

⁸ Там же, т. II, с. 211.

⁹ Там же, с. 304.

человека от животных, и поэтому человеческий род имеет особый путь развития, который следует искать за пределами дарвинизма.

Ошибка Уоллеса вовсе не в том, что он, учитывая специфические особенности человека, отрицал приложимость естественного отбора как чисто биологического фактора к эволюции человеческого рода. Коренная его ошибка в том, что он в сущности вообще отрицал естественное происхождение человека, т. е. в области антропогенеза — проблемы происхождения человека — совершенно порвал с подлинной наукой, оказавшись в болоте мистицизма.

Дело в том, что Уоллес в результате длительного изучения «дикарей» — народов, паселяющих тропические архипелаги, — справедливо отбросил распространенный тогда взгляд об их умственной отсталости. При этом он заявил, что их умственные способности значительно превышают те требования, которые им мог бы предъявить естественный отбор, ведущий к выживанию организмов, наиболее приспособленных к борьбе за пищу и т. д. В связи с этим Уоллес спрашивал: каким же путем у «дикаря» развился человеческий мозг, более совершенный, чем это необходимо его обладателю? Уоллес указывал, что естественный отбор мог наделить отсталого человека головным мозгом, лишь едва превосходящим мозг обезьяны. В действительности же мозг любого так называемого дикаря мало чем уступает мозгу цивилизованного человека. Не разумеая по этому поводу, Уоллес пришел к совсем не обоснованному выводу, что развитием человеческого мозга должен был руководить некий невидимый «духовный фактор» и поэтому человеческая психика не имеет естественного происхождения.

Уоллес был совершенно прав в том, что, учитывая специфические особенности человека, не считал возможным объяснить все человеческие качества только естественным отбором, т. е. одними лишь чисто биологическими факторами. Естественный отбор приложим лишь к первым этапам развития человека, когда он еще не вышел из животного состояния: мозг же современного человека и его психика — это главным образом продукты общественной жизни. Не разобравшись в этом вопросе, Уоллес в апреле 1869 г. даже заговорил о «Разумной силе», предвидящей и подготовившей будущее развитие челове-

ского рода. Он указывал, что всякий, кто знаком с одними только «естественными произведениями природы», имеет основание сомневаться в том, что, например, ломовая лошадь могла произойти по воле человека, управляющего действиями законов изменчивости, размножения и выживания для его собственной цели. Мы знаем, однако, что это произошло именно так, и на этом основании Уоллес считал возможным, что в развитии человеческого рода «Высший интеллект» руководил теми же законами для более благородных целей.

Этот натуралист настаивал на том, что голая кожа человека, его голос и музыкальные способности, его нравственные чувства, некоторые умственные качества и физические черты — все это не могло быть результатом естественного отбора, т. е. нельзя это объяснить лишь сохранением полезных изменений. Отсюда его вывод, что «некоторое высшее интеллигентное существо давало определенное направление развитию человека, направляло его к специальной цели совершенно так, как человек руководит развитием многих животных и растительных форм».¹⁰

Словом, Уоллес высказал убеждение в том, что человек имеет сверхъестественное происхождение, что он появился не путем отбора, или же отбор в этом случае происходил под руководством какого-то «верховного существа», т. е. отбор служил орудием этого таинственного существа. «Я допускаю, — писал он, — естественное происхождение человека, но привожу факты, указывающие на то, что он был видоизменен действием другой силы, присоединившейся к действию естественного отбора, и это не значит, что я должен считаться отрицателем дарвинизма».¹¹ В действительности же Уоллес в вопросе о происхождении человека порвал не только с дарвинизмом, но и вообще с наукой, так как по его концепции выходит, что мозг человека есть дело «высшего разума», а легкие, печень и пр. — дело естественного отбора, причем человек как бы является домашним животным этого верховного существа.

Дарвин был буквально ошеломлен этим взглядом Уоллеса и решительно отвергал его, заявив, что не видит ни-

¹⁰ А. Р. Уоллес. Естественный отбор. СПб., 1878, с. 391

¹¹ Там же, с. 420.

какой необходимости прибегать относительно человека к какой-нибудь «дополнительной непосредственной причине», т. е. супранатуралистическому (сверхъестественному) фактору. Вначале ему даже не хотелось верить, чтобы соответственные части статьи принадлежали самому Уоллесу, и готов был считать их чужой вставкой, о чем и заявил Уоллесу в своем письме от 14 апреля 1869 г. 4 мая 1869 г. Дарвин писал Ляйеллю: «Я был ужасно разочарован в отношении человека; мне это кажется невероятно странным... И если бы я не знал обратного, я готов был бы поклясться, что это вписано какой-то другой рукой».¹²

Следует сказать, что Ляйелль в общем был на стороне Уоллеса и не соглашался с ним лишь в некоторых деталях. Он тоже считал, что «интеллектуальная и моральная природа человека» — это результат «нарушения однообразного хода причинности, ранее действовавшей на земле». Поэтому 5 мая 1869 г. Ляйелль писал Дарвину: «Я не против его (Уоллеса, — Г. Г.) идеи, что Высший Разум может управлять изменениями видов в порядке, аналогичном тому, как даже ограниченные способности человека могут руководить изменениями при отборе, как, например, в случае животновода и садовода... Так как я думаю, что постепенное развитие, или эволюция, не объясняется вполне естественным отбором, я даже приветствую предположение Уоллеса, что может существовать Высшая Воля и Сила, которые могут не отстраняться от своих функций вмешательства, но могут руководить силами и законами Природы. Это мне кажется еще более вероятным, когда я подумаю не без удивления, что нам ничто не мешает создавать уродства, например, такое, как зобастый голубь, и давать ему порочно размножаться на бесконечное число поколений, в всяком случае не ради пользы разновидности или вида, созданного таким путем».¹³

Эти воззрения Ляйелля и Уоллеса о человеке в значительной мере смыкаются с чисто теистическим подходом Аза Грея к естественному отбору, и Дарвин справедливо отвергал эти воззрения как антинаучные. В то время многие консерваторы от науки, видя невозмож-

¹² D. L. L., vol. III, p. 117.

¹³ L. L. L., vol. II, p. 442.

ность сохранить представление о постоянстве видов, ухватились за идею о сверхъестественном происхождении человеческого рода, к которому законы природы якобы вовсе не применимы. Так, русский анатом Р. П. Ландцерт (профессор Медико-хирургической академии) принимал теорию эволюции и считал ее обоснование заслугой Дарвина, но не хотел допускать ее применимость к человеческому роду. В своей речи «Об учении Дарвина в связи с современным вопросом о происхождении человека» он заявил, что человеческий род — как бы отдельный остров, с которого нет моста к соседней земле млекопитающих. Одобрительно отнесся к взглядам Уоллеса о происхождении человека богослов А. Ф. Гусев (профессор Казанской духовной академии), который в 1879 г. написал специальную книгу об Уоллесе. В ней он одобрил мнение Уоллеса о происхождении человека, так как оно «не устраняет действия в мире творчески-промыслительной силы божьей».

Во многих отношениях спор между Дарвином и Уоллесом по проблеме происхождения человека отражал те разногласия в изучении человека, которые еще в XVIII в. наметились в научно-философской мысли. Дело в том, что французские философы-материалисты в своей борьбе с религиозным мировоззрением стремились подчеркивать единство природы человека и животных, и это было правильно. Но при этом они, вслед за врачом Ж. Ламетри, считали, что «переход от животных к человеку не очень резок», т. е. допустили ту ошибку, что отрицали качественное отличие между человеком и животным, не видели грани между человеком и обезьяной. Наоборот, натуралист Ж. Бюффон правильно утверждал, что при большом сходстве в строении тела человека и высших обезьян существует глубокое, принципиальное отличие в их психике. Однако эту идею он понимал односторонне и поэтому попал в тупик, отрицая всякую возможность перехода от животного к человеку. Это противоречие двух тенденций в понимании природы человека и проявилось в споре двух творцов эволюционного учения, причем точка зрения французских материалистов отразилась в идее Дарвина о том, что все различия между человеком и животным являются лишь количественными, а точка зрения Бюффона сказалась во взгляде Уоллеса о необходимости полностью выделить человека из животного мира.

Вдумываясь в основное содержание ряда глав «Происхождения человека», нетрудно заметить, что оно представляет собою как бы незаметную, неподчеркнутую, но принципиальную критику взглядов Уоллеса на происхождение человека. Сама же логика этого спора привела Дарвина к другой крайности — к тому, что представление о происхождении человека из низших животных он считал несовместимым с признанием качественного своеобразия человека. Касаясь этого обстоятельства, видный советский антрополог Я. Я. Рогинский в статье «Чарлз Дарвин и проблема происхождения человека» писал: «Это убеждение было у Дарвина настолько сильным, что, отрицая существование глубоких различий между человеком и животными, он нередко именно этим отрицанием пытался подкрепить идею о происхождении человека и всех его особенностей из животного мира. Дарвину казалось, что достаточно ему признать хотя бы одно свойство человека принципиально выделяющим человека из животного мира, чтобы тотчас же тем самым отломить „человеческую ветвь“ от общего ствола животного царства и стать на позицию креационизма».¹⁴

Что же касается Уоллеса, то он не изменил своего взгляда (своей «ереси», как он сам говорил) и после выхода в свет книги Дарвина, и поэтому уже 30 января 1871 г. писал Дарвину: «Ваши главы о „Человеке“ представляют глубочайший интерес, но в том, что касается моей специальной ереси, еще не вполне убедительны, хотя, конечно, я вполне соглашаюсь с каждым словом и с каждым аргументом, который подходит для доказательства эволюции или развития человека из низшей формы».¹⁵ Однако как ни различны были взгляды Уоллеса и Дарвина, им присущ общий недостаток: оба они не учли того, что обособление человека от животных означало появление нового качества, являлось скачком, который был вызван переходом к выделяванию орудий труда. И именно с этого момента, т. е. с начала трудовой деятельности, производства и началась человеческая история.

¹⁴ См. Ч. Дарвин. Сочинения, т. 5, с. 61.

¹⁵ D. L. L., vol. III, p. 134.

Выявляя родство человека с животным миром, Дарвин в отличие от Уоллеса старался в духе последовательного эволюционизма лишить человека его божественного ореола. В связи с этим он и в животных, в их психике, в чертах их поведения и в особенности в их общественных инстинктах усмотрел в зачатке те элементы, которые мы связываем с именем Человек. Он находил, что все психические различия между низшими животными и человеком имеют только количественный характер, но все же проводил резкую грань между человеком и животным в отношении нравственности.

Дарвин считал нравственным существом того, кто способен обдумывать свои прошлые поступки и побуждения к ним, одобрять одни и осуждать другие. Он писал, что согласен с мнением тех писателей, которые утверждают, что из всех различий между человеком и животными самое важное есть нравственное чувство, или совесть. В этом чувстве Дарвин видел благороднейшее из всех свойств человека, заставляющее его без малейшего колебания рисковать своею жизнью для близкого.

К вопросу о происхождении нравственности Дарвин подошел не как социолог, а как натуралист, ибо отрицал, что только воспитание является творцом «доброго начала» человека, т. е. его совести. По мнению Дарвина, человек с его моральным чувством вовсе не рождается каким-то белым листом, на котором социальная среда записывает любой текст. Приводя слова философа Дж. Милля: «Хотя нравственные чувства, как я думаю, не врождены, а приобретены нами, они ничуть не становятся от того менее естественными», — Дарвин замечает: «Не без колебания решаюсь я противоречить столь глубокому мыслителю, но едва ли можно спорить против того, что у низших животных моральное чувство является инстинктивным или врожденным; и почему же не быть тому же самому и для человека?». Утверждение, что моральное чувство приобретается всяким индивидуумом в течение его жизни, подчеркивал Дарвин, «с точки зрения общей теории эволюции это по меньшей мере крайне невероятно». Поэтому он полагал, что «чувства и впечатления, различные эмоции и способности, как любовь, память, внимание, любознательность, подражание, рассудок и т. д., которыми гордится человек, могут быть

найжены в зачатке, а иногда даже и в хорошо развитом состоянии у низших животных». ¹⁶

С точки зрения Дарвина, в наследственной природе человека заложен не только инстинкт самосохранения (эгоизм), но и то, что влечет его к добру, самоотвержению, справедливости (альтруизм). Он считал бесспорным, что «первое основание и начало нравственного чувства лежит в общественных инстинктах, включая сюда и симпатию», а эти инстинкты, писал он, были первоначально приобретены, как и у низших животных, путем естественного отбора. Групповой отбор этих природных, врожденных чувств, по мнению Дарвина, играл огромную роль на ранних стадиях происхождения человека, в биологической фазе его эволюции. Впоследствии же, в социальной фазе эволюции наших предков этот фактор отступил на задний план, так как первенствующее значение приобрели чисто социальные факторы, которые, однако, неразрывно связаны с биологическими.

Борясь со всякой мистикой в проблеме происхождения человека, Дарвин выдвинул тезис о животном происхождении «всего» человека в целом, со всеми его физическими и духовными свойствами. Ведь фидеисты не могут не ухватиться за признание, что в человеке имеется хотя бы одно такое свойство, которое принципиально выделяет человека из животного мира. Поэтому он доказывал, что все человеческие способности имеют биологические предпосылки и в животном мире, т. е. у высших животных имеются «в зачатке» почти все основные умственные способности, которые мы видим у человека. Так, он оспаривал мнение, будто только одному человеку свойственна способность употребления орудий, приводя примеры, говорящие об употреблении как бы зачаточных орудий обезьянами и некоторыми другими животными. В связи с этим он впал в крайность, утверждая, что умственное различие между человеком и животным является не качественным, а только количественным, т. е. различием в степени, а не по существу, что, конечно, неправильно.

Правда, Дарвин исходил из того, что только человек является животным, способным изготовлять орудия и тем изменять условия своего существования, и что только

¹⁶ Ч. Дарвин. Сочинения, т. с. 649, 214, 215, 239.

человек обладает всем тем, что мы называем нравственностью. Более того, он полагал, что существует огромная разница между умом самого примитивного человека и самого высшего животного. Дарвин, однако, недооценил значение этих обстоятельств и поэтому не понял того, что приведенные им факты об умственных способностях животных вовсе не говорят об отсутствии принципиального отличия человеческой психики от психики высших животных. Эти факты только свидетельствуют о том, что возможности для возникновения человеческого сознания складывались еще до перехода от обезьяны к человеку.

Об этом переходе Дарвин имел неясное и даже неправильное представление, и по сути дела он оставил открытым вопрос о причинах становления человека, о механизме процесса очеловечения обезьяны. Ибо он, как и Уоллес, не дошел до гениальной мысли Маркса, что человек, воздействуя на внешнюю природу и изменяя ее, в то же время изменяет и собственную природу. Значит, Дарвин недостаточно учел качественную особенность человеческого воздействия на природу, т. е. не придал значения роли труда в процессе становления человека. Важно, все же, то, что, выявив биологические задатки различных свойств и особенностей человека (разума, речи, употребления орудий и т. д.), Дарвин сделал большой вклад в науку о человеке — антропологию. Тем самым он получил возможность показать, что точка зрения Уоллеса ведет к отрицанию животной родословной человека, т. е. уводит проблему антропогенеза за пределы науки, порывает с подлинными знаниями, добытыми при изучении живой природы.

Все же и Дарвин был еще далек от окончательного решения этой проблемы, ибо он в недостаточной мере выявил специфические особенности человеческого сознания. В основном этот важный пробел был заполнен Энгельсом, который, учтя богатый материал, приведенный Дарвином по вопросу об историческом развитии психики, к тому же выявил социальные факторы антропогенеза. В своей работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Энгельс показал, что труд создал человека, ибо благодаря трудовой деятельности человек относится к природе совсем не так, как животные, он не приспосабливается биологически к окружающей среде, а приспосабливает ее к себе, т. е. создает подходящую

для себя искусственную среду (как бы «вторую природу»). Благодаря Энгельсу стало ясно, что развитие мозга, а вместе с тем и человеческое сознание — результат труда, а затем и речи, возникшей из потребности общения людей в процессе их трудовой деятельности. Тем самым Энгельс не только внес ценнейший вклад в эту проблему, но и по существу в основном и разрешил ее в строго материалистическом духе.

Как бы то ни было, только благодаря Дарвину были выявлены биологические предпосылки происхождения человека. Это явилось одной из побед материалистического мировоззрения, ибо стало ясно, что естественное происхождение человеческого рода от существа «низшего порядка» есть строго логический, необходимый вывод из эволюционного учения — исторического взгляда на природу. А тем самым, как отметил Энгельс в вышеупомянутом сочинении, была дана основа для предистории человеческого духа, без которого существование мыслящего человеческого мозга остается чудом. Не сумев раскрыть социальных факторов антропогенеза, Дарвин так и не понял, что психика человека является продуктом общественной жизни. Однако именно Дарвин подготовил почву для трудовой теории Энгельса о причинах превращения животного в человека — теории, которая бросила яркий свет на происхождение человеческого сознания.¹⁷

С тех пор уже не подлежит сомнению, что качественное отделение человека от мира животных стало возможно лишь с возникновением сознания, которое, в свою очередь, явилось результатом развития человеческого мозга в процессе труда — производственной деятельности человека. Основоположники марксизма указывали: «Первый исторический акт этих индивидов, благодаря которому они отличаются от животных, состоит не в том, что они мыслят, а в том, что они начинают *производить необходимые им средства к жизни*».¹⁸ Именно эта деятельность качественно отличает человека от всех животных, а вследствие этого происхождение человека неразрывно связано с происхождением общественных отношений, т. е. антропогенез слился с социогенезом.

¹⁷ См.: М. Ф. Нестурх. Происхождение человека. М., 1958.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, с. 19.

Вступление человека в область общественных отношений привело к тому, что при формировании его личности все сильнее стало сказываться влияние социальной среды, а вследствие этого естественный отбор перестал играть для него решающую роль. Не удивительно, что человек характеризуется не только своими биологическими признаками, но и свойствами его сознания, которые зависят от многообразных связей с другими людьми и с неживой средой. Маркс указывал, что «рождение дает человеку лишь *индивидуальное* бытие и прежде всего дает ему жизнь лишь как *природному* индивиду». Однако, опираясь на свои природные свойства, человек как существо общественное обладает огромными возможностями для развития своего сознания. Вот почему человек, как отметил Энгельс, «только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества».²⁰

В 1959 г. в связи с двумя юбилеями дарвинизма — столетием книги Дарвина «Происхождение видов» и столетием его книги «Происхождение человека» — враги материализма и атеизма стали всячески раздувать спор между Дарвином и Уоллесом по вопросу о происхождении мозга человека и его умственных способностей, уверяя, что прав был целиком Уоллес. Так, американский ученый Л. Айсли писал: «По странной иронии судьбы наука, открывшая каменные орудия и обломки черепов наших праотцев, не в состоянии... обстоятельно ответить на старый вопрос Уоллеса». И он призывает дарвинистов «пересмотреть историю самого большого чуда в мире — появления головного мозга человека».²¹ Но этот ученый «не заметил», что «старый вопрос Уоллеса» давно уже отпал, так как в настоящее время нельзя ставить вопрос о том, зачем «дикарю» нужен такой же большой мозг, как и современному человеку. Только реаксисты в качестве глашатаев человеконенавистничества закрывают глаза на указанный Дарвином факт, что в физическом и умственном отношении нет существенной разницы между «отсталым» и «неотсталым» («диким» и «недиким») народом.

¹⁹ Там же, т. 1, с. 342.

²⁰ Там же, т. 2, с. 146.

²¹ Америка, 1959, № 46.

Верно лишь то, что Дарвин оставил открытым вопрос о коренных причинах становления человека: он не сумел показать, каким же образом шел процесс превращения животного в человека. Л. Айсли и другие буржуазные ученые просто замалчивают тот факт, что это в основном было сделано Энгельсом, который выявил исключительно важную, первостепенную роль труда в этом процессе. Не Уоллес, а Энгельс, опираясь на исторический материализм и некоторые мысли Дарвина, выявил основные причины возникновения тех особых качеств, которые присущи человеку и позволяют противопоставить человека всем другим животным.

Бесспорно Энгельс имел в виду главным образом натуралистов типа Уоллеса и Ляйелля, когда, говоря о господстве идеалистического мировоззрения в умах ученых, отметил: «Оно и теперь владет умами в такой мере, что даже наиболее материалистически настроенные естествоиспытатели из школы Дарвина не могут еще составить себе ясного представления о происхождении человека, так как в силу указанного идеологического влияния они не видят той роли, которую играл при этом труд».²² Таким образом, Энгельс не только исправил некоторые ошибочные утверждения Дарвина, но вместе с тем показал неизбежность тех недоумений, которые были у Уоллеса в области антропогенеза и увлекли этого выдающегося натуралиста в болото мистики.

4

Большим ударом для мистицизма явился труд Дарвина «Выражение эмоций», являющийся дополнением к его книге о человеке, а также то, что он ясно показал связь между мозгом и психикой человека. Мозговые полушария он называл «седалищем нашего сознания и воли», давая тем понять, что сознание человека вовсе не является «даром небес», т. е. не содержит в себе ничего сверхъестественного. Конечно, это представление неуклонно ведет к отказу от одного из важнейших догматов всякой религии — веры в существование души и загробного мира. А ведь «унизительность» идеи о живот-

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, с. 493—484.

пом происхождения человека, вытекающей из эволюционного учения, защитники религии видят главным образом именно в том, что она непримирима с этой верой.

Огромное значение для материалистического учения о происхождении человеческого сознания имеют работы великого советского физиолога И. П. Павлова. Он доказал, что самые общие основы высшей нервной деятельности, или психики, у человека те же, что и у высших животных, хотя из этой общности вовсе не следует, что у животных имеется такое же сознание, как и у людей. Он показал, что сознание человека принципиально отличается от психики высших животных тем, что человек владеет речью, т. е. ему присуща так называемая вторая сигнальная система, благодаря которой люди с помощью слов создают абстрактные понятия — основу мышления. Сознание — это высшая форма отражения действительности, и оно присуще только человеку, ибо возникло только в процессе общественно-трудовой деятельности людей. Труд сыграл решающую роль в появлении всех особенностей человека: он изменил поведение его, усложнил психику и привел к возникновению речи. Труд, а вместе с ним и членораздельная речь были самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг животного — высшей обезьяны — постепенно превратился в человеческий мозг.

Если человек выделился из животного мира, то у него, конечно, такая же «смертная душа», как у любого животного — обезьяны, кошки, собаки и пр. Об этом выводе из эволюционного учения Дарвин дал ясно понять читателям «Происхождения человека», где писал: «Тот, кто верит в постепенное развитие человека от некоторой низко организованной формы, естественно должен спросить: как согласуется такое понятие с верой в бессмертие души? Очень немногие люди будут тревожиться невозможностью определить, в какой именно период развития особи начиная от появления первого следа микроскопического зародышевого пузырька человек начинает становиться бессмертным существом; и я не вижу более серьезных причин тревожиться по поводу того, что и постепенно восходящей органической лестнице этот период не может быть определен с точностью».²³

²³ Ч. Д а р в и н. Сочинения, т. 5, с. 651.

В этих словах Дарвин со свойственной ему осторожностью выявил полнейшую антинаучность и вообще несостоятельность веры в бессмертие души. Вопрос о моменте, когда «человек начинает становиться бессмертным существом», чрезвычайно смущает верующих в связи с выкидышами и мертворожденными. Это обстоятельство в целях антирелигиозной пропаганды использовал видный врач-дарвинист А. Форель (1848—1931), который писал: «Чем будет в раю мертворожденное дитя, душа которого, т. е. мозг, еще не начал функционировать? Его вспоминающее, сознательное, духовное „я“, которое никогда не существовало, не может там обрести себя. Или, быть может, зародыш также бессмертен, но тогда с какого же момента? Если с момента зачатия, то мы не должны забывать, что в это время он представляет не что иное, как продолженное совместное существование отцовской и материнской клеточек, и что до этого момента его „я“ существовало еще раздельно в его родителях. Один католический священник, которому я предложил однажды вышеприведенный вопрос, был поставлен им в большое затруднение. Он навел справки и через несколько дней ответил мне, что святой дух вдыхает душу в каждый зародыш на шестом месяце беременности. Историйка негурна! У Рима на все есть готовый ответ! К сожалению, ответы эти не всегда одинаковы. Одна католическая дама сказала мне, что... душа вдыхается при зачатии (момент соединения обеих зародышевых клеток). Доказательством служит то, что в случаях выкидышей крещению подвергались даже очень малые зародыши, например, на первом или втором месяце беременности... Представьте себе только души этих зародышей в раю!».²⁴

Здесь уже упомянут был аббат-зоолог Э. Васман, который в начале нашего века на основании своих исследований убедился в том, что об отрицании развития органического мира не может быть и речи. Тем не менее этот иезуит, стоя на позиции «религиозного эволюционизма», заявил, что только человеческое тело является продуктом развития животного мира, человеческое же сознание («душа») имеет божественное происхождение. Нетрудно видеть, что в известной мере эта точка зрения являлась фактом отступления от религиозного мировоззрения под

²⁴ А. Форель. Жизнь и смерть. СПб., 1908, с. 51—53.

напором прогресса научного знания. Все же эта точка зрения была поддержана многими современными учеными в рясах, и в конце концов Ватикан вынужден был учесть это обстоятельство. В 1950 г. папа римский Пий XII частично пошел им навстречу: он разрешил им заниматься обсуждением «гипотезы», не могло ли человеческое тело произойти «из уже существующей материи», т. е. от животного существа. Но он строго потребовал от них (и прежде всего, конечно, от верующих) не сомневаться в «божественном сотворении человеческой души», так как это — один из важнейших религиозных догматов.

Что же касается Дарвина, то, как мы видели, он весьма критически относился к тем своим сторонникам, которые хотели так или иначе связать его учение с религиозными представлениями. Хотя он не уяснил себе сущности и значения для естествознания материалистического мировоззрения, он на деле активно боролся за материалистическое, подлинно научное понимание органической эволюции. Проявлялось это прежде всего в том, что он решительно восставал против каких бы то ни было «чудесных прибавлений», мистических факторов к своей биологической теории.

Все это делает необходимым уделить достаточное внимание вопросу о действительном отношении Дарвина к религии. Разбор этого вопроса даст возможность выявить некоторые наиболее характерные черты мировоззрения великого натуралиста, что само по себе представляет большой интерес. Вместе с тем это откроет нам путь для раскрытия мировоззрения тех ведущих натуралистов, которых обычно причисляют к сторонникам религии и на которых всегда ссылаются фидеисты в своих утверждениях о «мирном сосуществовании» науки и религии.

Вскоре после смерти Дарвина, последовавшей 19 апреля 1882 г., фидеисты принялись доказывать, что он не только не выступал против религии, но был религиозно настроенным человеком и даже не чуждался некоторых церковных обрядов. Однако все то, что мы знаем об этом человеке, показывает, что для этих душеспасительных потуг нет никаких оснований: он жил и умер как неверующий.

Однажды Дарвину пришлось побывать на каких-то крестинах, и это сильно удивило его детей, так как они привыкли считать его присутствие в церкви «чем-то совершенно исключительным и необыкновенным». Вопросы религии в общем очень мало занимали внимание великого ученого, и по тактическим причинам он всячески избегал высказываться по этим вопросам в печати, хотя и считал, что «долгом каждого является распространение того, что он признает за истину». Когда американский журналист Ф. Эббот, писавший о религии в фидеистическом духе, обратился к Дарвину с настойчивой просьбой высказать в его журнале свое отношение к религии, Дарвин 16 ноября 1871 г. писал ему: «Я никогда не размышлял систематически о религии в отношении к науке или к нравственности в отношении к обществу, а без упорного и длительного обдумывания таких предметов я, право, неспособен написать что-нибудь заслуживающего быть напечатанным».¹

Тем самым Дарвин с присущей ему корректностью решительно отказался выступить в печати с изложением своего взгляда на религию. На деле же он одно время немало думал о религии, довольно обстоятельно разобрал все аргументы, приводимые обычно в пользу существования бога и выявил их несостоятельность.

¹ Ч. Д а р в и н. Избранные письма, с. 226.

В своих опубликованных работах Дарвин стремился прежде всего высказать свои научные взгляды. Поэтому он старался быть весьма сдержанным относительно религии, чтобы не задеть религиозные чувства своих «респектабельных» буржуазных читателей. В согласии с популярными тогда принципами либеральной терпимости он считал, что религия является частным делом человека, что она касается только его одного.

Френсис Дарвин, издавший ряд материалов отца о религии, констатирует: «Мой отец редко говорил на эту тему, и я не могу ничего привести по собственным воспоминаниям из его разговоров, что прибавило бы к сообщаемым здесь сведениям о характере его отношения к религии».² Справедливо и следующее его замечание по этому же вопросу: «В его опубликованных работах он был сдержан относительно вопроса о религии, а то, что он оставил на эту тему, не предназначалось для печати. Я думаю, что его сдержанность обусловлена была двумя причинами. Он был глубоко убежден, что религия по существу является частным делом каждого, одного его касающегося... Он, естественно, остерегался высказываться, чтобы не задеть чувства других в религиозных вопросах, а также руководился сознанием, что не следует предать гласности свои взгляды о предмете, который специально и постоянно не занимал его ум».³

Однако Френсис Дарвин в значительной мере скрыл от читателей истинные взгляды своего отца, так как в опубликованной им автобиографии Чарлза Дарвина он сделал ряд существенных купюр. Так, он опустил следующее место: «... вряд ли я в состоянии понять, каким образом кто бы то ни было мог бы желать, чтобы христианское учение оказалось истинным; ибо если оно таково, то незамысловатый текст [Евангелия] показывает, по-видимому, что люди неверующие — а в их число надо было бы включить моего отца, моего брата и почти всех моих лучших друзей — понесут вечное наказание. Отвратительное учение!».⁴

Вообще Френсис Дарвин удалил из автобиографии отца все те места, где резко критикуется библейское

² D. L. L., vol. I, p. 317.

³ Там же, с. 304—306.

⁴ Ч. Д а р в и н. Сочинения, т. 9, с. 205—206.

представление о боге как творце и управителе мира. Более того, он в некоторой степени представил мировоззрение своего отца в превратном свете, ибо выступил против Э. Эвелинга, который на основании своего разговора с творцом дарвинизма утверждал, что великий натуралист был атеистом, что в его мировоззрении нет и намека на веру в сверхъестественное.

Впрочем, в свое оправдание он мог бы сказать, что все это он сделал главным образом под влиянием матери — Эммы Дарвин (1808—1896), которой был неприятен атеизм мужа и которую сам Дарвин по доброте своей всегда всячески старался не огорчать. Все же характерно, однако, что в дополнительном двухтомнике писем Дарвина, изданном при участии Френсиса уже после смерти матери, он не опубликовал изъятые из автобиографии места, за исключением того места, где Дарвин с величайшим уважением писал о своей жене. Обращаясь к детям, Дарвин писал о жене: «Она — мое величайшее счастье, и я могу сказать, что за всю мою жизнь я ни разу не слышал от нее ни одного слова, о котором я мог бы сказать, что предпочел бы, чтобы оно вовсе не было произнесено... Моя жизнь без нее была бы на протяжении очень большого периода времени жалкой и несчастной из-за болезни».

Ко всему этому надо добавить, что Френсис Дарвин вскоре после смерти своего отца хотел издать полный текст его «Автобиографии», но это намерение встретило сопротивление со стороны большинства остальных членов семьи под тем предлогом, что это произведение написано Дарвином не для печати, а для своей семьи — детей, внуков и т. д. Особенно решительным было сопротивление матери и сестры, старшей дочери Ч. Дарвина Генриэтты Личфилд (1843—1929), которые не хотели, чтобы их друзья и родственники узнали о действительном отношении Дарвина к религии. Не удивительно, что Френсис в 1887 г. издал автобиографию Дарвина лишь после строгой ее цензуры со стороны матери, удалив из нее все, что могло не понравиться ревнителям веры. В результате полный текст этого произведения стал известен лишь в 1958 г. — через 76 лет после смерти автора. Это стало возможным благодаря стараниям его внучки Норы Барлоу, которая дала всестороннее освещение ситуации,

сложившейся в семье Дарвина в связи с вопросом об опубликовании его автобиографии.⁵

Из писем Эммы Дарвин, опубликованных ее дочерью Генриэттой, видно, что она выражала уважение к научным исследованиям и воззрениям мужа, но при этом неизменно высказывала непоколебимость в своих религиозных чувствах и была глубоко огорчена тем, что он не разделяет ее взглядов. При этом дочь Дарвина в своих воспоминаниях отмечает, что ее мать регулярно ходила в церковь, причащалась и читала детям священное писание, а в юности религия целиком заполняла ее жизнь. «Из бумаг, оставшихся после ее смерти, — пишет Генриэтта, — можно заключить, что она в первые годы замужества очень страдала от сознания того, что мой отец не разделял ее веры. По этому поводу она написала ему два письма». В этих письмах Эмма Дарвин выразила свое беспокойство в связи с тем, что привычка ученого не верить ничему, пока это не будет доказано, может привести его к отрицанию откровения, а это она считала роковым для всякого человека. При этом она уверяла Дарвина: «Отвергать откровение — это значит поставить под угрозу все то, что было сделано для Вашего блага».⁶

Не удивительно, что перед выходом в свет книги Дарвина о происхождении человека Эмма сказала старшей дочери, что хотя эта книга сама по себе и интересна, она удручена тем, что в ней «бог отодвигается слишком далеко». Дочь считала, что с возрастом религиозные чувства матери ослабели, но это далеко не так, что видно из ее возражений против опубликования наиболее откровенных высказываний мужа о религии. Именно эти возражения породили в семье Дарвина столь сильные чувства, что в этом вопросе семья (бывшая, по выражению Барлоу, «монолитной и объединенной фалангой дядюшек и тетюшек») раскололась.

⁵ The autobiography of Charles Darwin. Edited by his grand daughter Nora Barlow. London, 1948. — Русский перевод этой книги был сделан с фотокопии оригинала дарвиноведом С. Л. Соболев в 1957 г. и выпущен под названием: Ч. Д а р в и н. Воспоминания о развитии моего ума и характера (автобиография). Она помещена в 9-м томе Сочинений Дарвина и снабжена вступительной статьей С. Л. Соболя «Общие черты мировоззрения Дарвина».

⁶ E. Darwin. A Century of Family Letters, vol. II. London. p. 187—188.

Характерно, что именно Генриэтта (в семье ее называли Этти) в вопросе об издании автобиографии особенно настойчиво поддерживала мать, не желая, чтобы это произведение Дарвина увидело свет. Она уверяла, что воззрения Дарвина о религии, написанные им как сугубо личные, после их опубликования нанесут большой вред его памяти. Н. Барлоу в своем предисловии к автобиографии Ч. Дарвина приводит цитату из письма к ней одного из сыновей Ч. Дарвина биолога Леонарда (1850—1943), написанного им в 1942 г., в котором сказано: «Сейчас я единственный, кто может помнить, какие страсти разгорелись в то время вокруг публикации Автобиография. Этти даже заговорила о возбуждении судебного дела, чтобы предотвратить публикацию. Судебный иск мог быть возбужден лишь против Фрэнка. Она считала, что религиозные вопросы были представлены в ней непродуманно и незрело, а вследствие этого публикация их была бы не только несправедливостью к его памяти, но что он бы сам энергично возражал против нее. Я бы не удивился, если бы моя мать в разговорах с Фрэнком сказала решающее слово против публикации изъятых фраз, хотя это нам неизвестно».⁷

Предположение о вмешательстве Эммы Дарвин подтверждается ее собственноручными замечаниями в одном из экземпляров рукописи автобиографии, переписанном Френсисом. То, что в письме Леонарда слово «заговорила» подчеркнуто, по мнению Н. Барлоу, указывает на его неуверенность в том, что его сестра Генриэтта прибегла бы к судебной процедуре. Но все же неоспоримо, что подобная точка зрения имела место в семье Дарвина, вызвав там большое возбуждение.

Таким образом, после смерти Дарвина в связи с вопросом об опубликовании его автобиографии среди его детей резко выявилось разное отношение к этому вопросу, так как одни были на стороне научных убеждений отца, а другие на стороне религиозного чувства матери. Это различие точек зрения не привело к отчуждению Дарвина и его жены, так как они старались замалчивать это обстоятельство, но оно в достаточной мере отразилось в той семейной цензуре, которой подвергся текст автобиографии, опубликованной в 1887 г.

⁷ The Autobiography..., p. 12.

Приведем несколько примеров этой цензуры.

По сообщению Н. Барлоу, когда Эмма Дарвин после смерти мужа прочла рукопись его автобиографии, она особое внимание обратила на то место, где он говорит об отвратительности христианского учения о вечном наказании за неверие. На полях рукописи она написала: «Мне было бы неприятно, если бы этот отрывок был опубликован».⁸ На самом же деле Дарвин, получивший богословское образование, лучше жены разбирался в этом вопросе: он был прав, считая, что это «отвратительное учение» вполне соответствует духу христианства. Френсису пришлось уступить матери, и он выбросил этот отрывок из опубликованного им текста автобиографии.

Жене Дарвина особенно неприятно было то, что ее муж, не желая подобно Уоллесу приписывать человеческой психике мистическое происхождение, продолжал упорно отстаивать свою мысль об эволюционном происхождении психики человека из психики животных. Поэтому отрицательное впечатление произвело на нее то место автобиографии, где Дарвин выступает против внедрения веры в бога в не вполне еще развитые умы детей. По его словам, это ведет к тому, что «для них было бы так же трудно отбросить веру в бога, как для обезьяны — отбросить ее инстинктивный страх и отвращение по отношению к змее».⁹

Н. Барлоу сообщает, что в связи с этим Эмма Дарвин в 1885 г. написала Френсису: «В „Автобиографии“ имеется фраза, которую я очень просила бы не включать [в публикуемый текст], отчасти, не скрою, потому что идея отца о происхождении нравственных качеств эволюционным путем тягостна для меня, отчасти же и потому, что в том месте, где эта фраза приведена, она производит шокирующее впечатление и сможет дать повод говорить — однако несправедливо — будто он считал все религиозные верования не более высокими, чем наследственные антипатии или симпатии, такие, например, как страх обезьян перед змеями. Думаю, что неприятный оттенок исчезнет, если сохранить только первую часть фразы и не иллюстрировать ее примером с обезьянами и змеями».¹⁰

⁸ Там же, с. 87.

⁹ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 9, с. 209.

¹⁰ The Autobiography..., p. 93, 94.

Конечно, Френсис выполнил волю своей матери, за которой в этом вопросе сохранялось последнее слово. Однако, как отметила Барлоу, характерна судьба этого письма: оно было включено в состав первого издания переписки Эммы Дарвин, осуществленного в 1904 г. для частного распределения, но было изъято из второго издания (1915 г.), предназначенного для широкого читателя.

Хотя все это поставило Френсиса Дарвина в довольно трудное положение, он все же и после смерти матери молчал насчет тех причин, которые вынуждали его отца редко говорить в своей семье о религии.

Сам творец дарвинизма в своем письме к К. Марксу от 13 октября 1880 г. так объясняет причину того, что он «всегда сознательно избегал писать о религии»: «Возможно, что тут на меня повлияла больше чем следует мысль о той боли, которую я причинил бы некоторым членам моей семьи, если бы стал так или иначе поддерживать прямые нападки на религию».¹¹

Упомянувшийся уже нами натуралист Э. Эвеллинг, рассказывая о том, как он вместе с атеистом Л. Бюхнером 28 сентября 1881 г. посетил Дарвина, пишет: «Мы завтракали вместе с ним и некоторыми членами семейства... Мы после узнали, что госпожа Дарвин во всех отношениях придерживалась ортодоксальной англиканской веры... Может быть, это было просто случайностью; во всяком случае факт, что за этим завтраком, когда Бюхнер сидел за столом рядом с Дарвином, между мною и госпожой Дарвин сидело духовное лицо англиканской церкви».¹²

2

Свое учение Дарвин, как мы видели, намеренно сформулировал в сугубо академической форме, и, несмотря на это, оно все же причинило ему немало неприятностей, ибо идеологическая роль учения всем была очевидна. Дарвин сознавал, что открыто отрицать религию, прямо высказывать в печати свои истинные, сокровенные взгляды о религиозном мировоззрении — значило войти в тяжелый конфликт с «общественным мнением» —

¹¹ Ч. Дарвин. Избранные письма. с. 275.

¹² Э. Эвеллинг. Ч. Дарвин и К. Маркс. — Научное обозрение, 1897, № 10, с. 58.

с «респектабельными» слоями общества. Тихий, добродушный и очень болезненный Дарвин тщательно оберегал свою деревенскую жизнь в Дауэне (недалеко от Лондона), свой семейный уют и спокойствие своих близких. К тому же он опасался, что атеистические взгляды, если бы он их открыто высказывал, могли бы повредить распространению его биологического учения. Бешеные нападки на это учение и вся окружающая обстановка вынуждали Дарвина к половинчатым высказываниям в печатных трудах. Вот почему он во втором издании заключительной главы «Происхождения видов» добавил следующие строки: «Я не вижу достаточных оснований, почему бы воззрения, излагаемые в этой книге, могли задевать чье-либо религиозное чувство».

Как очень искренний человек, Дарвин в некоторых частных беседах не скрывал того, что только чисто внешние (в том числе и семейные) соображения вынуждали его воздерживаться от прямой, открытой критики религиозных воззрений. Так, Э. Эвелинг отмечает: «Во время нашей беседы Дарвин рассказывал нам, что ему обнародование результатов его научных исследований и открытий было чрезвычайно неприятно, даже больно, потому что он знал, что многое из написанного им способно оскорбить чувства людей, которые ему были дороже всего и были ему наиболее близки».¹³ К тому же как сын своего класса Дарвин (он был довольно богатым человеком) не намерен был открыто рвать с буржуазным обществом, в котором видную роль играли ханжеские элементы, оказывавшие отрицательное влияние на университетскую науку.

Следует постоянно иметь в виду, что Дарвин вырос и жил в атмосфере, которая была пропитана духом фидензма: напомним, что его учителями в области естествознания были главным образом ботаник Генсло и геолог Седжвик — лица духовного звания. Священниками являлись и другие его друзья, занятые одновременно разработкой научных вопросов естествознания, в частности Дженингс, Фок, Кингсли и др. Однако несмотря на это пасторское окружение, Дарвин проявил свободомыслие и в конце концов стал совершенно неверующим человеком. Пережил же он разрыв с религией очень легко, «без

¹³ Там же.

всякого огорчения», так как был чужд мистицизма и по существу неверующим человеком, хотя не афишировал этого.

Так, почти безразличное отношение юного Дарвина к религии, его известный религиозный индифферентизм проявился при решении им вопроса о выборе профессии. Дело в том, что после двухлетнего изучения медицины в Эдинбургском университете он убедился, что у него нет желания стать практикующим врачом. Тогда его отец (хотя и был неверующим) посоветовал ему остановиться на карьере священника, так как в тогдашней Англии пастор был столь же уважаемым лицом, как и медик. После некоторого раздумья Дарвин последовал этому совету и перешел на богословский факультет Кембриджского университета в виду «приемлемости» для него англиканского вероучения. Однако впоследствии Дарвин, рассказывая об этом факте, дал понять, что принять это решение было для него все же делом не таким уж легким. Он писал: «Меня совершенно не поражало, насколько нелогично говорить, что я верю в то, чего я не могу понять и что фактически [вообще] не поддается пониманию. Я мог бы с полной правдивостью сказать, что у меня не было никакого желания оспаривать ту или иную [религиозную] догму, но никогда не был я таким дураком, чтобы чувствовать или говорить: „Credo quia incredibile“ (т. е. „Верую, потому что это невероятно“, — Г. Г.)».¹⁴

Следовательно, молодой Дарвин уже тогда не считал себя «таким дураком», чтобы соглашаться с знаменитым тезисом отца церкви Тертуллиана: «Верую, потому что это абсурдно», т. е. что религиозная вера не нуждается в разумных доказательствах того, что она утверждает, так как она якобы «сверхразумна», стоит вне разума.

В 1831 г. по окончании университета двадцатидвухлетний Дарвин получил право занять должность священника. Однако он не думал о реализации этого права, ибо к этому времени усилились те сомнения, которые еще раньше возникли у него по вопросу о том, может ли он вступить в духовное звание. Впоследствии его друг молодости Дж. Герберт рассказывал об этом: «У нас был серьезный разговор по поводу его плана стать священником. И я вспоминаю, что Дарвин, указывая на предла-

¹⁴ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 9, с. 189.

гаемый епископом при посвящении в священники вопрос о том, убежден ли посвящаемый, что его побуждает к данному поступку святой дух, спросил меня о том, могу ли я ответить на этот вопрос утвердительно, и когда я ему ответил, что я не мог бы этого сделать, он сказал мне: „Я тоже не могу этого сделать, и потому я не могу стать священником“». ¹⁵

Дарвин на склоне лет вспоминал, что религиозное чувство никогда не было сильно развито у него. При этом он добавляет: «Если вспомнить, как свирепо нападали на меня представители церкви, кажется забавным, что когда-то я и сам имел намерение стать священником».¹

Вскоре по окончании Дарвином университета случилось важное для него событие: он принял участие в пятилетнем путешествии вокруг света на корабле «Бигль» в качестве натуралиста. С тех пор интересы Дарвина сосредоточились на одну область — естествознание, а вследствие этого его намерение сделаться пастором, по его собственному выражению, как-то «умерло естественной смертью». К тому же под влиянием углубления знаний в разных областях естествознания и в особенности под влиянием зарождения у него великой эволюционной идеи, отношение Дарвина к религии стало все более изменяться.

«Во время плавания на „Бигле“, — рассказывает Дарвин, — я был вполне ортодоксален; вспоминаю, как некоторые офицеры (хотя и сами были людьми ортодоксальными) от души смеялись надо мной, когда по какому-то вопросу морали я сослался на Библию как на непреложный авторитет. Полагаю, что их рассмешила повизна моей аргументации».¹⁷ Однако по возвращении из путешествия, длившегося более двух лет (с октября 1836 г. по январь 1839 г.), когда у Дарвина оформились основные положения его биологической концепции, ознаменовавшей решительный отказ от креационизма, ему пришлось, по собственному признанию, «много размышлять о религии». Именно сомнения Дарвина в истинности креационизма прежде всего вызвали его первые размышления над некоторыми элементами религиозного миро

¹⁵ D. L. L., vol. I, p. 171.

¹⁶ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 9, с. 189.

¹⁷ Там же, с. 205.

воззрения. Постепенно он убеждался в том, что это мировоззрение, выраженное в священном писании, явно противоречит его историческому пониманию органического мира. Не удивительно, что Дарвин занялся критикой священных книг, а в результате для него все яснее становилась необходимость порвать с религиозными верованиями.

Все же характерно, что хотя кризис религиозных представлений у Дарвина начался примерно в тридцатилетнем возрасте, ему потребовалось еще несколько лет, чтобы отказаться от основы основ всякой религии — от тезиса в собственном смысле слова, т. е. веры в существование личного бога и в бессмертие души. Окончательный же разрыв с религией он относил к более позднему времени — приблизительно к сороковым годам, когда он перестал мириться с верой в «божью волю». Но, отбросив идею личного бога, вмещающегося в ход вещей, Дарвин, как уже отмечено, в течение некоторого времени стоял на точке зрения, которая приближалась к деизму, допускающей существование некоей безличной, но «разумной первопричины», не вмещающейся в ход вещей. В конце концов он отказался и от деистических представлений, осознав несостоятельность веры в «мировой разум», т. е. по существу стал атеистом.

По-видимому, полный разрыв с деизмом произошел у Дарвина в 1842—1844 годах, когда он начал литературно оформлять свое эволюционное учение, так как к этому времени резко выявилось его критическое отношение к различным библейско-евангельским рассказам. Он потерял веру в божественное откровение и возможность чудес, убедившись в антинаучности и нелепости этих двух основ религиозной веры. В связи с этим ему стали ясны противоречия, ошибки и несуразности в священных книгах, и в итоге он осознал полное отсутствие каких-либо доказательств в пользу религиозного мировоззрения.

Характерно, что в опубликованном Фрепсисом Дарвином автобиографическом отрывке его отца о религии, между прочим, выпущена следующая многозначительная фраза: «... я постепенно пришел к сознанию того, что Ветхий Завет — с его до очевидности ложной историей мира, с его вавилонской башней, радугой в качестве знамения завета и пр. и пр. и с его приписыванием богу

чувств мстительного тирана заслуживает доверия не в большей мере, чем священные книги индусов или верования какого-нибудь дикаря».¹⁸ Значит, уже в то время Дарвин пришел к убеждению, что библейские рассказы, лежащие в основе христианства, являются мифами, аналогичными мифам других древних народов. Поэтому он считал, что все то, что называют «истинным» христианским учением, — просто дико и даже «отвратительно».

В своих воспоминаниях сам Дарвин со свойственной ему неизменной откровенностью излагает ход развития своих сомнений. Он рассказывает о том, как ему не хотелось расставаться с вековыми и привычными верованиями, к которым неумолимо относился его критический ум, как он силился найти хоть какую-нибудь опору для столь распространенных представлений, безжалостно разрушаемых его скепсисом.

Особое внимание Дарвин уделил вопросу о божественном откровении, так как это один из важнейших догматов христианства и иудаизма. Помня, вероятно, как его жена цепко держится за этот догмат, он старался показать, что подходит к этому вопросу вполне объективно, без всяких предвзятых мыслей. Поэтому он писал: «В то время в моем уме то и дело возникал один вопрос, от которого я никак не мог отделаться: если бы бог пожелал сейчас ниспослать откровение индусам, то неужели он допустил бы, чтобы оно было связано с верой в Вишну, Сиву и пр., подобно тому как христианство связано с верой в Ветхий Завет? Это представлялось мне совершенно невероятным... Размышляя далее над тем, что потребовались бы самые ясные доказательства для того, чтобы заставить любого нормального человека поверить в чудеса, которыми подтверждается христианство; что чем больше мы познаем твердые законы природы, тем все более невероятными становятся для нас чудеса, что в те [отдаленные] времена люди были невежественны и легковверны до такой степени, которая почти непонятна для нас; что невозможно доказать, будто Евангелия были составлены в то самое время, когда происходили описываемые в них события; что они по-разному излагают многие важные подробности, слишком важные, как казалось

¹⁸ Там же, с. 205.

мне, чтобы отнести эти расхождения на счет обычной не-точности свидетелей». ¹⁹

Дарвин сознавал, что в этих рассуждениях нет ничего нового, но приводил их лишь потому, что они оказывали на него очень сильное впечатление, заставляя его критически относиться ко всем догматам христианства. «... В ходе этих и подобных им размышлений... — указывает Дарвин, — я постепенно перестал верить в христианство как божественное откровение. Известное значение имел для меня и тот факт, что многие ложные религии распространялись по обширным пространствам земли со сверхъестественной быстротой... Но я отнюдь не был склонен отказаться от своей веры; я убежден в этом, ибо хорошо помню, как я все снова и снова возвращался к фантастическим мечтам об открытии в Помпеях или где-нибудь в другом месте старинной переписки между какими-нибудь выдающимися римлянами или рукописей, которые самым поразительным образом подтвердили бы все, что сказано в Евангелиях. Но даже и при полной свободе, которую я предоставил своему воображению, мне становилось все труднее и труднее придумать такое доказательство, которое в состоянии было бы убедить меня». ²⁰

Таким образом, первоначально Дарвин в общем разделял все теологические положения христианства, но впоследствии стал относиться к ним скептически. Так, он бросил несколько многозначительных замечаний, направленных против восхваления евангельской морали адептами христианства: «Как бы прекрасна ни была мораль Нового Завета, вряд ли можно отрицать, что ее совершенство зависит отчасти от того толкования, которое мы ныне вкладываем в его метафоры и аллегории». Этими словами Дарвин выразил мысль, что сейчас мы придаем евангельским поучениям, обычно выраженным весьма просто и иносказательно, такой смысл, который вовсе не имели в виду их авторы.

Наконец после долгих размышлений этот скепсис Дарвина перешел в отрицание; он отказался от своих религиозных воззрений, стал совершенно неверующим человеком. Прозошло это само собою, как это видно

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

из слов самого Дарвина: «Так поемитому закрадывалось в мою душу неверие, и в конце концов я стал совершенно неверующим. Но происходило это настолько медленно, что я не чувствовал никакого огорчения и никогда с тех пор даже на единую секунду не усомнился в правильности моего заключения».²¹

Дарвин отмечает, что над вопросом о существовании личного бога он стал много размышлять в довольно «поздний период своей жизни». Значит, это было в то время, когда он не только окончательно утвердился в идее органической эволюции, но и когда ему стало ясно, что двигателем, пружиной этой эволюции является совершенно стихийный процесс — естественный отбор. Однако, заложив основы своего по существу материалистического учения об органической эволюции, Дарвин еще не сразу порвал с идеей бога, хотя уже убедился в несостоятельности многих религиозных представлений, отраженных в священных книгах.

Напомним, что 28 ноября 1878 г. Дарвин, касаясь злобных нападок на него проповедника Пьюзи, в письме к Ч. Ридли заметил, что этот богослов неправ, когда уверяет, будто «Происхождение видов» написано в некоторой связи с теологией, так как уже во введении к этой книге четко указаны те научные соображения, которые привели его к эволюционному учению. «Но могу добавить, — писал он, — что много лет назад, когда я собирал материал для „Происхождения“, моя вера в так называемого личного бога была настолько же тверда, как и вера самого Пьюзи, что же касается вечности материи, то я совсем не беспокоился относительно таких неразрешимых вопросов. Нападки д-ра Пьюзи будут столь же бессильны задержать хоть на один день веру в эволюцию, как было бессильно пятьдесят лет назад более мощное противодействие духовенства геологии (воззрениям Ляйелля, — Г. Г.) и еще гораздо более древняя борьба католической церкви против Галилея».²²

В связи с этим следует учесть, что Дарвин в своем «Очерке 1844 г.», излагая основные положения своего учения, опасался быть понятым так, что его объяснение

²¹ Там же.

²² D. L. L., vol. III, p. 235—236.

происхождения целесообразных приспособлений организмов необходимо ведет к отрицанию «творца». Идея показать, что естественный отбор действует подобно искусственному и что это вызвано «вторичными законами», т. е. естественными причинами, Дарвин писал: «В согласии с планом, по которому вселенная, по-видимому, управляется творцом, рассмотрим, не существуют ли еще какие-нибудь *вторичные* способы в экономике природы, посредством которых процесс отбора может идти замечательно точно, приспособляя к различным целям организмы, сколько-нибудь пластичные».²³

Следовательно, заложив основы своего эволюционного учения, Дарвин не сразу порвал с идеей бога, хотя уже не мирился с теистической формой этой идеи. В течение некоторого времени он стоял на точке зрения, которая приближалась к деизму: он полагал, что эволюция органического мира протекает на основе закономерностей, которые якобы даны природе «мировым разумом» при создании вселенной. Но по мере того как он разрабатывал и продумывал свою концепцию эволюции живой природы, его покидала всякая вера в бога, так как он сознавал, что эта вера противоречит существу теории естественного отбора. Как мы видели, он совершенно справедливо считал, что эта теория несовместима с теологическим доказательством существования бога, и решительно отстаивал эту точку зрения в своей переписке с учеными.

За полгода до смерти Дарвин в беседе с Эвелингом и Бюхнером сказал: «Я отверг христианскую религию лишь на сороковом году». Его спросили о причине столь долгой медлительности. «С подкупающей искренностью, — рассказывает Эвелинг в своей книге о жизни и деятельности Дарвина, — он ответил, что у него просто не хватало времени думать об этом. Его научная работа настолько поглощала все его время, что у него не оставалось досуга для подробного изучения теологических вопросов. Но некоторое внимание он все же уделил этой теме». На дальнейшие вопросы Дарвин ответил, что позднейшие годы он пытался найти оправдание христианства. На вопрос, почему он все же отверг христиан-

²³ Ч. Д а р в и н. Сочинения, т. 3, с. 135.

ство, Дарвин дал простой, но многоговорящий ответ: «Нет фактических доказательств».²⁴

Эти слова вышли из уст человека, который всякие доказательства оценивал с изумительной тщательностью и безукоризненностью. Приняв во внимание, как добросовестно Дарвин исследовал каждое научное доказательство, как скрупулезно и точно он изображал все стороны любой проблемы, как честно он взвешивал все «за» и «против», мы поймем сокрушающее значение его утверждения, что он не нашел фактических доказательств в пользу христианского вероучения.

3

Как человек, получивший теологическое образование, Дарвин, конечно, хорошо был знаком со всеми богословскими доказательствами существования бога. Поэтому как только начался кризис его религиозных воззрений, он старался хорошенько продумать все эти доказательства, чтобы определить их ценность. При этом особенно обстоятельно он разобрал телеологическое (якобы «объективное») доказательство, т. е. те «аргументы», при помощи которых доказывалось наличие в природе «целесообразяющей силы» или «высшего разума», подойдя к ним главным образом с точки зрения теории естественного отбора.

Веру в существование бога особенно рьяно отстаивал англиканский теолог В. Пейли (1743—1805), книги которого долгое время являлись основными учебниками богословской премудрости в английских университетах. Во время вступительных экзаменов в университет логика этих книг правилась Дарвину, хотя, как он вспоминал впоследствии, предпосылки Пейли его нисколько не интересовали, он «припирал их на веру, очарованный и убежденный длинной цепью доказательств». Благодаря этому богослову широкое распространение у английских натуралистов получила так называемая натуралистическая теология — телеология, которая пыталась «показать бога в природе». Мы уже отметили, что эти ученые были пропитаны идеями «благочестивого естествознания»: они старались доказать, что целесообразность в строении ор-

²⁴ Э. Эвелинг. Чарльз Дарвин (жизнь и деятельность). М., 1923. с. 27.

ганизмов, их приспособленность к окружающей их среде свидетельствует о «премудрости и благодати божьей». Они уверяли, что каждый организм создан богом по «заранее обдуманному плану» в соответствии с условиями той среды, в которой ему придется «по замыслу бога» существовать.

Учение Дарвина полностью опровергло все положения этой биолого-теологической концепции, показав, что все указанные Пейли «чудеса природы» появились исторически под влиянием естественных причин. Характерно, что Пейли толковал о взаимодействии насекомых и растений, об инстинктах животных, о венерической мухоловке и некоторых других вопросах, которые впоследствии нашли гениальную разработку у Дарвина. Но если для Пейли это — чудеса, не подлежащие научному объяснению, то у Дарвина это — лишь наглядные иллюстрации его учения о развитии органической природы под влиянием вполне понятных естественных причин. Тем самым была оправдана гениальная мысль Б. Спинозы (1632—1677), что в основе телеологии лежит неоправданное перенесение на природу утилитарных принципов человеческой деятельности, поэтому она результат принимает за причину.

Касаясь этого важного вопроса, Дарвин прямо писал: «Старинное доказательство [существования бога] на основании наличия в природе преднамеренного плана, как оно изложено у Пейли, доказательство, которое казалось мне столь убедительным в прежнее время, ныне, после того как был открыт закон естественного отбора, оказалось несостоятельным. Мы уже не можем больше утверждать, что, например, превосходно устроенный замок какого-нибудь двустворчатого моллюска должен был быть создан неким разумным существом, подобно тому как твердой замок создан человеком. По-видимому, в изменчивости живых существ и в действии естественного отбора не больше преднамеренного плана, чем в том направлении, по которому дует ветер. Все в природе является результатом твердых законов».²⁵

Не удивительно, что в беседе с Л. Бюхнером и Э. Эвтингом на их вопрос, почему он отверг господствующее учение, Дарвин, как говорилось выше, ответил, что

²⁵ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 9, с. 206.

нет убедительных доказательств в его пользу. Отвечая на вопрос, как объяснить благодетельное в целом устройство мира, Дарвин обратил внимание своих собеседников на то, что многие писатели подавлены обилием страдания в мире. Учитывая как много в мире существ, испытывающих страдания, они выражают сомнения в том, что мир создан для счастья его обитателей и даже в том, хорош ли мир в целом. Сам же Дарвин полагал, что («хотя доказать это было бы очень трудно») счастье преобладает и что это вытекает из тех результатов, которые можно ожидать от действия естественного отбора, поэтому он не был согласен с проповедниками пессимизма Шопенгауэром, Гартманом и др.

Все же для Дарвина было бесспорно, что действие естественного отбора несовершенно, а, как следствие этого, страдания неизбежны. Ведь отбор направлен к тому, чтобы обеспечить каждому живому существу возможность наибольшего приспособления к условиям жизни, а это процесс исключительно сложный. Поэтому Дарвин не находил возможным смотреть на естественный отбор, влекущий за собою гибель неприспособленных существ, т. е. страдания и бедствия, как на средство в руках заботливого провидения.

«Никто, — писал Дарвин, — не оспаривает того факта, что в мире много страданий. В отношении человека некоторые пытались объяснить этот факт, допустив, будто страдание служит нравственному совершенствованию человека. Но число людей в мире ничтожно по сравнению с числом всех других чувствующих существ, а им часто приходится очень тяжело страдать без какого-то отношения к вопросу о нравственном совершенствовании. Существо, столь могущественное и столь исполненное знания, как бог, который мог создать вселенную, представляется нашему ограниченному уму всемогущим и всезнающим, и предположение, что благожелательность бога не безгранична, отталкивает наше сознание, ибо какое преимущество могли бы представлять страдания миллионов низших животных на протяжении почти бесконечного времени? Этот весьма старый довод против существования некоей разумной первопричины, основанный на наличии в мире страдания, кажется мне очень сильным, между тем как это наличие большого количества страданий... прекрасно согласуется с той точкой

зрения, согласно которой все органические существа развились путем изменения и естественного отбора».²⁶

Характерно, что всякий раз, когда Дарвину приходилось высказываться по религиозным вопросам, он возвращался к реальности зла, указывая на то, что наличие страданий в мире чувствующих существ находится в остром противоречии с верой в существование всеблагостного божества. Так, в письме к Аза Грею от 22 мая 1860 г. он писал: «Но сознаюсь, что я не могу так же ясно видеть, как видят другие и как я сам хотел бы видеть, доказательства преднамеренности и благодеяний вокруг нас повсюду. Мне кажется, что в мире существует слишком много несчастья. Я не могу убедить себя в том, что благожелательный и всемогущий бог преднамеренно создал инеймонид с той определенной целью, чтобы они питались живыми телами гусениц; или кошку, чтобы она по предначертанию играла с мышью».²⁷

Нетрудно понять, что Дарвин, говоря о царящих в мире «несчастьях», имел в виду только биологическое зло — уничтожение одних животных другими, влияние на них вредных стихий, физические страдания. Он не касался социального зла — эксплуатации человека человеком, грабительских войн, нищеты народных масс и всяких несправедливостей, хотя никогда не забывал об ужасах рабства и работорговли в колониальных странах. Между тем часть современных богословов и сейчас не обходит эти вопросы; так, некоторые «левые» богословы признавались в невозможности понять, как бог мог допустить невероятные по своей жестокости и масштабам зверства геноциды и геноциды.

Как бы то ни было, Дарвин своим утверждением «в мире слишком много страданий», по существу солидаризировался с тем взглядом, который был выдвинут еще древнегреческими материалистами, а именно: если есть бог, то он один ответствен за зло в мире, так как всемогущее и предоброе существо должно было бы не дать злу возникнуть. Дарвин вполне мог бы повторить слова Эпикура: «Мы должны признавать, что бог или хочет уничтожить зло из мира, но не может, или может, но не хочет, или, наконец, может и хочет. Если он хочет, но не

²⁶ Там же, с. 207.

²⁷ D. L. L., vol. II, p. 312.

может, то он не всемогущ, — это бессилие, что противно природе бога. Если он может, но не хочет, это свидетельство злой воли, что не менее противно природе бога. Если же он хочет и может, что является единственным из предположений, которое может быть применено к богу, то почему же в таком случае на земле существует зло?»²⁸

Однако в своих печатных трудах Дарвин был очень осторожен и не решался прямо высказать эту «богохульную» мысль. Все же, рисуя борьбу живых существ за существование, Дарвин в «Происхождении видов» дает читателю ясно понять, что богословско-идиллический взгляд на живую природу опровергается непреложными фактами, свидетельствующими о борьбе организмов за существование. Например, он там пишет: «Лик природы представляется нам радостным, мы часто видим избыток пищи; мы не видим или забываем, что птицы, которые беззаботно распевают вокруг нас, по большей части питаются насекомыми и семенами и, таким образом, постоянно истребляют жизнь; мы забываем, как эти певцы или их яйца и птенцы в свою очередь пожираются хищными птицами и зверями; мы часто забываем, что если в известную минуту пища имеется в изобилии, то нельзя сказать того о каждом годе и каждом времени года».²⁹

Все же свой анализ борьбы за существование Дарвин в этой своей книге закончил словами, которые в его общем мировоззрении в известной мере звучат диссонансом и являются некоторой уступкой настроением окружающей его буржуазной среды. Там сказано: «Размышляя об этой борьбе, мы можем утешить себя мыслью, что эта война, которую ведет природа, имеет свои перерывы, что при этом не испытывается никакого страха, что смерть обыкновенно разит быстро и что сильные, здоровые и счастливые выживают и размножаются».³⁰

Эту мысль Дарвина старался развить Уоллес, который уверял, что действительные страдания, причиняемые животным борьбой за существование, должны быть ничтожны. Неправильность этой точки зрения еще раньше выявил Гексли, который пришел к заключению, что борьба за существование нередко сопровождается таким

²⁸ Я. Г л а н. Штурм неба. Мысли о религии, отрывки и афоризмы. М., 1932, с. 8.

²⁹ Ч. Д а р в и н. Сочинения, т. 3, с. 315.

³⁰ Там же, с. 326.

жестокостями и страданиями, которые несовместимы с обычным представлением о боге. Поэтому он, как и Дарвин, справедливо считал, что мир не может быть управляем «тем, что называют милосердием».

В своих воспоминаниях престарелый Дарвин рассказывает, что когда-то под влиянием величественных картин природы (например, бразильского леса) у него появилась мысль о том, что в человеке имеется нечто большее, чем простое дыхание его тела. «Но теперь, — писал он, — даже самые величественные пейзажи не могли бы возбудить во мне подобных убеждений и чувств. Могут справедливо сказать, что я похож на человека, потерявшего способность различать цвета, и что всеобщее убеждение людей в существование красного цвета лишает мою пылкую неспособность к восприятию этого цвета какой бы то ни было ценности в качестве доказательства [действительного] отсутствия его. Этот довод был бы несмысленным, если бы все люди всех рас обладали одним и тем же внутренним убеждением в существование единого бога; но мы знаем, что в действительности дело обстоит именно так. Я не считаю поэтому, что подобные внутренние убеждения и чувства имеют какое-либо значение в качестве доказательства того, что бог действительно существует. То душевное состояние, которое в прежнее время возбуждали во мне грандиозные пейзажи и которое было внутренне связано с верой в бога, по существу отличается от состояния, которое часто называют чувством возвышенного; и как бы трудно ни было объяснить происхождение этого чувства, вряд ли можно ссылаться на него как на доказательство существования бога большим правом, чем на сильные, хотя и неясные чувства такого же рода, возбуждаемые музыкой».³¹

Эти замечания Дарвина весьма интересны, и их острота направлена прежде всего против тех «культурных» первоуверенников, которые, не желая ссориться с атеистами, уверяют, будто атеисты напоминают дальтоники. Они (первоуверенники) говорят, что хотя религия — «в природе человека», как дар слова и дар речи, но все же религиозное чувство не всем присуще, как не всем присущи, например, математические или музыкальные способности. Тем самым они пытаются доказать, что интимный мир

³¹ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 9, с. 208.

атенстов якобы гораздо беднее внутреннего мира верующих.

Как известно, христианские церковники особенно изощряются в восхвалении евангельской морали. Нам известно, что Дарвин, вскользь касаясь этого вопроса, выразил ту мысль, что сейчас евангельским поучением, обычно выраженным весьма темно и инсказательно, христианская церковь придает такой смысл, какой вовсе не имели в виду их авторы. По-видимому, Дарвин вполне согласился бы с утверждением современного религиозного модерниста К. Льюиса, который отметил, что утверждение: «христианство принесло в мир моральный кодекс» — это серьезное заблуждение.

Дарвин жил и умер как совершенно неверующий человек, очень далекий от всяких фантазий о загробном существовании. Знаменитый антрополог Артур Кизе (1866—1955), прекрасный знаток жизни и деятельности Дарвина, в своей биографии великого натуралиста писал: «Я сомневаюсь, можем ли мы в каком бы то ни было смысле считать Дарвина религиозным человеком»³²

Характерно, что последние слова, сказанные Дарвином на смертном одре 18 апреля 1882 г., были: «Я несколько не боюсь смерти». А между тем смерть его была тяжелая, так как она последовала в результате тяжелой и длительной болезни.

Следует отметить, что жизнь Дарвина поучительна в особенности для всякого рода пессимистов, которых главным образом смущает неизбежность смерти, сознание о которой буквально омрачает им существование. Ведь болезнь мучила его в течение сорока лет, причем ему пришлось пережить кончину дорогих ему людей (особенно глубоко ранила его смерть юной дочери). Дарвин, однако, не стал пессимистом, не предавался разглагольствованиям о суетности жизни: он любил жизнь и в меру сил пользовался ею, так как она давала ему возможность делать его любимое и важное дело. 6 ноября 1872 г. Дарвин в письме к своей приятельнице Халибуртон писал: «Если исключить постоянную болезненность, отдалившую меня от общества, моя жизнь была прескучная».³³

³² A. Keith. Darwin revalued. London, 1955, p. 233.

³³ D. L. L., vol. III, p. 175.

Говоря об отношении Дарвина к религии, следует учесть не только пасторское окружение великого ученого, но и то обстоятельство, что ближайшие его ученые друзья и соратники в той или иной форме цеплялись за религиозное мировоззрение. Так, Ляйелль был теистом, Аза Грей стремился сочетать дарвинизм с «естественной теологией», а Уоллес с присущей ему настойчивостью пытался доказать необходимость веры в какой-то «высший разум». Аргументы этих ученых, ливших воду на мельницу мистицизма, не производили на Дарвина никакого впечатления: в споре с ними он в основном проявил себя как материалист. Как мы видели, он неоднократно давал ясно понять, что бессмысленно апеллировать к какому-то высшему существу, якобы управляющему природой и руководящему ходом истории, поскольку такого высшего существа вообще нет.

Защитники религиозных вероучений обычно замалчивают те из приведенных нами высказываний Дарвина об его отношении к религиозному мировоззрению, которые отсутствуют в его печатных трудах, но содержатся в его переписке или же предназначены были только для его детей и внуков. А между тем именно эти высказывания, поражающие своей искренностью, представляют особый интерес, так как не только не вяжутся с утверждением, что этот гениальный ученый защищал религиозные идеи, полился и т. д., а недвусмысленно, неопровержимо свидетельствуют о его фактическом разрыве с религией.

Несмотря на это, фиденсты обычно объявляют Дарвина теистом и «доказывают» это тем, что в заключительных строках второго издания «Происхождения видов» встречается неудачное выражение, которое отсутствует в первом издании, — что «творец первоначально вдохнул жизнь в одну или несколько форм. Эта фраза дала повод биологу Джеду, бывшему другом Дарвина, считать, что Дарвин верил в бога как «создателя новых форм» и что поэтому эволюционистов не следует относить к категории преднамеренных атеистов». Точно так же философ Эстерлейх говорит, что «для первичных организмов Дарвин полагал их сверхмеханическое (нематериальное, — Г. Г.) возникновение путем божественной творческой силы». Это, однако, совсем не так, ибо подобное упоминание бога

больше у Дарвина нигде не встречается, хотя слово «творение» или «создание», обозначающее не обязательно вмешательство высшей силы, он употребляет несколько раз.

Еще 25 декабря 1859 г. Дарвин в письме к Гексли, касаясь своей фразы «одна начально созданная форма», отметил: «Под этим я подразумевал только то, что пока мы еще ничего не знаем о том, как началась жизнь».³⁴ Совершенно справедливо уже в 1862 г. Гексли писал, что если Дарвин для первичного организма, из которого мало-по-малу произошли все другие, принимает еще особый акт творения, то «это во всяком случае не последовательно и, как мне кажется, он не думал об этом серьезно».

Вышеупомянутая фраза впервые встречается у Дарвина в заключении его «очерка 1842 г.», а затем она приведена почти без изменения в конце «очерка 1844 г.», причем в обоих этих очерках мы читаем что «жизнь... была первоначально вдохнута в материю». Точно так же в первом издании «Происхождения видов» сказано, что «жизнь... была первоначально вдохнута в одну или ограниченное число форм». Однако начиная со второго издания этой книги Дарвин отбросил первоначальную безличную форму, заменив слова «была первоначально вдохнута» словами «творец первоначально вдохнул». Конечно, это было ошибкой Дарвина, который этой фразой, как видно из ряда его писем, хотел выразить лишь то, что процесс происхождения жизни пока что совершенно неизвестен, хотя он не сомневался в том, что жизнь возникла из неорганической материи на основе естественных законов. Слово «творец» он употребил вместо выражения «неизвестная сила природы», так что в сущности он, подобно великому материалисту Б. Спинозе, смотрел на божью волю как на «убежище невежества».

Впоследствии Дарвин считал эту фразу совершенно неудачной и даже очень сожалел о том, что прибегал к библейскому термину в своем чисто научном труде. Так, 29 марта 1863 г. Дарвин писал Гукеру: «Но я уже давно сожалею, что уступил общественному мнению и употребил выражение Пятикнижия — „сотворение,“ под которым я на самом деле только подразумеваю „появление“

³⁴ Там же, т. II, с. 251.

ние“ вследствие какого-то совершенно неизвестного нам процесса». ³⁵

Не случайно в 1878 г. в майской книжке «Душеполезного чтения» появилась статья анонимного церковника, который в этой злополучной фразе увидел «попытку Дарвина помирить свою теорию с религиозно-нравственным чувством христианина». Он подчеркивал, что эта теория коренным образом противоречит религиозному мировоззрению, по «Дарвин хочет и прослыть передовым мыслителем, и боится упреков в атеизме», и в этом он увидел «изуитскую сделку» Дарвина с совестью. Но как бы то ни было, надо согласиться с лютым противником дарвинизма, реакционным биологом А. А. Тихомировым, который выпущден был отметить, что упоминание Дарвином «творца» было ни к чему не ведущей и по существу не стоящей в согласии с дарвиновским мировоззрением уступкой.

Характерно, однако, что Дарвин, сожалея об этой уступке «общественному мнению», в конце концов все же сохранил в своем изложении эту библейскую фразу, не решаясь ее выкинуть и тем публично выразить свой разрыв с религией. В этом сказалось одно из проявлений основной «беды» Дарвина — его «сделка» с «респектабельной» публикой, т. е. его неумение или нежелание выйти за рамки буржуазной идеологии, хотя он и признавал, что его собственное учение восстает против этих узких рамок. В настоящее время вряд ли можно сомневаться в том, что только под сильным давлением своей религиозно настроенной жены Дарвин ввел во второе издание «Происхождения видов» досадное упоминание о творце и решался удалить его из всех последующих изданий этой книги.

Следует иметь в виду, что вопрос: способна ли неживая материя породить жизнь? — имеет принципиальный характер, так как в нем особенно резко сталкиваются позиции религии и атеизма. В связи с этим важно отметить, что Дарвин решительно давал на него положительный ответ, хотя в то время конкретно об этой проблеме можно было чрезвычайно мало сказать. Он резко расходился в этом вопросе с Уоллесом, который стоял на позициях витализма, т. е. был принципиальным против-

³⁵ Там же, т. III, с. 118.

ником представления о возможности превращения неживой материи в живую без посредства живой. Дарвин не без основания считал, что в настоящее время на земле уже нет условий для появления жизни, и что если бы живое вещество и образовалось, то оно сейчас же было бы уничтожено или поглощено.

В 1872 г. Дарвин писал Уоллесу, что хотел бы дожить до того, когда в лаборатории химическим путем была бы доказана возможность возникновения живой материи из неживой, так как «это было бы открытие высочайшего значения». В самые последние дни своей жизни, 28 февраля 1882 г. Дарвин в письме к геологу Д. Макинтошу (1815—1891) прямо сказал: «Хотя, по моему мнению, до сих пор не было выдвинуто сколько-нибудь стоящих доказательств в пользу образования живого вещества из неорганической материи, все же мне кажется, что такая возможность когда-нибудь будет доказана на основании закона непрерывности. Я помню время, свыше пятидесяти лет назад, когда говорили, что никакая субстанция, встречающаяся в живом растении или животном, не может быть образована без участия жизненных сил. В отношении внешних форм Еозооп показывает, сколь трудно отделить организованные тела от неорганизованных».³⁶

Под «законом непрерывности» Дарвин, как мы видели, понимал принцип естественной закономерности, исключаящий какое-либо вмешательство бога в взаимосвязь вещей и явлений. Важно отметить, что взгляды Дарвина на происхождение жизни получили дальнейшее развитие и обоснование в трудах Энгельса, в исследованиях современных биологов, в особенности советского биохимика академика А. И. Опарина.³⁷ Во всяком случае в настоящее время естественные науки (в особенности биохимия) довольно близко подошли к решению проблемы происхождения жизни, не оставив сомнения в том, что жизнь возникла естественным путем в ходе закономерного саморазвития неорганической материи.

Впрочем, некоторые богословы готовы теперь признать, будто вера в бога совместима с представлением, что жизнь самородилась из неживой материи. Так, като-

³⁶ Ч. Д а р в и н. Избранные письма, с. 280.

³⁷ А. И. О п а р и н. Жизнь, ее природа, происхождение и развитие. М., 1961.

лический перомонах Ф. Лелотт пишет: «...если жизнь появилась из материи, то это значит, что бог вложил в материю возможность, в силу которой она, будучи предоставленной самой себе, при определенных условиях своего строения, температуры и проч. могла оживиться».³⁸ Но это только пустословие: на деле же в присущей материи способности к саморазвитию нет ничего божественного и вообще сверхъестественного, и это было яснее ясного для Дарвина.

Как известно, некоторые защитники религиозного мировоззрения утверждают, что вера в сверхъестественное, религиозность являются тем главным, что отличает человека от животного. Поэтому Энгельс, читая книгу Ляйелля «Древность человека», обратил внимание на то, что этот ученый, «перебрав всех естествоиспытателей в тщетных поисках доказательств качественного различия между человеком и обезьяной, ...цитирует, наконец, и архиепископа Кентерберийского, утверждающего, что человек отличается от животных благодаря религии».³⁹

Дарвин в «Происхождении человека» решительно отрицает это утверждение и доказывает, что человек не может быть назван религиозным по природе своей сущности, ибо религия не дана от природы человеку: она возникла из суеверий дикарей лишь на определенной стадии умственного развития людей. При этом он резонно отмечает, что вопрос о возникновении веры в божество не имеет ничего общего с вопросом, существует ли вообще творец и управитель вселенной».

Дарвин приветствовал те работы об эволюции религии, которые показывают, что нет принципиальной разницы между древнейшими и современными религиозными верованиями. 24 сентября 1871 г. он писал этнологу Б. Тэйлору (1832—1917): «Надеюсь, вы позволите мне сказать вам, насколько сильно я заинтересовался вашей „Первобытной культурой“, которую только что закончил читать. Мне она кажется весьма глубоким произведением, которое, конечно, останется навсегда и будет служить руководством на многие годы. Вы удивительным образом прослеживаете анимизм, начиная с низших рас

³⁸ Ф. Лелотт. Решение проблемы жизни (христианское мировоззрение). Пер. с франц. Брюссель, 1959, с. 89.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 30, с. 277.

и кончая религиозной верой самых высших рас». ⁴⁰ Следует все же отметить, что, хотя собранный Тэйлором материал об анимизме чрезвычайно важен для выяснения эволюции религиозных верований, этот ученый совершенно ошибочно рассматривал религию как творение первобытных «дикарей-философов», размышлявших о тайнах жизни, смерти и природы.

Резюмируя свои мысли по этому вопросу, Дарвин писал: «На веру в бога часто указывали не только как на одно из самых сильных, но и как на самое полное из различий между человеком и низшими животными. Невозможно, однако, ... утверждать, что эта вера врождена или инстинктивна у человека. Но, с другой стороны, верование в распространенных повсюду духовных деятелей является, кажется, всеобщей и, по-видимому, составляет плод значительного развития рассуждающих способностей человека и еще большего развития таких способностей, как воображение, пытливость и удивление. Я знаю, что многие ссылаются на паличие этой предполагаемой инстинктивной веры в бога как на доказательство его существования. Но такое заключение слишком поспешно; допустив его, нам пришлось бы верить в существование многих жестоких и злобных духов, обладающих несколько большей властью, чем человек, потому что верование в них несравненно больше распространено, чем вера в благодетельное божество. Понятие о едином и благодетельном творце не рождается, по-видимому, в уме человека до тех пор, пока он не достигнет высокого развития под влиянием долговременной культуры». ⁴¹

Надо все же учесть, что это «высокое развитие» было весьма относительно и связано было главным образом с возникновением у человека абстрактных понятий, т. е. отвлеченного мышления. Особенно важно то, что Дарвин не только доказывал, что на заре сознательного развития человек не знал религии, но считал, что еще в его время существовали народы, которым чуждо было какое бы то ни было религиозное чувство и которые в своем языке не имели даже слов для выражения понятия божества. Дарвин рассказывает, что, находясь среди отсталых народов, жителей Огненной Земли, он никак не мог заметить, чтобы

⁴⁰ D. L. L., vol. III, p. 151.

⁴¹ Ч. Д а р в и н. Сочинения, т. 5, с. 650—651.

они верили в то, что называется божеством, или имели какие-нибудь религиозные обряды. Те из этнографов и историков первобытной культуры, которые являются апологетами религии (Шмидт, Копперс и др.), всячески пытались опровергнуть эти взгляды Дарвина, но — безуспешно.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что, касаясь работ Тэйлора, Леббока и Спенсера о возникновении религиозных верований из анимизма, т. е. из представлений о бестелесных духах, которыми якобы надделены вещи, Дарвин высказал мысль, впоследствии забытую и лишь недавно воскресшую в работах Маретта, Нильсона и их последователей. В одном примечании к «Происхождению человека» Дарвин написал: «...я не могу удержаться от предположения, что существовала еще более ранняя и примитивная ступень, когда все, в чем обнаруживалась сила или движение, должно было считаться одаренным какой-то жизнью и умственными способностями, подобными нашим собственным».⁴² Эту стадию, еще более раннюю чем анимизм, Маретт и называет «аниматизмом» (или «панвивизмом»), т. е. стадией всеобщего оживотворения природы, перенесения на нее основных свойств живых существ — движения, воли и т. д. или «преанимизмом», верой в существование сверхъестественной безличной силы.

В связи с высказанным предположением Дарвин приводит следующий случай из своих наблюдений: «Моя собака, взрослое и умное животное, лежала на траве в жаркий тихий день. На небольшом расстоянии от нее легкий порыв случайно пошевелил раскрытый зонтик — обстоятельство, на которое собака не обратила бы, вероятно, ни малейшего внимания, если бы кто-либо находился возле. Но так бы то ни было, но всякий раз, как зонтик шевелился, собака начинала сердито ворчать и лаять. Вероятно, она образила быстро и подсознательно, что движение зонтика без всякой видимой причины обличает присутствие какого-нибудь неизвестного живого существа, а никто чужой не имел права вступать в ее владения».⁴³

Между прочим, некоторое отдаленное сходство с религиозным чувством Дарвин видел в привязанности со-

⁴² Там же, с. 211.

⁴³ Там же, с. 211—212.

баки к своему хозяину, в ее горячей любви, соединенной с полной покорностью, некоторой боязнью и, может быть, еще с другими чувствами. Дарвин отметил: «Поведение собаки, возвращающейся к хозяину после долгой разлуки — я могу прибавить — обезьяны при виде любимого сторожа совершенное иное, чем при встрече со своими товарищами. В последнем случае радость не так сильна и чувство равенства выражается в каждом действии».⁴⁴ Однако эта аналогия неправильна, ибо корни религиозного чувства не биологические, а исключительно социальные.

Беспомощность дикарей в борьбе с враждебными им силами природы породила веру в сверхъестественные силы, так как бессилие обычно порождает у человека страх, а страх способен подавить возможность отличить реальное от фантастического. Недаром В. И. Ленин, говоря о корнях или источниках религии, указывал на связь чувства страха с религией и поэтому цитировал знаменитое изречение древнеримского мыслителя и поэта Стация: «Страх создал богов». Не без основания психолог В. Джемс отметил, что «истинный корень» религии заключается в вопле: «Помогите! Спасите!».

По-видимому, в известной мере это понимал и Дарвин, так как в связи с вопросом о происхождении религии он привел следующие слова Леббока: «Мы можем сказать без преувеличения, что смутный ужас перед неведомым злом висит подобно черной туче над жизнью дикаря и отравляет ему всякую радость».⁴⁵ Эта мысль подтверждена исследованиями и позднейших ученых; так, один эскимос прямо сказал этнологу К. Расмуссену: «Мы боимся! Боимся того, что видим вокруг себя, и боимся того, о чем говорят предания и сказания. Поэтому мы держимся своих обычаев и соблюдаем наши табу».⁴⁶

Хотя религия основана на слепой вере (вспомним «верю, потому что абсурдно!»), богословам в целях «показательства» существования бога давно уже приходится в известной мере прибегать к разуму — логическому мышлению. Задумываясь над этими «аргументами», Дарвин пришел к заключению, что они ничего не стоят, что они противоречат не только основным положениям его учения

⁴⁴ Там же, с. 212.

⁴⁵ Там же, с. 213.

⁴⁶ К. Расмуссен. Великий санный путь. М., 1958, с. 82—83.

и вообще естественнонаучным фактам, но и просто здравому смыслу. Мы видели, что он не считал убедительным и выдвинутый богословами «довод от сердца» — их утверждение, что указанием на существование разумного бога якобы является глубокое «внутреннее чувство», переживаемое людьми при различных обстоятельствах и особенно при созерцании природы. Ведь неоспоримо, что эти ощущения вовсе не бывают одинаковыми у всех людей, а потому они никак не могут быть веским доказательством существования бога.

5

Дарвин никогда не мог спокойно говорить об отношении церковников к его личности и учению, что видно хотя бы из следующего места его письма к пастору Дж. Броди-Иппесу, написанному в преклонном возрасте: «Не помню, чтобы я когда-нибудь опубликовал в печати хотя бы одно слово против религии духовенства. Но если бы вы прочли брошюрку, которую я получил два дня тому назад, составленную пастором, вы посмеялись бы и согласились, что у меня есть повод к оскорблению. Осыпав меня бранью на двух-трех страницах, в выражениях достаточно ясных и сильных... он заключает, что напрасно искал на английском языке слов для выражения своего презрения ко мне и ко всем дарвинистам».⁴⁷

Действительно, в своих книгах Дарвин не только нигде не указывал на явно атеистический характер своего учения и мировоззрения, но и не любил, когда его называли атеистом. Ведь, как мы видели, он в значительной мере находился в идеологическом плену «добропорядочного» английского общества, где слово «атеист» являлось и является еще поныне чуть ли не ругательством. Не без основания Энгельс осмеивал религиозное ханжество английского «респектабельного среднего класса», рассматривавшего атеистов как людей не только грубых, неотесанных, но и безнравственных.

Современник Дарвина, английский атеист Чарлз Бредлоу (1833—1891) за свои произведения несколько раз подвергался судебным преследованиям. Рисуя положение неверующего в «просвещенной» Англии, он писал: «На неверующих смотрят с чувством отвращения, и поэтому

⁴⁷ D. L. L., vol. II. p. 289.

они принуждены в большинстве случаев скрывать свои убеждения и вести такой образ жизни и следовать таким обычаям, которые противны их совести... Человек, который открыто заявляет, что не верит в христианство, подвергается бесчисленным неприятностям и самому недостойному обращению. Огромное большинство его сограждан смотрят на него с ужасом, отвращением или презрением. Он становится в число ужасных злодеев; все его действия истолковываются в дурную сторону; самые благородные стремления служить человечеству признаются подозрительными. Свободное выражение своих взглядов, которые он считает существенно важными для счастья человечества, в высшей степени ограничено. Его ближайшие друзья и родные начинают относиться к нему холодно и не упускают случая позорить самые дорогие его убеждения». ⁴⁸

Характерно, что Бредлоу, избранный после больших затруднений в парламент, был исключен из него за отказ дать религиозную присягу. В таких условиях неудивительно, что в Англии, как и в других буржуазных странах, даже гениальные ученые в той или иной мере находились (и продолжают находиться) в идеологическом плену господствующих классов не только в политико-социальных, но и мировоззренческих вопросах. По этой именно причине Дарвин, как мы видели, не имел правильного представления о том, что такое атеизм и каковы его научно-философские основы, поэтому он даже в своих письмах к своим друзьям-ученым отмечал, что не имел никакого намерения прослыть атеистом.

Эвелинг рассказывает, что когда он 28 сентября 1881 г. с Бюхнером зашли к Дарвину, у них не было ни какого намерения направить разговор со стариком на религиозную тему. «Во время завтрака, — пишет Эвелинг, мы беседовали о научных вопросах. Позже, в рабочей комнате Дарвина, где он предавался послеобеденному отдыху и курил папиросу, он сам как-то вдруг завел разговор о религии... Первый вопрос Дарвина, обращенный к нам, был: „Почему вы называете себя атеистами?“. Этот вопрос показывает, что он, погруженный в свои биологические занятия, не поддерживал никаких связей с религиозной

⁴⁸ Ч. Бредлоу. Атеизм (естественная религия). СПб., 1907 г. с. 34—35.

борьбой своего времени, точно так же как находился вне всякого отношения к борьбе между капиталом и трудом, которая происходила, если можно так выразиться, перед самими его дверьми». ⁴⁹

Когда же Эвелинг и Бюхнер высказали Дарвину свои доводы, стало ясно, что великий ученый все время придерживался распространенного в буржуазном обществе ошибочного толкования слова «атеист». Эвелинг и Бюхнер вкратце изложили основные идеи атеизма: они потому атеисты, что не имеется никаких доказательств существования бога, что изобретение названия или имени несколько не объясняет явлений, что все человеческие знания приобретаются естественным путем и что к помощи сверхъестественного прибегают лишь тогда и там, когда и где кончается знание. Наконец, они указали Дарвину, что так как существование бога совершенно не доказано, то они обходятся без бога и, следовательно, все интересы и надежды связаны с этим и только с этим миром.

Как сообщает Эвелинг, можно было легко заметить, что во время происходившей беседы и уяснения этих взглядов в Дарвине произошла перемена: он пункт за пунктом соглашался с доводами двух атеистов. В заключение Дарвин сказал своим гостям: «Я думаю точно так же, как и вы, только слову „атеист“ я предпочел бы название „агностик“». ⁵⁰ Из этих слов Дарвина видно, что в его мировоззрении особенно ясно проявились недостатки, свойственные буржуазному свободомыслию: он был не воинствующим, а стыдливым атеистом, так как далеко не порвал с буржуазной «добропорядочностью» и вследствие этого не имел правильного представления о материализме. Важно, однако, то, что гениальный натуралист не только, подобно всем атеистам, отрицал божественное творение и прочие «истины веры», но и вообще выступил против основы основ всякой религии — супранатурализма. Так, он и слышать не хотел об аргументах Уолса в пользу идеалистического мировоззрения в связи чисто религиозным подходом этого крупного ученого как к вопросам о происхождении жизни и человека, так и к вопросу о спиритизме. На Дарвина эти доводы не про-

⁴⁹ Э. Эвелинг. Ч. Дарвин и К. Маркс. — «Научное обозрение», 1897, № 10.

⁵⁰ Э. Эвелинг. Чарльз Дарвин. жизнь и деятельность. с. 26.

изводили абсолютно никакого впечатления, так как он не видел никаких оснований апеллировать к каким-то таинственным факторам при решении трудных вопросов, касающихся природы. Поэтому он решительно не хотел согласиться с теологическими и телеологическими выводами, которые Аза Грей, Ляйелль и некоторые другие натуралисты пытались делать из теории естественного отбора. Это свое несогласие Дарвин, как мы видели, довольно четко выразил в заключительных строках своей книги «Изменения домашних животных и культурных растений» и в этом вопросе не хотел уступать, считая свое мнение неотразимым.

Стараясь убедить Аза Грея в неправильности его чисто богословского представления о «предначертанных законах» и «предначертанных результатах», Дарвин прибегал к очень удачным, простым и доходчивым примерам. Так, он писал ему в июле 1860 г.: «Я вижу птицу, которая мне нужна для пищи, беру ружье и убиваю ее. Я делаю это преднамеренно. Ни в чем неповинный и добрый человек стоит под деревом; внезапная вспышка молнии убивает его. Верите ли Вы (мне, право, очень хотелось бы знать это), что бог преднамеренно убил этого человека? Многие лица, и даже большинство, верят в это; я же не могу и не верю. А если вы в это верите, то верите ли вы также в то, что когда ласточка ловит мошку, то именно бог предназначил так, чтобы эта самая ласточка поймала бы эту самую мошку в это самое мгновение? Я думаю, что человек и мошка находятся в одинаково опасном положении. Если ни смерть человека, ни смерть мошки не предначертаны, то я не вижу повода верить также и в то, что их первое рождение или происхождение непременно должны быть предначертаны».⁵¹

К этому вопросу Дарвин возвращался неоднократно, на разные лады стараясь обосновать свою материалистическую, по существу антирелигиозную точку зрения. «Уже если что-нибудь предусмотрено планом, — писал он 11 декабря 1861 г. Аза Грей, — то это безусловно человек: это нам говорит наше „внутреннее сознание“ (являющееся, впрочем, тоже неверным руководителем), однако же я никак не могу допустить, чтобы рудиментарные соски у мужчин были предусмотрены. Если бы мне нужно

⁵¹ D. L. L., vol. I, p. 314—315.

было сказать, что я верю в это, то я бы признал, что эта моя вера есть нечто столь же невероятное, как вера ортодоксальных людей в троицу в одном лице». ⁵²

Не решаясь стать на эту точку зрения, Аза Грей задал Дарвину «щекотливый» вопрос о том, что могло бы убедить Дарвина в существовании цели, предначертанности в природе, рассчитывая этим поставить Дарвина в тупик. На это Дарвин отметил ему коротко и просто: «Ваш вопрос, что может убедить меня в преднамеренном плане, это — позировка. Если бы я увидел ангела, сошедшего к нам, чтобы научить нас добру, и если бы я убедился со слов посторонних, тоже видевших его, что я не сошел с ума, то тогда я поверил бы в предначертанный план. Если бы я мог убедиться в том, что жизнь и разум каким-то неведомым образом являются функцией другой неведомой силы, то я убедился бы. Если бы человек был сделан из меди или железа и никаким образом не был бы связан ни с каким другим организмом, когда-либо существовавшим, то я бы, может быть, убедился. Но ведь все это — детские бредни». ⁵³

Как известно, религиозные люди обычно ставят всякому атеисту такой вопрос: если человек окончательно отказался от веры в личного бога и в загробную жизнь, то что же может заменить ему утраченную веру? Касается этого вопроса и Дарвин, и он (если отвлечься от некоторой ошибочной терминологии) отвечает на него так, как должен был ответить атеист и вместе с тем гуманист, т. е. отбросил всякие разговоры об аморальности безбожия.

Он писал: «Человек, не обладающий твердой и никогда не покидающий его верой в существование личного бога или в будущую жизнь с ее воздаянием и наградой, может, насколько я в состоянии судить, избрать в качестве правила жизни только одно: следовать только тем импульсам и инстинктам, которые являются наиболее сильными или кажутся ему наилучшими. В этом роде действует и собака, но она делает это слепо, между тем как человек может предвидеть и оглядываться назад и сравнивать различные свои чувства, желания и воспоминания. И вот, в согласии с суждением всех мудрейших людей,

⁵² Там же, т. II, с. 382.

⁵³ Там же, с. 377.

он обнаруживает, что наивысшее удовлетворение он получает, если следует определенным импульсам, а именно социальным инстинктам. Если он будет действовать на благо других людей, он будет получать одобрение со стороны своих близких и приобретать любовь тех, с кем он живет, а это последнее и есть несомненно наивысшее наслаждение, какое мы можем получить на нашей Земле. Постепенно для него будет становиться невыносимым охотнее повиноваться своим чувственным страстям, нежели своим высшим импульсам, которые, когда они становятся привычными, почти могут быть названы инстинктивными. По временам его разум может подсказывать ему, что он должен действовать вразрез с мнением других людей, чье одобрение он в таком случае не заслужит, но он все же будет испытывать полное удовлетворение от сознания, что он следовал своему глубочайшему убеждению или совести». ⁵⁴

Для всех близко знавших Дарвина было ясно, что он является совершенно неверующим человеком, что он по сути дела окончательно порвал с религиозным мировоззрением. Еще в конце 1876 г., при жизни Дарвина, известный реакционный английский историк и публицист Томас Карлейль (1795—1881), выступая в печати против дарвинизма, назвал это учение «евангелием грязи». Он обвинял это учение в том, что благодаря ему целое поколение людей, считающих себя культурными, «не находят бога во вселенной» и поэтому забыли поучение катехизиса, что великая цель человека — «славить господи и вечно радоваться ему». При этом он прямо заявил: «Я знал три поколения Дарвинов — деда, отца и сына, — все атеисты!».

К этому Карлейль добавил: «Несколько месяцев назад я видел натуралиста; я сказал ему, что читал его „Происхождение видов“ и другие сочинения и что он никоим образом не убедил меня в том, будто люди произошли от обезьян, но гораздо более преуспел убедить меня, что он и его так называемые научные собратья весьма близко привели современное поколение англичан к обезьянам. Прекрасный человек этот Дарвин и с добрыми намерениями, но с очень слабым интеллектом». Сам же Дарвин в своей автобиографии, говоря о Карлейле, отметил, что

⁵⁴ Ч. Дарвин. Сочинения. т. 9, с. 209.

он никогда не встречал человека, который по складу своего ума был бы в такой степени «неспособен к научному исследованию».

Характерно, что в Англии тогда не нашлось ни одного журналиста, который выступил бы против нападок Карлейля на учение Дарвина. Не лучше обстояло дело в Германии, где реакционеры во главе с церковниками обрушились на известного физиолога Э. Дюбуа-Реймона (1818—1896) за его речь «Дарвин и Коперник», произнесенную в память великого натуралиста в 1883 г. на годичном заседании Берлинской академии наук. В газетных статьях они возмущались тем, что в этом официальном научном учреждении его ответственный секретарь публично воздавал почести «злейшему и опаснейшему атеисту». Особенно негодовал придворный капеллан Штеккер, представитель так называемого ортодоксального духовенства. Не довольствуясь «сокрушением» дарвиновского атеизма с церковной кафедры, он внес по этому поводу запрос в прусский ландтаг. Там дебаты по поводу чествования памяти Дарвина заняли целое заседание, причем на стороне дарвинофобов выступил не только министр народного образования, но и известный натуралист Вирхов, который еще раньше уверял: «Мы стоим на пороге одного научного банкротства, последствия которого еще нельзя учесть; дарвинизм должен быть вычеркнут из ряда научных теорий». Не случайно, как было уже отмечено, Дарвин говорил об «отвратительности поведения» Вирхова.

Все эти факты являются ярким свидетельством справедливости замечания Маркса, что для ученых, стоящих на буржуазных позициях, при оценке ими научных воззрений дело идет «не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, подливой апологетикой».⁵⁵

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, с. 17.

1

Пастор Дж. Броди-Иннес, бывший долгое время викарием в Дауне, где жил Дарвин, поддерживал дружеские отношения с великим натуралистом. Он выступал в защиту двойственности истины, стремящейся отделить друг от друга науку и религию, но Дарвин «никогда вполне не соглашался» с ним относительно какого бы то ни было научного вопроса, имеющего мировоззренческий характер. Однажды, когда Иннес заговорил о «видимом противоречии» между некоторыми научными открытиями и книгой Бытия, Дарвин с целью не обострить спор, сказал ему: «Вы — богослов, я — натуралист, пути у нас разные. Я не нападаю на Моисея, и думаю, что Моисей может постоять за себя».¹ Отсюда, конечно, далеко не следует, что Дарвин в какой-то мере считал правильным богословское учение о двойственной истине, — он знал, что истина только одна.

Дарвин писал: «Нет ничего более замечательного, чем распространение религиозного неверия, или рационализма, на протяжении второй половины моей жизни».² К этому следует добавить, что навряд ли кто-либо из натуралистов более чем сам Дарвин способствовал этому отрадному явлению (которое он немного переоценил) в идеологической области. И это только потому, что его эволюционное учение, произведшее переворот в биологических науках и повлиявшее на все другие науки, имеет ясно выраженный материалистический характер.

В своих книгах и особенно в своей переписке Дарвин неоднократно давал понять, что если его учение называют материалистическим и атеистическим, то такое определе-

¹ D. L. L., vol. II, p. 288.

² Ч. Д а р в и н. Сочинения, т. 9, с. 240.

ние следует дать всему естествознанию. На ряде примеров из истории естествознания (особенно в связи с открытием закона всемирного тяготения) Дарвин ясно показал, что по сути дела он лишь применяет обычные методы естественных наук, в основе которых лежит объяснение природы естественными причинами, присущими ей закономерностями. При этом, отвечая своим оппонентам, он заметил: «Возражение, что наука до сих пор не пролила света на гораздо более высокие задачи о сущности и начале жизни, не имеет значения. Кто возьмется объяснить сущность всемирного тяготения? Никто теперь, конечно, не возражает против выводов, вытекающих из этого неизвестного начала притяжения, несмотря на то что Лейбниц когда-то обвинял Ньютона в том, что он вводит „в философию таинственные свойства и чудеса“».³

Нетрудно видеть, что подобными экскурсами в историю естествознания Дарвин не без успеха пытался «утешить» своих религиозно настроенных читателей тем, что раньше или позже им все же придется примириться с его учением, которые церковники считают антирелигиозным. Но этим Дарвин только лишний раз показал, что он как подлинный натуралист в своих областях знания прочно стоял на стихийно-материалистических позициях, т. е. категорически исключал всякие сверхъестественные влияния в природе. Этому естественноисторическому материализму В. И. Ленин уделял много внимания, определив его как стихийное, несознаваемое, неоформленное, философски-рассознательное убеждение подавляющего большинства естествоиспытателей в объективной реальности внешнего мира, отражаемой нашим сознанием».⁴ К этому следует прибавить следующее важное указание Ленина: «Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм».⁵

Все же Дарвин, подобно многим буржуазным атеистам, не разрешил для себя некоторых важных вопросов общего мировоззрения, непосредственно не связанных с его конкретными естествонаучными работами. Так, касаясь религиозного мировоззрения, он неизменно стал-

³ Там же, т. 3, с. 659.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, 367.

⁵ Там же, с. 159.

кивался со старым вопросом, являющимся одним из важнейших философских вопросов: вечна ли природа или она имеет начало во времени? В этом вопросе Дарвин проявил колебания и неуверенность; он это вполне сознавал и объяснял тем, что слаб в абстрактном мышлении, а вследствие этого не мог успешно заниматься философией. Так, в письме к упомянутому фидеисту В. Грехему от 3 июня 1881 г. Дарвин замечает: «Я не имею практики в абстрактном мышлении и могу в своих мыслях идти по совершенно ложному пути». Недаром Гексли писал, что Дарвин не выносит чистых умозрений, как природа не терпит пустоты.

Дарвин был хорошо знаком с взглядами философа Герберта Спенсера (1820—1903), который в вопросе об отношении между наукой и религией пытался стать «над» наукой и религией. Этот мыслитель уверял, будто атеизм, признающий извечность вселенной, и теизм, утверждающий сотворение ее каким-нибудь внешним деятелем, — это одинаково непредставимые и немыслимые допущения, так как каждое из них приводит в конце концов к недоступному для нас понятию чего-то, что существует само по себе.

Спенсер правильно отметил, что самосуществование, т. е. существование, независимое от какого-либо другого, непроеизведенное кем-либо другим, есть просто косвенное отрицание сотворения и что, устраняя, таким образом, идею о всякой предшествующей причине, мы по необходимости исключаем идею о первоначале. Но, заявляет Спенсер, никакими усилиями ума невозможно представить себе существование без начала и без предшествующей причины. С другой стороны, продолжал он, по общепринятой или теистической гипотезе, вселенная сотворена внешним деятелем примерно таким же способом, как ремесленник делает какую-нибудь мебель. Но если это сравнение помогает смутно символизировать метод, которым могла быть создана вселенная, то оно во всяком случае не поможет понять сущность тайны, именно происхождение того материала, из которого состоит вселенная, а если оно не помогает, то не имеет никакого значения.

«Производство материи из ничего, — заключал Спенсер, — является сущностью тайны, понять которую не дает нам возможности ни это, ни какое-либо иное срав-

нение... Если даже предположить, что возникновение вселенной можно действительно представить нашей мыслью как результат внешнего деятеля, то и в таком случае тайна по-прежнему остается такой же великой, потому что вновь возникает вопрос: как мог явиться такой внешний деятель? Те, которые не могут понять самосуществующей вселенной и которые поэтому предполагают творца, как источника вселенной, — признают возможным понять самосуществующего творца. Тайна, которую они признают в великом факте, окружающем нас со всех сторон, переносится ими на предполагаемый источник этого великого факта, а затем они думают, что разрешили эту тайну. Но они обманывают самих себя».⁶

Судя по переписке и некоторым другим замечаниям Дарвина, в вопросе о самосуществовании мира он был близок к точке зрения Спенсера, но фактически все же склонялся к отрицанию творца. Он не принимал никакого участия в провозглашенной Спенсером борьбе на два фронта — и против теизма и против атеизма, которая является на самом деле лишь особой формой защиты фидеизма. Ведь, критикуя идею бога-творца, этот философ все же всячески пытался спасти хотя бы ту религиозную мысль, что без веры никак не обойтись, ибо, мол, существует «непознаваемое». По Спенсеру, вопросы о бытии бога, его атрибутах, его отношении к миру и т. д. якобы находятся вне предела человеческого разума, так что существование бога нельзя признавать, но нельзя и отрицать: это непознаваемый «икс», который никогда не делается оказанной истиной.

Нетрудно видеть, что учение о «непознаваемом» является одной из попыток обоснования иррационализма, который занимается «гашением разума», ограничением человеческих способностей. Но эта попытка несуразна, потому что с помощью разума невозможно обосновать существование «потустороннего», — того, что якобы «сверхразумно», т. е. на деле неразумно. Во всяком случае такое насилие над разумом не может удовлетворить действительно религиозных людей, и недаром сам Спенсер должен был признать, что его точка зрения, которую он лично считал религиозной, большинству верующих людей

⁶ Г. Спенсер. Основные начала. Киев, 1899, с. 19—20.

должна показаться «по существу нерелигиозной». Ведь эта точка зрения не может служить основой религиозного культа: если ничего нельзя сказать о существовании бога, о сотворении вселенной и т. п., то ровно ничего не остается от всякой конкретной религии.

Следует, однако, иметь в виду, что наука имеет дело не с непознаваемым, а с пока еще непознанным. Дело в том, что всей своей деятельностью, всей повседневной практикой человек доказывает знание тех или иных вещей. Он узнает свойства вещей, а тем самым познает их «сущность», т. е. самую вещь, какова она сама по себе; вещи, отличной от ее свойств, — нет! Признание, хотя бы теоретически, чего-нибудь «трансцендентного», т. е. потустороннего бытия, есть своего рода компромисс. Полнейшая несостоятельность этого компромисса видна хотя бы из того, что «непознаваемое», о котором говорят Спенсер и некоторые другие идеалисты, никак не может быть олицетворено, а без этого невозможно богопочитание, религиозное поклонение.

Указывая на это обстоятельство, Г. В. Плеханов писал: «Человек, — говорит Спенсер, — всегда будет чувствовать себя в присутствии бесконечной и вечной энергии, источника всего сущего. Конечно, но почему он должен олицетворять эту бесконечную энергию, этот источник всего сущего? На каком основании он будет выделять ее из природы и ставить выше природы? А только при этом условии и может она стать предметом поклонения».⁷ Впрочем, понимал это и сам Спенсер, который вначале не думал предпосылать своим «Основным началам» размышления о непознаваемом, и только из боязни, что его философская концепция будет объявлена атеистической, он присоединил к уже готовому труду эту вводную (первую) часть.

Не был вполне свободен от этой боязни и Дарвин, и поэтому вопрос о боге он склонен был решать в духе учения Спенсера о непознаваемости. Но — повторяем это — он имел в виду главным образом справедливое замечание этого философа, что самосуществование природы так же трудно себе представить, как и самосуществование бога. Ведь представить себе вечность, т. е. бесконечность во времени, так сказать реально ощутить ее, мы не можем.

⁷ Литературное наследство Г. В. Плеханова. Сб. VII, с. 8.

В. И. Ленин писал: «Представление не может схватить движения *в целом*, например, не схватывает движения с быстротой 300 000 км в 1 секунду, а *мышление* схватывает и должно схватить».⁸ Логическое мышление говорит о том, что вселенная бесконечна во времени, вечна, но каждая отдельная ее часть (или форма) не вечна, является преходящей во времени.

Хотя не только для самого Дарвина, но и для его сторонников и противников было ясно, что его учение идет в разрез с религиозным представлением о мире, т. е. порвало с верой в сверхъестественное, Дарвин называл себя не атеистом, а обычно агностиком. Так, в 1879 г. в письме к Дж. Фордайсу он писал: «Каковы бы ни были мои личные воззрения, это — вопрос, не имеющий значения ни для кого, кроме меня самого. Но так как вы об этом спрашиваете, то я могу сказать, что я часто колеблюсь в своем мнении. В моменты самых сильных колебаний я никогда не был атеистом в том смысле, чтобы отрицать существование какого-либо бога. Я думаю (и чем старше становлюсь, тем все больше и больше), что вообще, хотя и не всегда, слово „агностик“ правильное всего определяет состояние моего ума».⁹

Надо иметь в виду, что хотя агностицизм есть колебание между материализмом и идеализмом, так как он пытается стать «выше» материализма и идеализма, подняться «над» теизмом и атеизмом, следует различать несколько разновидностей агностицизма. Дарвин отрицательно относился ко многим высказываниям идеалистов и знал две разновидности агностицизма: философа Спенсера, который олицетворяет несостоятельную попытку примирения науки и религии, и натуралиста Гексли, который в 1859 г. и ввел в философию слово «агностицизм» целью прикрыть свои стихийные материалистические позиции в области естествознания. Можно безошибочно сказать, что Дарвин, который очень интересовался философскими взглядами Гексли, фактически не был агностиком, так как по сути дела он в агностицизме видел лишь легкое средство отделаться от религиозного мировоззрения, несостоятельность которого была для него ясна.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 209.

⁹ D. L. L., vol. I, p. 304.

Если Дарвин все же называл себя агностиком, то это вызвано главным образом тем, что вследствие недостаточной философской осведомленности он не разобрался в одном из самых кардинальных вопросов всякой философии: извечна ли или не извечна природа? В своей автобиографии Дарвин, касаясь проблемы «начала всех начал», рассказывает, что примерно в то время, когда он писал «Происхождение видов», хотя и категорически отвергал возможность какого бы то ни было вмешательства сверхъестественных сил в ход развития природы, у него все же временами (в 1858—1859 годах) появлялась мысль о существовании какой-то первопричины вселенной, обладающей интеллектом, «в какой-то степени аналогичный разуму человека». Значит, в эти моменты Дарвин приближался к деизму, но с того времени это заключение, по его собственным словам, «начало, крайне медленно и не без многих колебаний все более и более ослабевать», т. е. он все более терял веру в существование некоторой первопричины мира. В конце же концов Дарвин отмечает: «Я не могу претендовать на то, чтобы пролить хотя бы маленький свет на столь трудные для нас вопросы. Тайна начала всех вещей неразрешима для нас, и что касается меня, то я должен удовольствоваться тем, что остаюсь Агностиком».¹⁰

В связи с этим вспоминается беседа о космосе и боге В. И. Ленина с художником А. Е. Магарамом, когда они в августе 1916 г. на Женевском озере восхищались замечательной картиной звездного неба. «Я заметил Ленину, — вспоминает художник, — что мысль невольно устремляется к Великому разуму, когда перед глазами в небесном пространстве бесчисленное количество, мириады звезд. Ленин засмеялся и иронически произнес: «К боженьке!» — «Назовите это как хотите, Владимир Ильич», — ответил Магарам, и при этом заметил, что нельзя не удивляться движению этих светил, с точностью которого ни один хронометр сравниться не может, а когда перед нами прекрасный часовой механизм, невольно думаешь о мастере, сотворившем его. «Все это несет поповщиной, — ответил Ленин. — Короче говоря, вы хотите сказать, что все было создано боженькой. Хорошо, допустим, все, что существует, всю вселенную боженька создал и-ое число мил

¹⁰ Ч. Д а р в и н. Сочинения, т. 9, с. 209.

лиардов лет тому назад, ну а что он делал раньше, спал, что ли! Ведь и раньше существовало какое-то абстрактное время. Стало быть, ваши суждения нелогичны. Материя нетворима, она движется в пространстве и видоизменяется по существующим законам. Человечество постепенно открывает завесу этих законов и, таким образом, без боженьки познает природу».¹¹ Следует сказать, что время (как и пространство) является формой существования материи и поэтому Ленин указывал: «Время вне временных вещей = бог».¹²

Что же касается Дарвина, то, признавая совершенно несостоятельными все богословские доказательства существования бога, как творца вселенной, он все же не мог отделаться от вопроса, кем создан мир. Та философская литература, которой он пользовался, не помогла ему правильно ориентироваться в этом вопросе, так как она, защищая ту или иную форму идеализма, давала совершенно извращенное представление о материалистическом мировоззрении, а следовательно, об атеизме. Воздерживаясь от решения этой проблемы в атеистическом духе, т. е. в смысле решительного отрицания всякого начала вселенной во времени, в смысле признания извечности природы, Дарвин в то же время, подобно Спенсеру, ясно видел, что другое из возможных решений, а именно теологическое, совершенно несостоятельно. Так, в письме к одному «голландскому студенту» от 2 апреля 1873 г. Дарвин писал: «Я знаю прекрасно, что если мы допустим первую причину, то все же ум будет стремиться узнать, откуда она взялась и как она возникла. Я также не могу не признать затруднения вследствие наличности безмерного количества страданий во всем мире».¹³

Значит, Дарвин не мирился с допущением разумной первопричины вселенной и этим в сущности отверг представление о боге — премудром домировом существе, сотворившем мир из «ничего». Но, отрицая представление о сотворении вселенной, о начале ее во времени, Дарвин встал перед проблемой вечности, т. е. бесконечности во времени. И так как он был недостаточно осведомлен в вопросах философии и не чувствовал себя способным пра-

¹¹ Наука и жизнь, 1960, № 4, с. 59.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 50.

¹³ D. L. L., vol. I, p. 306.

вильно подойти к проблеме вечности, то и сказал выше упомянутому студенту, что «самым безопасным» кажется ему допущение, что эта философская проблема (первая причина или извечное существование) находится «вне пределов человеческой способности понимания». Если Дарвин, касаясь вопроса о причине причин, вечности материи и т. п., при этом говорил, что этот вопрос, подобно вопросам о свободе воли, происхождении зла и пр., находится «за пределами человеческого разума», то вызвано это было только его незнанием строго материалистического решения этих «проклятых» вопросов.

2

Недооценивая значение философии, особенно материалистического мировоззрения, Дарвин и не подозревал, что выход из того неприятного положения, в котором он, по его собственному признанию, оказался в вопросе о первопричине, давно уже указан философским материализмом. Его современник, материалист Фейербах писал: «Вопрос о том, сотворил ли бог мир, вопрос вообще об отношении бога к миру, есть вопрос об отношении духовного к чувственному, общего или абстрактного к действительному, рода к индивидам; поэтому один вопрос не может быть решен без другого, ибо, ведь, бог — не что иное как понятие, включающее в себя все родовые понятия... Этот вопрос принадлежит к числу важнейших и в то же время труднейших вопросов человеческого познания и философии, что является уже из того, что вся история философии вертится, в сущности говоря, вокруг этого вопроса. т. е. спор стоиков и эпикурийцев, платоников и аристотеликов, скептиков и догматиков в древней философии, номиналистов и реалистов в средние века, идеалистов и реалистов, или эмпириков, в новейшее время — сводится все цело к этому вопросу».¹⁴

Это важное положение Фейербаха нашло свое дальнейшее развитие у Энгельса, который характеризовал этот вопрос, как великий, основной, высший вопрос всей, а в особенности новейшей философии. Энгельс четко показал, что это вопрос об отношении бытия к сознанию и по существу сводится к тому, что именно является изна

¹⁴ Л. Фейербах. Избранные философские произведения. т. II, М., 1955, с. 623.

чалым, первичным — дух или природа, и поэтому, как он отметил, этот вопрос, «на зло церкви», принял более острую форму: создан ли мир богом или он существует извечно? Именно этот кардинальный вопрос служит водоразделом между наукой и религией, между материалистической и идеалистической философией.

Что же касается Дарвина, то он, сам не отдавая себе в том отчета, вплотную подошел к этому коренному вопросу, но вследствие своей философской неосведомленности оказался не в силах разобраться в нем до конца. Решая его в основном правильно, стихийно материалистически, он в то же время проявил некоторую непоследовательность, так как не был вполне свободен от некоторых предрассудков и предубеждений, свойственных буржуазным естествоиспытателям. Он не заметил, что постановка вопроса, откуда взялась вселенная, уже сама по себе ошибочна, так как обнаруживает антропоморфическую, по сути дела антинаучную точку зрения. Ведь она уже заранее допускает и предполагает, что мир не вечен, что дух существовал раньше природы, а миротворение сравнивает с человеческим актом, т. е. с искусственным продуктом творца — техника, мастера.

Осознание же этой ошибки необходимо ведет к представлению о том, что мир в целом извечен, т. е. природа, материя изначальна, первична, а дух, мышление является вторичным, производным. А отсюда следует, как этому учил еще материалист Б. Спиноза, что мир в целом является причиной самого себя: он не имеет внешней или над ним стоящей причины, но сам в себе содержит причину своего существования, так что он не имеет ни начала, ни конца во времени и пространстве.

Это положение о мире как самопричине, объяснение мира из него самого, не прибегая ни к каким внешним агентам вроде «первотолчка» и других псевдонимов бога, — представляет собою важнейшее завоевание человеческой мысли и было достигнуто не в сфере естествознания, погрязшего в эмпиризме, а в сфере теоретического мышления — материалистической философии. Энгельс писал: «Нужно признать величайшей заслугой тогдашней (XVII—XVIII веков, — Г. Г.) философии, что, несмотря на ограниченность современных ей естественнонаучных знаний, она не сбилась с толку, что она, начиная от Спинозы и кончая великими французскими материалистами,

пастойчиво пыталась объяснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего».¹⁵

Из французских материалистов XVIII в. особенно должен быть упомянут П. Гольбах, который подчеркивал, что природа не есть вовсе какое-то изделие, что она ни в коем случае не следствие: она — причина всех следствий, т. е. причина всего, так как она существует сама собою. «Нам говорят, — писал он, — что нет следствия без причины, нам каждый раз повторяют, что мир не возник сам по себе. Но вселенная — причина, а не следствие, она никем не создана, не сотворена, потому что сотворить ее невозможно. Мир существовал всегда: его существование необходимо. Это — причина сама в себе. Природа, сущность коей, очевидно, в том, чтобы действовать и производить, не нуждается для выполнения своих функций, происходящих на наших глазах, в невидимом двигателе, еще более неизвестном, чем сама природа».¹⁶

В другом месте Гольбах, как бы разъясняя эту мысль, продолжал: «Не естественно ли и не проще ли признать, что все существующее возникло из недр материи, бытие которой доказано всеми нашими органами чувств, влияние которой мы испытываем поминутно, которую мы постоянно наблюдаем действующей, движущейся, непрерывно сообщаящей движение и беспрестанно рождающей, чем приписывать создание всех вещей неведомой силе, бесплотному существу, которое не может извлечь из себя то, чем оно не обладает, и, вследствие приписываемой ему бесплотности не в состоянии ничего создать и ничего привести в движение?».¹⁷

Ставя вопрос о сотворении природы, человек делает ту коренную ошибку, что он абстрагируется, мысленно отвлекается от природы, полагает ее несуществующей в отдаленном прошлом, хотя отвлечение от бытия — это просто бессмыслица. Если трудно себе представить вечность природы, то гораздо труднее представить себе вечность бога, так как природа — факт, объективная реальность, а бог — выдумка, иллюзия. Во всяком случае, нельзя не учесть

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, с. 350.

¹⁶ П. Гольбах. Избранные антирелигиозные произведения, т. I, М., 1934, с. 30—31.

¹⁷ П. Гольбах. Письма к Евгении. Здравый смысл. М., 1956, с. 260—261.

замечания Маркса: «...творение является таким представлением, которое весьма трудно вытеснить из народного сознания. Народному сознанию непонятно чрез — себя — бытие природы и человека, потому что это чрез—себя—бытие противоречит всем осязательным фактам практической жизни».¹⁸

Итак, вследствие своей недостаточной осведомленности в философских проблемах Дарвин не мог разобраться в волновавшем его вопросе о первопричине, вечности и т. п. Затруднения его усиливались еще тем, что, касаясь этого вопроса, он почему-то не связал его с двумя неразрывно связанными между собою законами природы — законом сохранения и превращения материи и законом сохранения и превращения энергии, которые были ему известны и учат, что из «ничего» ничего и не получается. А между тем по религиозному мировоззрению (одинаково теизму и деизму) первоначально никакого вещества и никакой энергии, проще говоря, никакой движущейся материи, не существовало, так что вселенная создана из «ничего». Защитники религии уверяют, что именно в этом чуде и проявилось могущество великой творческой силы — бога, для которого нет ничего невозможного. Упомянутые же законы природы показывают, что во всех процессах природы количество вещества и энергии, участвующих в этих процессах, остается постоянным, т. е. материя и ее движение не могут появиться из «ничего». Движущаяся материя несоздаваема: она вечна и лишь испытывает непрерывные изменения, превращения, так что бессмысленно говорить о ее происхождении — никакой первопричины никогда не было!

Видя колоссальное значение двуединого закона сохранения и превращения материи и энергии для материалистического мировоззрения (а значит для атеизма), фидеисты в том или ином виде не прекращают своих попыток опровержения этого закона природы. Ведь смысл его в том, что материя из себя, изнутри (а не под влиянием какого-нибудь «внешнего начала» — бога, духа и т. п.) порождает бесконечную смену форм материального движения, безостановочны переходы их друг в друга. Поэтому, подчеркивал Энгельс, процесс превращения энергии

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, с. 597.

есть тот великий основной процесс, в познании которого находит свое обобщение «все познание природы». Он указывал, что открытие этого процесса уничтожило «последнее воспоминание о внемировом творце», так что вселенная стала разворачиваться перед нами как процесс самодвижения, саморазвития материи. Ныне установлена взаимопревращаемость не только разных форм энергии, но и простейших форм материи — так называемых элементарных частиц: электронов, позитронов, протонов, нейтронов и пр. Тем самым утверждение Энгельса получило новое блестящее подкрепление и это явилось одним из многих новых триумфов диалектического материализма, столь ненавистного всем реакционерам.

Современные богословы при поддержке идеалистов уверяют, будто новейшие достижения физики свидетельствуют о том, что «материализм рухнул», так как, мол, «материя исчезла» из научной картины мира, а закон сохранения энергии уже не имеет всеобщей силы. Так, видный католический теолог епископ О. Шпюльбек пишет: «Грубая материя, как мы ее раньше знали, исчезла. Мы, верующие, сохранив свой взгляд на окружающую действительность мира и на дух, радуемся, что физика показала нам тайны превращения материи и ее форм в нематериальное». Указывая на то, что материализм нашел свою опору в законе сохранения энергии, он уверяет: «С тех пор, как стало известно, что энергия может излучаться из массы и, наоборот, энергия фотонов может превращаться в массу, закон сохранения энергии получил тяжелый удар. Массу необходимо рассматривать как форму энергии».¹⁹

Однако все подобного рода утверждения представляют собою не что иное, как изощренную фальсификацию смысла новейших достижений физики «во славу Божию». Эта наука, изучая формы превращения материи и энергии, не открыла ничего нематериального или полуматериального и вовсе не отказалась ни от понятия материи, ни от закона сохранения энергии, утверждающего вечность, неслетворимость вселенной. Материя есть очень широкое понятие и во всяком случае не может исчезнуть оттого, что мы о ней узнали много нового, ранее неизвестного. Одной

¹⁹ O. Spülbeck. *Ler Christ und das Weltbild der modernen Naturwissenschaft*. Berlin, 1957, S. 73, 77.

из многих великих заслуг В. И. Ленина в области философии состоит в поразительно четком разъяснении им того обстоятельства, что «разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма». Поэтому он подчеркивал, что благодаря новейшим открытиям не материя исчезает, а «исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже».²⁰ Понятие материи не может устареть: по существу фраза «материя исчезла» есть лишь неудачное выражение той истины, что науке удалось открыть новые формы материи, свести старые формы к этим новым и т. д.

Фидеисты в своей борьбе с материализмом игнорируют гениальную ленинскую мысль о неисчерпаемости движущейся материи, выраженную в знаменитой фразе: «электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно *существует*».²¹ Смысл этой фразы в том, что невозможно ограничить каким-то пределом наши представления о сущности всякого явления природы, всякой части материального мира, так как эти представления непрерывно развиваются, т. е. углубляются и обогащаются под влиянием успехов науки. Фидеисты упорно игнорируют также указание В. И. Ленина на то, что диалектический материализм всегда настаивал на относительном характере всякой научной теории строения материи, так как объект науки, — будь то «самый маленький атом», — бесконечен и неисчерпаем. При этом фидеисты делают ту серьезную ошибку, что отождествляют понятия массы и материи, массы и энергии, хотя в действительности материя, масса и движение неразрывно связаны друг с другом, но вовсе не равнозначны.

3

Считая себя «совершенно неверующим» человеком, Дарвин, как уже отмечалось, держался ошибочного, но широко распространенного тогда в буржуазном обществе мнения, что атеизм — вульгарное и безнравственное учение, попирающее все нормы морали. Именно поэтому он называл себя агностиком и тем самым как бы предоставлял каждому «спасаться на свой лад». Этим объясняется

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 275.

²¹ Там же, с. 277.

то, что ряд его писем, насыщенных по существу противорелигиозными мыслями, заканчиваются чисто обывательскими фразами: «но это не мешает человеку выполнить свой долг»; «пусть всякий человек надеется на что может и верит в то, во что хочет».

28 сентября 1881 г. в беседе с Дарвином Эвелинг и Бюхнер логично заметили ему, что вообще «агностик» — это лишь салонный атеист, а атеист — это лишь «агрессивный агностик». «Сказать, что мы не знаем, существует ли бог, ведь это буквально равнозначает утверждению, что у нас отсутствует представление о боге, и, принимая это менее определенное и менее компрометирующее название, мы бросаем кость церберу — обществу». Дарвин засмеялся и спросил: «Почему же вы так агрессивны? Разве мы выиграем что-нибудь от попытки привить эти новые идеи массам? Все это очень хорошо для воспитанных, образованных, мыслящих людей, но разве массы уже созрели для этого».²²

Тогда эти собеседники Дарвина в свою очередь спросили его, не задавали ли ему таких же точно вопросов в 1859—1860 годах, когда он выпустил свою бессмертную книгу о происхождении видов. «Многие ведь и тогда считали, что Дарвин поступил бы умно, если бы свои революционные мысли о естественном отборе он преподнес лишь небольшому обществу образованных специалистов. Многие боялись открыто излагать массам истину. О новых идеях всегда первоначально думают, что они принадлежат кабинетам. Считают опасным провозглашать их на крышах домов, на базарах и у домашнего очага. Несмотря на это, он спокойной, непреодолимой мощью своего разума навязал массам свои новые идеи. И масса показала себя достаточно зрелой для восприятия этих идей».²³

Неизвестно, что именно Дарвин ответил на это, но известно сделанное им заявление о той боли, которую опубликование его трудов причинило наиболее дорогим и близким ему людям. Характерно, однако, что Эвелинг и Бюхнер, выступая в защиту атеизма, все же дали Дарвину в общем неправильное представление об атеизме.

Дело в том, что атеизм — научно обоснованная система взглядов, решительно отвергающая веру в бога и

²² Э. Эвелинг. Чарльз Дарвин, жизнь и деятельность, с. 27.

²³ Там же, с. 21.

прочие сверхъестественные силы, как бы они ни назывались. Что же касается Эвелинга и Бюхнера, то они считали ошибочным это широко распространенное (на самом деле единственно правильное) толкование слово «атеист». Эвелинг, описывая беседу с Дарвином, отмечает: «Как широко распространено ошибочное понимание слова „атеист“, явствует из того факта, что даже Дарвин разделял мнение, будто атеист есть отрицатель бога. И то, что Дарвин так именно думал, в свою очередь подтверждает то, что он мало внимания уделял страстным спорам сторонников науки и сторонников религии. Мы указали ему... на то, что мы не настолько глупы, чтобы отрицать существование бога, но что мы также не хотим впасть в другую глупость и утверждать, что бог есть. Мы сказали ему, что, так как существование бога не доказано, то мы без бога, и следовательно, все наши надежды возлагаем на этот мир... До сих пор он думал, что мы отрицаем существование бога, а теперь он увидел, что наши взгляды ни в чем существенном не отличаются от его воззрений».²⁴

После этого не удивительно, что Дарвин сказал своим гостям, что придерживается таких же взглядов и слову «атеист» предпочел бы название «агностик». Как бы то ни было, Дарвин был глубоко убежден в том, что существование бога не доказано, и если он называл себя агностиком, то на деле это была не более как формальная оговорка, т. е. «условная ложь» перед лицемерным общественным мнением «респектабельной» буржуазии. Недаром Энгельс сказал: «... слово „материализм“ оскорбляет слух подавляющего большинства британских читателей. „Агностицизм“ — еще куда ни шло, но материализм — совершенно недопустимая вещь».²⁵ При этом он обратил внимание на то, что на практике агностицизм дает этим стыдливым людям возможность впустить через заднюю дверь тот самый материализм, который он изгоняет на глазах публики. Поэтому Энгельс указывал, что какие бы формальные оговорки ни делал агностик, «поскольку он человек науки, поскольку он что-либо знает, постольку он материалист; но вне своей науки, в тех областях, в кото-

²⁴ Там же, с. 26.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, с. 299.

рых он ничего не знает, он переводит свое невежество на греческий язык, называя его агностицизмом».²⁶

Особенно ярко это проявилось на примере Гексли, который фактически горячо отстаивал материалистические позиции в конкретных областях естествознания, но заявлял о своем «незнании», когда дело касалось общих принципов бытия и его происхождения. Словом «агностицизм» он обозначил «философию незнания», утверждающую, что хотя в мире нет никаких сверхприродных, божественных влияний, хотя там все закономерно, обусловлено материальными причинами, но мы не можем ни утверждать, ни отрицать существование бога: этого вопроса мы, мол, никогда не разрешим!

Конечно, идеалисты очень довольны тем, что Дарвин кончил свои мировоззренческие размышления такого же рода доктриной, причем некоторые из них уверяют, что он пришел к тому же философскому результату, как и Кант в своей «Критике способности суждения». Но это не так: хотя всякий агностицизм есть колебание между материализмом и идеализмом, т. е. между подлинной наукой и поповщиной, все же, как уже отмечено, следует различать несколько разновидностей агностицизма. Если кантовский агностицизм приводит лишь к беспомощному, противоречивому эклектицизму и является в сущности «стыдливый идеализм», то «агностицизм» Дарвина, наоборот, является «стыдливый материализм», т. е. излишним, фантастическим привеском к его по существу материалистическому мировоззрению, — он прикрывает дипломатическое нежелание открыто и окончательно порвать с религией.

Энгельс писал: «Действительно, что такое агностицизм, как не „стыдливый“ материализм? Взгляд агностика на природу насквозь материалистичен. Весь естественный мир управляется законами и абсолютно исключает всякое воздействие извне. Но, добавляет агностик, — мы не в состоянии ни доказать, ни опровергнуть существование какого-либо высшего существа вне известного нам мира. Эта оговорка могла иметь известную ценность в те времена, когда Лаплас на вопрос Наполеона, — почему в „Небесной механике“ этого великого астронома даже не упомянуто имя творца мира, дал гордый ответ:

²⁶ Там же, с. 305.

„Je n'avais pas besoin de cette hypothèse“ («У меня не было надобности в этой гипотезе»). В настоящее же время наше представление о развитии вселенной совершенно не оставляет места ни для творца, ни для вседержителя. Но если захотели бы признать некое высшее существо, исключенное из всего существующего мира, то это само по себе было бы противоречием и к тому же, как мне кажется, незаслуженным оскорблением чувств религиозных людей».²⁷

Характеризуя агностика, Энгельс отмечает: «Он, может быть, скажет: насколько нам известно, материю и движение, или, как теперь говорят, энергию, нельзя ни создать, ни уничтожить, но у нас нет никакого доказательства того, что и то и другое не было в какой-то неведомый нам момент сотворено. Но как только вы попытаетесь в каком-нибудь определенном случае использовать это признание против него — он моментально заставит вас замолчать. Если он *in abstracto* допускает возможность спиритуализма, то *in concreto* он об этой возможности и знать не желает. Он вам скажет: насколько мы знаем и можем знать, не существует никакого творца или вседержителя вселенной; насколько нам это известно, материю и энергию также нельзя ни создать, ни уничтожить; ... все, что мы знаем, сводится к тому, что материальный мир управляется неизменными законами, и т. д. и т. п.».²⁸

Агностиком называл себя, в частности, Гексли, философские взгляды которого в этом вопросе, по-видимому, оказали некоторое влияние на Дарвина. Так, Гексли, противопоставлял агностицизм религиозному мировоззрению — гностицизму, а вместе с тем материалистическому мировоззрению, ведущему к атеизму. Подобно Спенсеру, он утверждал: «Я не имею ни малейшей побудительной причины причислять себя к атеистам — потому, что проблема последней причины существования кажется мне безнадежно выходящей за пределы моих бедных способностей. Из всей бессмысленной болтовни, какую я когда-либо имел возможность слышать, доказательства тех философов, которые берутся рассказывать нам все, касающееся природы бога, она была бы худшей, если бы ее не превосходили еще большие нелепости философов, дока-

²⁷ Там же, с. 302—303.

²⁸ Там же, с. 305.

зывающих, что нет бога».²⁹ Следовательно, Гексли считал, что с философской точки зрения, атеизм несколько не лучше теизма, который все же в конечном счете является бессмыслицей.

При помощи агностицизма Гексли, как и Спенсер, пытаясь стать «выше» материализма и идеализма, подняться «над» теизмом и атеизмом, объявил все старые решения великих философских проблем «беспочвенными», так как эти проблемы якобы не могут быть решены человеческим умом. Однако в сфере своих конкретных научных исследований Гексли не ставил человеческому уму никаких пределов, и его разговоры об агностицизме вызваны были главным образом тем, что он, как и Дарвин, не знал материалистической диалектики. Поэтому В. И. Ленин указывал, что под агностицизмом этого крупного биолога-дарвиниста скрывался в сущности материализм, что его агностицизм есть «фиговый листок» материализма. Ленин считал вполне резонным замечание английского идеалиста Дж. Уорда: «Несмотря на то что Гексли чрезвычайно горячо отвергает кличку материалиста, как позорную для его незапятнанного агностицизма, я не знаю другого писателя, более заслуживающего такой клички».³⁰

4

Дарвин неоднократно ставил себе вопрос: можно ли полагаться на ум человека, который развился из ума низшего животного, когда пытался делать «грандиозные умозаключения», т. е. разрешать великие философские вопросы? Но вряд ли можно отнестись к этому замечанию Дарвина всерьез, так как он вполне полагался на тот же человеческий ум при решении величайших научных проблем, например такой проблемы, как происхождение человеческого рода. И это не случайно: как натуралист Дарвин материалистически решал вопрос о познаваемости мира, т. е. был убежден в способности человеческого разума постигать объективные законы природы. Он сознавал, что в познании многих явлений природы человек сделал лишь первые шаги, но никогда не ставил человеческому познанию никаких принципиальных границ. Не-

²⁹ D. L. L., vol. II, p. 203.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 217.

даром на постаменте его статуи в Оксфордском университете высечен девиз: «Мы не знаем, так будем же работать».

Дарвин гордился прогрессом человеческого разума, поэтому 28 августа 1881 г. в письме к ботанику-любителю Т. Фарреру, говоря о «безмерности человеческого познания», писал: «Испытываешь гордость, когда оглядываешься на то, чего достигла наука в течение последнего столетия».³¹ Он был решительным противником тех натуралистов, которые твердили о невозможности решения тех или иных научных вопросов. Возражая им, Дарвин писал: «Много раз высказывалось с уверенностью мнение, что происхождение человека никогда не будет узнано. Невежеству удастся внушить доверие чаще, чем знанию, и обыкновенно не те, которые знают много, а те, которые знают мало, всегда увереннее заявляют, что та или другая задача никогда не будет решена наукой».³²

Значит, Дарвин был уверен в том, что процесс познания мира безостановочен, беспределен, так что всякая граница познания является не абсолютной, но временной, относительной. Именно поэтому он 28 августа 1872 г. писал Уоллесу: «Как величаво стремление науки вперед! Одного этого достаточно, чтобы вознаградить нас за многие ошибки, совершенные нами, и за усилия, которые остались незамеченными и забытыми в массе новых фактов и новых взглядов, ежедневно выходящих наружу».³³

В Англии во времена Дарвина агностицизм получил широкое распространение в среде ученых и философов, которые, не решаясь отрицать бога, предпочитали не касаться его. Это воздержание является разновидностью вышеупомянутого средневекового учения о двойственности истины, которое весьма удобно для некоторых буржуазных мыслителей, так как оно позволяет им быть материалистами в науке и в то же время придерживаться идеализма в сфере, якобы, лежащей вне пределов научного знания. В Германии это связывают с философией Канта, а в Англии — с философией Юма, но во всех ее разновидностях ее основа, т. е. идея непознаваемого, это — результат неспособности буржуазной мысли ориентиро-

³¹ D. M. L., vol. I, p. 394.

³² Ч. Дарвин. Сочинения, т. 5, с. 134.

³³ D. L. L., vol. III, p. 169.

ваться в коренных вопросах философии; она представляет своего рода культ непонимания. Агностицизм лишен существенного основания всякой подлинно философской мысли, того, что Гегель назвал «смелостью не бояться истины». Утверждение об абсолютных границах знания в значительной мере является трусливым самоотречением. По существу все агностики в отношении религии пошли по пути Канта, который, по его собственному выражению, заставил знание потесниться, чтобы дать место вере.

Дарвиновский «агностицизм» есть лишь стыдливый атеизм. Английский агностицизм является, как это показал Энгельс, «на практике — лишь стыдливой манерой тайком протаскивать материализм, публично отрекаясь от него».³⁴ Только материалистическая точка зрения плодотворна в естествознании, поэтому Гексли заявил: «Пока мы действительно наблюдаем и рассуждаем, мы не можем выйти за пределы материализма».

То же самое можно сказать о современнике Дарвина известном физике Дж. Тиндале, который тоже считал себя агностиком и поэтому избегал заявлений о несуществовании бога. Так, в заключительной части своей лекции о материи и энергии, прочитанной в 1867 г. для рабочих, он уверял, что вопрос о происхождении материи и энергии остается без ответа и наука не ищет ответа. Однако, несмотря на эти оговорки, Тиндаль все же при этом подчеркнул: «Между лицами, почтившими меня своим присутствием, может быть, есть такие, которые отказываются допустить эти выводы [законы сохранения материи и энергии], в которых они с ужасом усматривают тенденцию на то, что зовут материализмом. Но необходимо понять, что физик должен в самом деле быть материалистом. Он старается открыть необходимое, а не самопроизвольное действие, преобразования силы [энергии] и материи, а никак не создание их».³⁵ Развитию этой мысли Тиндаль посвятил свою большую речь, прочитанную в 1874 г. на съезде Британской ассоциации поощрения наук, оговариваясь, однако, при этом, что его взгляды представляют якобы «такой материализм, который весьма отличается от того, о котором у нас составилось понятие».

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, с. 284.

³⁵ Дж. Тиндаль. Общедоступные беседы. СПб., 1890, с. 130.

Отбивая атаки антидарвинистов, Гексли уверял, что дарвинизм стоит вне религии и в связи с этим пытался доказать, будто теизм в последарвиновскую эпоху встречается по существу те же философские затруднения, что и в додарвиновскую эпоху, и что так же якобы обстоит дело и с атеизмом. «В отношении великих проблем философии, — писал он, — последарвиновское поколение находится в некотором смысле как раз на том месте, где находились и додарвиновские поколения. Эти проблемы остаются нерешенными. Но настоящее поколение имеет то преимущество, что обладает лучшими средствами для освобождения от тирании известных поддельных решений».³⁶ Однако это далеко не так, ибо под влиянием дарвинизма возникло немало новых проблем, имеющих важное научно-философское значение.

Подобно другим буржуазным свободомыслящим, Дарвин считал атеизм привилегией образованных, «мыслящих» людей, т. е. представителей господствующего класса, что, как мы видели, он и выразил в своей беседе с Эвелингом и Бюхнером о своем отношении к религии.

Против атеистической интерпретации мировоззрения Дарвина выступил его сын Френсис, который старался резко провести демаркационную линию между дарвиновским «агностицизмом» и обычным атеизмом. Он писал о вышедшей в 1883 г. брошюре Эвелинга, посвященной отношению Дарвина к религии: «Я думаю, что читатели этой брошюры могут вывести ложное заключение, будто между позицией моего отца и Эвелингом существовало большее сходство, чем это было в действительности; причем я утверждаю это, несмотря на мое убеждение в том, что доктор Эвелинг передал вполне правильно вынесенное им впечатление о воззрениях моего отца. Доктор Эвелинг пытается доказать, что выражения „агностик“ и „атеист“ практически равнозначны, — что атеистом является такой человек, который, не отрицая существования бога, живет без бога, поскольку он не убежден в существовании божества. Ответы моего отца показывают, что он предпочитал неагрессивную позицию агностика. Доктор Эвелинг, по-видимому, паходит... что отсутствие агрессивных тенденций в воззрениях моего отца является лишь их несущественным отличием от его собственных воззре-

³⁶ D. L. L., vol. II, p. 204.

ний. Но, по моему мнению, именно отличие этого рода и отделяет его совершенно от того класса мыслителей, к которому принадлежит доктор Эвелинг».³⁷

В ответ на эту заметку Эвелинг заявил: «Несмотря на эту очень сдержанную и, сознаюсь, вполне правильную с точки зрения Френсиса Дарвина критику, я продолжаю настаивать на том, что мое тогдашнее мнение вполне правильно отражает отношение его отца к религии».³⁸

«Мораль» заявления Френсиса Дарвина ясна: подобно своей матери, он не хотел «осрамить» память об отце в «добропорядочном обществе», где на всякого атеиста смотрят как на смутьяна, разрушителя всех «основ общества». Ведь в Англии философское лицемерие было сильно развито даже у деистов, так как «свободомыслящие» рекомендовали «низам» только такие идеи, над которыми сами же вдоволь насмеялись в своем кругу (в гостиной, в салоне). Так, один из виднейших английских деистов Г. Болингброк (1678—1751), насмешливо относившийся ко всякому вероучению, объявил в то же время всю противорелигиозную литературу не только революционной, но и архивредной — «чумой общества».

Как видно, у буржуазных свободомыслящих в ряде случаев агностицизм служит одним из средств философского лицемерия. Все же следует иметь в виду, что одной из причин живучести агностицизма является относительность и историческая обусловленность знаний на каждой ступени их развития. Выявляя это обстоятельство, В. И. Ленин глубоко раскрыл соотношение абсолютного и относительного в процессе познания, ясно показав, что для науки нет и быть не может никаких непреходимых, окончательных границ, и тем выявил полнейшую несостоятельность агностицизма вообще и тех его форм, за которые ухватились сторонники поповщины в особенности. Он писал: «С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины... Исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от

³⁷ Там же, т. I, с. 317.

³⁸ Э. Эвелинг. Чарльз Дарвин, жизнь и деятельность, с. 25.

религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа. Вы скажете: это различение относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечу вам: оно как раз настолько „неопределенно“, чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закоренелое, но оно в то же время как раз настолько „определенно“, чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма. . .».³⁹

В восходящем ряде ступеней человек познает самую истину, так как познавать мир он может лишь в той мере, в какой это ему позволяют определенные обстоятельства. Поэтому наши знания относительны только в том смысле, что они по историческим условиям частичны, не дают сразу полной истины, но они неуклонно растут, расширяются и углубляются. Следовательно, мир познаваем, но в каждый данный исторический момент он не вполне познан, а вследствие этого абсолютная истина складывается из ряда относительных истин. Относительные истины не иллюзорны, так как через частичные знания, как через ряд этапов, мы идем ко все более верному, глубокому и точному постижению объективной реальности, т. е. абсолютной истины.

Счастье ученого именно в том, что познание — это процесс, который бесконечен, так что невольно вспоминается следующее утверждение Г. Лессинга, которое замечательно верно, несмотря на то что оно выражено в религиозной форме: «Если бы бог предложил мне на выбор в правой руке всю истину, а в левой единое, вечное стремление к истине, соединенное с постоянными заблуждениями, я принял бы во внимание, что сама истина существует только для одного бога и почтительно попросил бы его отдать мне то, что лежит в его левой руке».

Не подлежит сомнению, что Дарвин — неутомимый борец за научную истину — был бы согласен со смыслом, вложенном в этот афоризм, ибо слишком скучна была бы жизнь человека, если бы он владел всей истиной и ему не приходилось бы тратить свой умственный способ-

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 138—139.

ности на преодоление преград, которые встречаются на пути познания мира. Во всяком случае неоспоримо: мир неисчерпаем, сведения о нем ограничены в каждый данный момент и, несмотря на это, мир все же познаваем!

5

В 1866 г. некая миссис Булл, смущенная различными суждениями об «эволюции и религии», обратилась к Дарвину с письмом, в котором поставила перед ним вопрос об отношении дарвинизма к основным положениям религиозного мировоззрения. Она писала:

«Дорогой сэр, извините меня за смелость, с какой я обращаюсь к вам с вопросом, на который только Вы сможете дать вполне удовлетворительный ответ.

Считаете ли Вы, что придерживаться вашей теории естественного отбора, в ее самом полном и абсолютно безоговорочном смысле, значит противоречить — не говорю какой-либо специальной системе богословского учения, но следующим убеждениям: что знание дается человеку непосредственно вдохновением божественного духа; что бог есть личность и бесконечно доброе существо; что влияние действия божественного духа на мозг человека — главнейшее моральное влияние и что каждый человек обладает, в известных границах, силой решать по выбору, насколько он подчинится своим животным инстинктам и насколько он предпочтет следовать руководству духа, развивающего в нем силу к сопротивлению названным импульсам».

Мотивируя свое обращение к Дарвину, миссис Булл заявила, что, по ее мнению, теория Дарвина «вполне примирима с верой», что в книгах Дарвина она нашла ключ, которым можно руководствоваться при разрешении некоторых сложных психологических проблем. «Но за последнее время, — говорилось в письме, — я читала такие замечания относительно Вашей теории на вопросы религии и морали, которые смутили и болезненно огорчили меня». Будучи не в состоянии сама доказать, что подобные критики Дарвина ошибаются, Булл просила Дарвина подтвердить ей это. В заключение она писала: «Наука должна идти своим путем, а богословы своим, и они встретятся, когда, где и как будет угодно богу, и Вы ни с какой стороны не ответ-

ственны за то, что момент их встречи, может быть, еще очень далек».⁴⁰

Миссис Булл — религиозный, но, по-видимому, образованный и не фанатичный человек — видела сильные стороны дарвинизма, но была смущена враждебным отношением теологов и вообще фидеистов к этому учению. Поэтому в своем письме она затронула самые основы теизма; она в упор поставила Дарвину коренные вопросы религии: о личном и всеблагоем боге, о свободе воли, об источнике знания и морали и пр. Она сама отмечала, что стоит па точке зрения двойственной истины, по вообще верит в примиримость знания и веры, причем думает, что дарвинизм и является тем «звеном между фактами науки и обещаниями религии», которых образованные верующие давно ждут. Булл полагала, что наука и религия должны идти каждая «своим путем», но все эти пути не совсем параллельны, — когда-нибудь они должны встретиться, и с этого момента, который, вероятно, наступит еще не скоро, навсегда закончится борьба между наукой и религией.

14 декабря 1866 г. Дарвин послал этой женщине ответ, в котором писал: «Я был бы очень доволен, если бы мог дать Вам удовлетворительные ответы на Ваши вопросы или вообще какие-либо ответы. Я не могу понять, почему убеждение в том, что все органические существа, включая и человека, генетически произошли от какого-то простого существа, а не были сотворены в отдельности, усиливает Ваши затруднения. На последние, как мне кажется, можно ответить только посредством совершенно различных свидетельств науки или так называемого внутреннего сознания. Мое мнение стоит не более мнения любого человека, размышляющего об этом предмете, и с моей стороны было бы глупо высказывать его. Однако я могу заметить, что мне всегда казалось более удовлетворительным рассматривать причину огромного количества боли и страдания в этом мире скорее как неизбежный результат естественной последовательности событий, т. е. общих законов, чем как непосредственное вмешательство бога, хотя я и сознаю, что это нелогичный взгляд в отношении всеведущего божества. Ваш последний вопрос как будто превращается в проблему сво-

⁴⁰ D. L. L., vol. III, p. 63—64.

бодной воли и необходимости, которую большинство считает неразрешимой... Я огорчен тем, что мои взгляды могли случайно встревожить Ваши мысли, но я благодарен Вам за высказанное суждение..., а именно, что теология и наука должны идти каждая своим собственным путем, и что в данном случае на мне нет ответственности за то, что момент их встречи еще так далек».⁴¹

Легко видеть, что в своем ответе Дарвин ничего конкретного не сказал, решив отделаться по существу самыми общими, неопределенными фразами, тем более что имел дело не с профессиональным ученым или философом, а с рядовой религиозно настроенной, хотя и мыслящей женщиной. Смысл его ответа в том, что его мнение по вопросам о религии не может считаться более ценным, чем мнение любого рядового человека, и поэтому нет нужды его высказывать, тем более что эти вопросы связаны не столько со «свидетельством науки», сколько с соображениями, основанными на «внутреннем чувстве». Характерно, однако, что, отказываясь высказать свое личное мнение о коренных вопросах религии, Дарвин все же довольно отчетливо указывает на то, что «существование огромного количества боли и страданий» — это факт, находящийся в остром противоречии с верой во «всемогущее божество», но вполне объяснимый естественными причинами, известными нам законами природы. Однако это указание на некоторое важное противоречие между знанием и верой не помешало Дарвину в своем письме к Булл говорить, будто он не видит оснований считать, что его эволюционное учение, отрицающее отдельное и независимое друг от друга сотворение органических видов и человеческого рода, усиливает затруднения, стоящие перед религиозными людьми.

Дарвин и в данном случае пытался создать такое впечатление, будто религия вовсе не является особым и цельным мировоззрением, и относится безразлично к тому, как наука разрешает вопрос об образовании Земли, возникновении организмов, появлении человека и т. д., и что поэтому отрицание эволюционным учением отдельных творческих актов, якобы не должно тревожить верующих. Он выразил огорчение тем, что его взгляды «могли случайно встревожить» мысли миссис Булл и других верую-

⁴¹ Там же, с. 64—65.

щих, возбудить и усилить их сомнения в вопросах религии. Между тем слишком ясно и очевидно, что тут нет ничего случайного: дарвинизм не мог не смутить религиозно мыслящих людей. Ведь категорическое отрицание Дарвином сотворения органических форм, твердое убеждение его в животном происхождении человека, решительное отклонение им всякого рода попыток мистического объяснения явлений живой природы, оперирование одними только материальными факторами и т. д., — все это затрагивает самые основы религиозного мировоззрения.

Конечно, все это не могло не взволновать сильнейшим образом фидеистов разных толков, а Дарвин, как показывают заключительные строки его книги об одомашненных животных и растениях, вовсе не старался вполне их успокоить или ослабить их затруднения. Правда, он выражал согласие с тем, что религия и наука должны идти независимо друг от друга, каждая своей дорогой, и что он не ответствен за то, что «момент их встречи еще так далек». Но Дарвин навряд ли серьезно думал о том, что такая «встреча», т. е. полное примирение «между фактами науки и обещаниями религии» возможно: это видно хотя бы из его отношения к вопросам о бессмертии души, о благе и зле в мире, о божественном откровении и др. Во всяком случае следует весьма серьезно отнестись к известному нам утверждению Дарвина, что он находит «чудовищным» заявление фидеистов, будто религия не направлена против науки.

Как религиозный человек, миссис Вулл считала, что религия является основой нравственности, ей было известно в то же время, что дарвинизм исходит из представления о животном происхождении человека. Поэтому она спросила Дарвина, в какой мере человек способен сопротивляться животным инстинктам и «повиноваться моральным побуждениям». В своем ответе Дарвин обошел этот важный вопрос, но, как мы видели, он по существу довольно четко ответил на него в своей автобиографии. Там он подчеркнул, что свободный от религии человек получает «наивысшее удовлетворение» только тогда, когда он повинуетя не своим чувственным страстям, а своим «высшим импульсам» — социальным инстинктам, т. е. «действует на благо других людей».

Итак, Дарвин в вопросе об «эволюции и религии» занял в общем такую позицию: он заявил, что его учение

не поставило перед теизмом новых, ранее неизвестных затруднений, а лишь в известной мере обострило старые затруднения, возникшие перед теизмом под влиянием развития естествознания. Как видно, в этом отношении позиция Дарвина сильно напоминает позицию даже такого «агрессивного» ученого, как Гексли, который в своей боевой защите эволюционного учения от его многочисленных врагов тоже старался отвести обвинение дарвинизма в том, что оно антитеистично. В действительности же основой теизма является вера в сверхъестественное, которое противоречит самому существу дарвинизма, ибо это учение исходит из признания только естественных закономерностей, только материальных факторов. Значит, учение Дарвина не только нанесло окончательный удар библейским представлениям о мире, но и затронуло самые основы теизма, причем сам Дарвин, несмотря на все свои оговорки, это вполне сознавал.

Во всяком случае необходимо учесть, что Дарвин не только отрицал возможность божественного откровения и опровергал все доказательства существования бога, но и чрезвычайно убедительно доказывал, что в жизнь мира не вмешивается никакой вседержитель и что никакой мировой плановости или разумной целесообразности («благотворности») в природе не существует. Для Дарвина было бесспорно, что всякий религиозный культ, всякое поклонение какому-то «высшему существу» не имеет никаких логических оснований, так что на деле, с практической точки зрения, он несомненно был атеистом, хотя никогда открыто не указывал на это обстоятельство.

Игнорируя эти факты, не только церковники, но и многие «дипломированные лакеи поповщины» настаивают на том, что Дарвин все же не был атеистом. Так, идеалист Фервейн, подобно теологам, уверял, будто «естествоиспытатель такого значения, как Дарвин, вовсе не чуждался гипотезы о существовании бога вне мира». Другие философы (Эйслер, Форлендер и др.), боясь оказаться в смешном положении, были более осторожны: они заявляли, что он якобы не относился отрицательно к вере в бога, а только сомневался в существовании такого существа, вследствие чего он должен считаться агностиком. Основанием же для такого заключения служит для них тот факт, что когда частные лица спрашивали его мнение по тем вопросам, которые касаются религии, в его ответах

нередко проявлялись заглушенные нотки раздражения или досады. Даже высказывая некоторым друзьям из среды натуралистов свои взгляды на религию, Дарвин был весьма осторожен в выражениях и как бы извинялся, не желая, чтобы его считали безбожником. Это нежелание особенно четко проявляется в ряде писем Дарвина, относящихся преимущественно к началу шестидесятых годов, когда у него были известные колебания при обсуждении некоторых мировоззренческих вопросов.

Эти колебания наиболее резко выявились, в частности, в некоторых письмах Дарвина к Аза Грею. В письме к этому американскому другу от 22 мая 1860 г. Дарвин, горячо отстаивая свое убеждение, что во всем мире нет никаких признаков божественного плана и «благоволения», все же отмечает: «Что касается богословского взгляда на данный вопрос, то это для меня всегда было болезненное место... Я не имел намерения писать в атеистическом духе». Немного дальше, выявив с достаточной ясностью полнейшую несостоятельность телеологической точки зрения Грея, он опять указывает: «Я, разумеется, совершенно согласен с вами в том, что мои взгляды не являются непременно атеистическими».⁴²

Атеистом Дарвин не хотел себя называть в переписке с учеными также потому, что «попал в тупик» при разборе некоторых мировоззренческих вопросов.⁴³ В своем письме к Джулии Уэдждуд от 11 июля 1861 г. в связи с ее статьей о «границах науки» он писал: «Благодаря нескольким корреспондентам я в последнее время начал думать или, лучше сказать, пытался продумать некоторые из главных вопросов, обсуждаемых Вами. Но в результате у меня получилась путаница — нечто вроде рассуждений о природе зла, на что Вы намекаете. Ум отказывается допустить, чтобы эта вселенная, какова она есть в действительности, не была создана по задуманному плану; и, однако, там, где мы склонны ожидать возможно большей плановости, а именно в строении чувствующего существа, я нахожу тем меньше доказательств в пользу существования плановости, чем больше я думаю об этом предмете».⁴⁴

Как видно, Дарвин, касаясь своего «квазибиологиче-

⁴² Там же, т. II, с. 311—312.

⁴³ Там же, с. 372.

⁴⁴ Там же, т. I, с. 313.

ского» спора с Аза Греем по вопросу о «преднамеренности в природе», в котором он проявил себя как материалист, все же пытался создать впечатление, что его учение имеет не антирелигиозный, а лишь внерелигиозный характер.

26 ноября 1860 г. Дарвин писал Аза Грейю: «Я очень огорчен тем, что не могу согласиться с вами относительно предначертанного плана. Я вижу, что попал в совершенно безнадежную путаницу. Я не могу допустить, что мир, каким мы его видим, является результатом случая; и, однако, я не могу рассматривать каждую отдельную вещь как результат предначертания...».⁴⁵ Точно так же в заключении письма от 17 сентября (1861 г.) Дарвин замечает: «Но я знаю, что попал в такую же путаницу, в какой (как я уже говорил) находится и весь остальной мир в отношении [понятия] свободной воли, который все еще предполагает, что все [в природе] предусмотрено или предначертано».⁴⁶

Как бы то ни было, Дарвин не только никогда ни в какой мере не защищал религиозное мировоззрение, но всячески старался отделаться от него, и поэтому называл себя арелигиозным или внерелигиозным человеком. Свои же жалобы на «путаницу» или «тупик» по вопросам о «первопричине», «предопределении», «свободе воли» и «происхождении зла» он обычно объяснял тем, что неопытен в абстрактном мышлении, не привык к «метафизическому направлению мысли» и т. п. При этом он неоднократно ставил вопрос о том, можно ли положиться на человеческий ум, развившийся из ума животного, при его попытках разобраться в таком серьезном споре, как спор между религией и атеизмом.

6

В 1881 г. Дарвин писал фиденсту Грехэму: «Вы выразили мое внутреннее убеждение более ярко и ясно, чем я сам мог бы это сделать, что вселенная не представляет собою результат случайности. Но у меня всегда возникает ужасное сомнение в том, имеют ли какую-либо ценность или вообще заслуживают ли доверия убеждения человеческого ума, который развился из ума низших живот-

⁴⁵ Там же, т. II, с. 354.

⁴⁶ Там же, с. 378.

ных? Стал ли бы кто-нибудь полагаться на убеждения ума обезьяны, если такой ум имеет убеждения?». ⁴⁷ Точно так же Дарвин писал Грею в 1860 г., что вся эта тема «слишком глубока для человеческого разума», что с таким же успехом «собака могла бы размышлять о мнениях Ньютона».

Вероятно, эти размышления Дарвина пужно понимать так, что он фактически имел в виду только относительную слабость человеческого разума на данном этапе исторического развития человека. Ведь, как мы видели, Дарвин вполне полагался на человеческий ум при решении проблемы происхождения человека и других важных научных вопросов, и не допускал никаких абсолютных границ познания в области науки. Поэтому кажется странным, что он сомневался в способности того же человеческого ума решить такую философскую проблему, как вопрос о первопричине мира, т. е. о его конечности или бесконечности во времени. Но это вызвано было только тем, что материализм Дарвина был «стихийный» и потому непоследовательный: Дарвин-философ нередко противоречит Дарвину-натуралисту и далеко не в пользу философа. Да он и сам это чувствовал, а вследствие этого не скрывал того, что в некоторых мировоззренческих вопросах обнаружил неприятные для себя колебания.

Эти колебания наиболее ясно выражены в письме Дарвина к Грею от 22 мая 1860 г., где он подчеркивает, что не видит во всем окружающем никаких признаков плапа и благоволения и что поэтому не считает необходимым верить в то, будто наш глаз является результатом преднамеренности, т. е. был создан с умыслом. Все же Дарвин говорит: «С другой стороны, глядя на эту дивную вселенную, и в особенности на человеческую природу, я как-то не могу чувствовать себя внутренне удовлетворенным той мыслью, что все это — результат грубой силы. Я склонен смотреть на все как на результат предначертанных законов, причем детали, будь то хорошие или плохие, представляется выработать тому, что мы называем случаем. Но это не значит, что это понятие *вполне* удовлетворяет меня... Молния убивает человека, будь он хороший или плохой, вследствие чрезвычайно сложных действий законов природы. Ребенок (который, может быть, впослед-

⁴⁷ Там же, т. I, с. 316.

ствии окажется идиотом) рождается в силу еще более сложных законов, и я не вижу причины, почему человек или какое-нибудь другое животное не могло быть первоначально произведением иных законов, и почему все эти законы не могли быть заранее предопределены всеведущим творцом, который предвидел каждое будущее событие и его последствия. Но чем больше я об этом думаю, тем более путаюсь в мыслях, что, по всей вероятности, и заметно по настоящему письму». ⁴⁸

Дарвин в конечном счете отказался от такого умозаключения, придя к мысли, что в мире нет никаких следов цели, преднамеренности, предопределения и т. п. Отсюда, конечно, вытекает, что не может быть и речи о «закономерностях», якобы сознательно установленных каким-то премудрым творцом мира, и Дарвин об этом ясно сказал в переписке и в своих воспоминаниях. В частности, в автобиографии Дарвин писал: «...в конце концов я стал совершенно неверующим. Но происходило это настолько медленно, что я не чувствовал никакого огорчения и никогда с тех пор даже на единую секунду не усомнился в правильности моего заключения».

Незадолго до смерти Дарвин, критикуя доказательства существования бога, писал: «Другой источник убежденности в существовании бога, источник, связанный не с чувствами, а с разумом, производит на меня впечатление гораздо более веского. Она заключается в крайней трудности или даже невозможности представить себе эту необъятную и чудесную вселенную, включая сюда и человека с его способностью заглядывать далеко в прошлое и будущее, как результат слепого случая или необходимости. Размышляя таким образом, я чувствую себя вынужденным обратиться к Первопричине, которая обладает интеллектом, в какой-то степени аналогичным разуму человека, т. е. заслуживаю названия Теиста». При этом, однако, Дарвин сделал следующее замечание: «Насколько я в состоянии вспомнить, это заключение сильно владело мною приблизительно в то время, когда я писал „Происхождение видов“, но именно с этого времени его значение для меня начало, крайне медленно и не без многих колебаний, все более и более ослабевать». ⁴⁹

⁴⁸ Там же, т. II, с. 312.

⁴⁹ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 9, с. 208—209.

Следует, однако, учесть, что в данном случае слово «теист» (если оно не является опiskeй) Дарвин употребил совершенно неправильно. По-видимому, этот термин он использовал здесь не в обычном смысле, ибо уже с 1839 г. он решительно отрицал всякий «божий промысел», а в смысле «деиста» — допущения домировой силы, являющейся лишь первопричиной мира, но непосредственно не управляющей миром. В виду некоторой неопределенности этого слова, такое смешение делается довольно часто, — в особенности лицами, мало разбирающимися в деталях богословских и философских течений. Что Дарвин знал эту разницу, видно хотя бы из того, что Ляйелля он называл теистом, а французскую переводчицу «Происхождения видов» Руайе — деисткой. По-видимому, Дарвин не учитывал разницу между теизмом и деизмом, когда касался вопроса о первопричине, так как теизм и деизм одинаково признают акт сотворения мира. Хотя Дарвин одно время и склонялся к допущению такого акта, теистом в буквальном смысле слова во время разработки своего учения он не был, и именно в этом главным образом и лежит корень его разногласий с Ляйеллем, Аза Греем и другими, пытавшимися придать эволюционному учению теистическую окраску, т. е. создать концепцию «религиозного дарвинизма».

Как бы то ни было, вполне справедливо замечание переводчика автобиографии Дарвина — С. Л. Соболя, что из всего ее текста несомненно следует, что в рассматриваемый период своей жизни Дарвин допускал существование бога только как безличной первопричины мира, находящегося и развивающегося под действием законов природы. Между тем основные положения теизма о существовании бога как личности, постоянно регулирующей и направляющей все в мире и вмешивающейся в повседневную жизнь людей, Дарвин решительно отрицал даже в более ранний период своего отхода от религии. С. Л. Соболев считает бесспорным, что в конце концов Дарвин отбросил свой деизм и пришел к полному отрицанию какого бы то ни было бога и загробной жизни, хотя и предпочитал называть себя «агностиком».⁵⁰

Полный разрыв Дарвина с теизмом по существу означал отрицание им всех религиозных учений, обрядов и

⁵⁰ Там же, с. 430.

предписаний. Однако он не склонен был высказываться по религиозным вопросам не только в печати, но и в частной переписке с совершенно неизвестными ему лицами, не занимающимися наукой или философией. Так, когда в 1879 г. «немецкий студент» (Н. Менгдон) спросил в своем письме к Дарвину, как он относится к основным, важнейшим догматам церкви, то Дарвин сам даже не ответил, а поручил это сделать одному из членов своей семьи. Последний писал: «Мистер Дарвин просит меня передать вам, что он получает так много писем, что не может отвечать на все. Он считает, что теория эволюции вполне совместима с верой в бога, но что необходимо помнить, что разные люди дают различные определения того, что они называют богом».⁵¹ По всей вероятности, этими последними словами Дарвин хотел выразить ту мысль, что его учение противоречит обычному представлению о боге, даваемому теизмом, но более или менее совместимо с представлением о боге, которое дают деизм и пантеизм.

Студент этот остался, однако, не удовлетворенным таким неясным, неопределенным ответом и поэтому вторично обратился к Дарвину с письмом. Престарелый Дарвин 5 июня 1879 г. ответил этому назойливому юноше весьма неохотно, с некоторым чувством досады, но все же сделал заявление в духе тех высказываний о религии, которые он сделал в своей автобиографии. Дарвин писал: «Я очень занят, я старик и болен, и я не могу тратить время на то, чтобы полно ответить на ваши вопросы,— да на них и ответить невозможно. Наука не имеет ничего общего с Христом, за исключением того, что привычка к научным исследованиям приучает человека быть осторожным в признании доказательств. Что касается меня лично, то я не верю, что когда-нибудь было какое-либо откровение. Относительно же загробной жизни каждый человек сам должен сделать для себя выбор между противоречивыми и неопределенными вероятностями».⁵² Таким образом, Дарвин довольно ясно, хотя и весьма неохотно и в очень сжатых выражениях, высказался здесь, в письме к незнакомому человеку, как совершенно неверующий.

⁵¹ D. L. L., vol. I, p. 307.

⁵² Там же, с. 306—307.

Характерно также в этом отношении письмо Дарвина к «голландскому студенту» от 2 апреля 1873 г., которое как бы резюмирует его взгляды по вопросу о теизме. В нем Дарвин писал: «Невозможно кратко ответить на ваш вопрос, и я не уверен, что смог бы на него ответить, если бы даже писал подробно. Однако скажу, что невозможно представить себе, чтобы эта огромная и дивная вселенная, вместе с нами, сознательными существами, возникла совершенно случайно; а это, по-видимому, и представляет главный аргумент для доказательства существования бога; но имеет ли этот аргумент реальную ценность, — этого я никогда не был в состоянии решить. Я знаю прекрасно, что если мы допустим первую причину, то все же ум будет стремиться узнать, откуда она взялась и как возникла. Я также не могу не признать затруднения вследствие наличности безмерного количества страданий во всем мире. Я вынужден также сослаться на суждения выдающихся людей, которые глубоко верили в бога. Но и здесь опять я хорошо вижу, насколько беден такой аргумент...».⁵³

Конечно, Дарвин старался, чтобы такие его высказывания имели сугубо «частный характер» и не попали в печать. Поэтому когда американский журналист Ф. В. Эббот после некоторой переписки в 1871 г. попросил у Дарвина статью по вопросу об отношении науки к религии, Дарвин решительно отказался. Свой отказ он мотивировал не только плохим состоянием здоровья, но и тем, что не придает серьезного значения своим взглядам по вопросам религии, так как это предмет, далеко выходящий за пределы его компетенции. Однако Эббот был настойчив и просил разрешения опубликовать хотя бы некоторые места из писем Дарвина к нему, но Дарвин и на это не согласился, выдвинув опять прежние аргументы. В письме к Эбботу от 6 сентября 1871 г. Дарвин прямо заявил: «Для меня в некоторой мере нежелательно высказываться публично на религиозные темы, так как я недостаточно глубоко продумал их, чтобы найти оправдание в их опубликовании».⁵⁴

Следует учесть, что Дарвин ненавидел религиозных ханжей и поэтому считал, что нет ничего более важного,

⁵³ Там же, с. 306.

⁵⁴ Там же, с. 305.

чем «распространение религиозного неверия, или рационализма». Не случайно изложение своих критических замечаний о религиозном мировоззрении он закончил следующими строками: «Мой отец любил рассказывать о неопровержимом аргументе, при помощи которого одна старая дама, некая миссис Барлоу, подозревавшая отца в неверии, надеялась обратить его: „Доктор! Я знаю, что сахар сладок во рту у меня, и [так же] знаю, что мой Спаситель существует“». ⁵⁵ В своей переписке Дарвин дал ясно понять апологетам религии, что науке нечего делать ни с Христом, ни с богом вообще.

7

Дарвин неоднократно высказывал мысль, что трудно представить себе, будто вселенная является результатом случайности, а не преднамеренности, причем под случайностью он понимал все то, что не предусмотрено. Между тем никакой предустановленности в мире он не видел, тем более что из теории естественного отбора неизбежно вытекает, что преднамеренности в живой природе нет и быть не может. Этот вывод Дарвин отстаивал неизменно, и именно поэтому он решительно отрицал всякое представление о сверхъестественном, а тем самым и теизм. Насколько он был принципиален в этом отношении, т. е. занимал материалистическую позицию, особенно ясно видно из его резко отрицательного отношения к спиритизму.

В то время такие крупные ученые, как физик Крукс, биолог Уоллес и др., взяли под свою защиту спиритизм, не видя того, что это крайняя степень фантазерства, легковерия и суеверия. Обратив особое внимание на это приискорбное обстоятельство, Энгельс показал, что ученые, выступившие в защиту спиритизма, стали жертвой как шарлатанства и обмана медиумов, так и своего легковерия и самообмана. При этом он указал, что жертвой спиритизма ученые могут стать только потому, что они обыкновенно являются плоскими эмпириками, т. е. в методологическом отношении принадлежат к тому естественнонаучному направлению, которое ставит себе в заслугу, что оно пользуется только опытом и презирует всякую теорию.

⁵⁵ Ч. Д а р в и н. Сочинения, т. 8, с. 210.

Энгельс не оставил никакого сомнения в том, что характерная для многих натуралистов плоская эмпирия, относящаяся с недоверием к диалектике, ко всякому теоретическому мышлению, ведет к оскудению мысли и является самым верным путем от естествознания к мистицизму, от науки к суеверию.

Что же касается Дарвина, то он был поражен этим странным фактом и просто вышучивал тех, кто верил в «удивительные фокусы», производимые ловкими медиумами, которых он справедливо считал плутами или шарлатанами. 18 января 1874 г. Дарвин, описывая свои впечатления от одного «удачного» спиритического сеанса (с участием известного медиума), на котором лично присутствовал, в итоге отмечает: «Господь да смилуется над нами, если нам придется поверить в этот вздор». А 29 января он писал Гексли по поводу другого сеанса: «... по моему мнению, требуется огромный запас свидетельств, чтобы убедить нас в том, что тут есть нечто вне пределов простого обмана... Мне приятно думать, что я заявил всем своим домашним позавчера, что чем больше я размышляю о том, что происходило... тем более я убеждаюсь, что все это было плутовство».⁵⁶

Гексли относился к спиритизму так же, как и Дарвин, и когда лондонское «Психологическое общество» пригласило его принять участие в работе комитета по изучению спиритических явлений, он отклонил это приглашение. В своем ответном письме этому обществу от 29 января 1869 г. Гексли сделал ряд иронических замечаний о спиритизме, и одно из них приводит Энгельс: «Единственная хорошая вещь, которая, по моему мнению, могла бы получиться из доказательства истинности спиритизма, это — новый аргумент против самоубийства. Лучше жить в качестве подметальщика улиц, чем в качестве покойника болтать чепуху устами какого-нибудь медиума, получающего гиней за сеанс».⁵⁷ Между прочим неоднократно отказывался от участия в исследовании спиритических явлений и великий физик М. Фарадей, который, хотя и не порвал с религией, в области науки был материалистом. При этом в своих крайне иронических ответах на эти предложения он разъяснил, почему у него «нет вре-

⁵⁶ D. L. L., vol. III, p. 187—188.

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, с. 383.

меня» уделить внимание этой чуши, которая неспособна вызвать у него интерес к ней.

Дарвин прочно стоял на почве опыта и наблюдения, во всем он требовал фактических доказательств, поэтому он относился к религии на манер тех старых английских социалистов, о которых рассказывал Энгельс в своих письмах из Лондона. У них, писал Энгельс, «очень хорошая манера рассуждать: они во всем исходят из опыта и из доказуемых или наглядных фактов и сопровождают их при этом такими глубоко принципиальными выводами, что с ними очень трудно бороться на избранной ими почве. Если же кто-либо пытается перенести спор в другую область, то они просто высмеивают его: если я говорю, например: человек не должен ставить существование бога в зависимость от фактических доказательств, то они отвечают: „Как смехотворно выдвинутое вами положение: если бог не проявляет себя посредством фактов, то какое там до него дело; из вашего положения как раз следует, что для людей безразлично, есть ли бог или его нет. А так как у нас тысячи разных других забот, то мы оставляем вам господа бога в заоблачных сферах, где он, может быть, существует, а может быть, и не существует. То, что не может быть удостоверено фактами, нас несколько не интересует; мы стоим на почве «доподлинных фактов», где не может быть речи о таких фантастических вещах, как бог и другие религиозные представления“».⁵⁸

По своему мировоззрению Дарвин был достаточно близок к мировоззрению своего современника — английского пропагандиста атеизма Чарлза Бредлоу, который тоже не был последователем в защите материалистического мировоззрения. Он тоже не был чужд некоторым элементам английского агностицизма и поэтому не хотел, чтобы его взгляды «клеямили названием материалиста», а в атеизме он усматривал «только отрицательное».

Бредлоу исходил из основного положения материализма о материальном единстве мира, так как отстаивал «утверждение единого бытия, не заключающее в себе никакой возможности бога». Он доказывал, что «все приводит нас к глубокому убеждению, что природа — все, что ни выше, ни ниже ее и ни наряду с нею нет ничего», что

⁵⁸ Там же, т. 1, с. 518.

«материя существовала задолго до духа» и т. д. Несмотря на это, он говорил: «Я не отрицаю, что есть „бог“, потому что отрицать то, что неизвестно, так же нелепо, как и утверждать его... Я отрицаю бога Библии, Корана, Вед, но я не могу отрицать того, что я не знаю».⁵⁹ Но эти оговорки не существенны: Бредлоу отрицал всякого бога, о котором ему говорили, и вместе с тем решительно отвергал всякое представление о сверхъестественном, т. е. по сути дела был атеистом.

Все это справедливо и для Дарвина, а в еще большей мере для его горячего последователя и продолжателя — Э. Геккеля, который гораздо больше Дарвина интересовался коренными проблемами научно-философского мировоззрения. По своему мировоззрению он был материалистом, так как признавал материальное единство мира и решительно отвергал в своих трудах самые основы всех вероучений — представление о личном боге, о сотворении мира из ничего, о бессмертии души и т. д. Но он тоже не сумел порвать с господствовавшими филистерскими предубеждениями против материализма, хотя понимал, что материализм внутренне присущ естествознанию, и вследствие этого на словах отрекся от материализма и не хотел, чтобы его считали атеистом.

Геккель называл свое философское мировоззрение «монизмом», противопоставляя его религиозному дуализму, и при этом доказывал, что его «монизм» есть своего рода «мост между наукой и религией». Но, смешав монизм с материализмом (ведь и идеализм может быть монистическим), Геккель все же объективно защищал материализм и все свои удары направил против безграничного лицемерия и идейного убожества идеализма и обычной поповщины. При этом важно то, что когда ему указывали на незначительность числа видных натуралистов, примкнувших к противоиdealистическому мировоззрению, он не стеснялся вскрыть истинные причины этого явления. «Широкая публика все еще считает атеизм большим пороком; в таком случае этот порок падает на все современное естествознание», — заявил этот знаменитый дарвинист. Если бы он дожил до наших дней, он бы бесспорно констатировал, что с тех пор в буржуазных странах отношение к атеизму мало изменилось — современ-

⁵⁹ Ч. Бредлоу. Атеизм (естественная религия), с. 17.

ные идеологи реакционной буржуазии особенно яростно нападают на атеизм, видя его глубокую связь с социализмом.

В связи с вопросом об отношении к атеизму Дарвина, а также таких свободомыслящих, как Бредлоу и Геккель, особый интерес представляет атеизм известного философа и математика Бертрапа Рассела (1872—1970), ибо этим мыслителям в основном присущ один и тот же недостаток — буржуазная ограниченность их мировоззрения.

У Рассела в центре его критики религии стояла проблема существования бога, т. е. центрального пункта всех верований. Поэтому он много внимания уделил опровержению старых и новых богословских доказательств существования бога и в особенности трех из них — «аргумента первопричины», «аргумента естественного закона» и «аргумента целесообразности». Недействительность первого из этих доказательств видна, согласно мнению Рассела, из очень простого соображения: «Если все должно иметь причину, то должен иметь причину и бог. Если же может существовать нечто, не имеющее причины, то этим нечто сама природа может быть ничуть не хуже бога». Что же касается второго аргумента, утверждающего, будто естественные законы предполагают наличие законодателя, то несостоятельность его прежде всего состоит в том, что он «обязан своим происхождением смешению естественных и человеческих законов». А аргумент целесообразности полностью отпал благодаря дарвинизму, который открыл естественные причины приспособляемости живых существ к окружающей их среде. Не без сарказма Рассел сказал: «Неужели вы думаете, что если бы вас паделили всемогуществом и всеведением, да еще дали бы в придачу миллионы лет, чтобы совершенствовать созданный вами мир, то вы не смогли бы создать ничего лучшего, чем Ку-клукс-клан, фашисты или м-р Уинстон Черчилль?».⁶⁰

Таким образом, Рассел выступал как атеист, настаивая на том, что вера в бога лишена каких бы то ни было рациональных, а тем самым научных оснований. Однако в выступлениях Рассела против религии весьма отрицательно отразилась его идеалистическая позиция: в философском отношении его атеизм имел непоследовательный

⁶⁰ Б. Рассел. Почему я не христианин. М., 1958, с. 12—13, 14, 16.

и ограниченный характер, так как он считал, что бытие бога не только недоказуемо, но и непроверяемо. Тем самым он значительно сузил эффект своей собственной критики религии, придав своему атеизму какую-то скептическую окраску. Это ошибочная точка зрения, и вызвана она необоснованным мнением Рассела, будто религия имеет лишь эмоциональные основания и поэтому субъективна и находится вне компетенции рационального, научного знания. Когда богослов Коплстон спросил Рассела, является ли его позиция агностической или атеистической, т. е. может ли он сказать, что небытие бога доказуемо, — Рассел ответил: «Нет, я не мог бы этого сказать, моя позиция — позиция агностика».

Невольно вспоминается агностицизм Юма, который теоретически был неспособен отбросить религию, но на практике по существу не оставил для нее никакого места. Энгельс, характеризуя этот вид скептицизма, писал: «Мы не можем знать, — рассуждают представители этого мировоззрения, — существует ли какой-нибудь бог, если же какой-либо и существует, то всякое общение с нами для него невозможно, а значит нам нужно строить нашу практику так, как будто никакого бога и не существует».⁶¹ Что же касается Рассела, то, несмотря на свой агностицизм, он все же подтверждал свое неверие в бога, свое отрицание какой бы то ни было теологии, свою вражду к христианству и считал, что его агностицизм по существу «не слишком далек от атеизма», а в «практическом смысле» совпадает с атеизмом. Нетрудно видеть, что примерно то же самое мог бы сказать о своем отношении к религии Дарвин, который достаточно четко дал понять, почему не считает себя христианином.

Разговоры такого независимого, честно мыслящего натуралиста, как Дарвин, о своей агностической позиции — свидетельство того, что и он, подобно многим видным ученым того времени, оказался в плену плохой философии. Так, в 1867 г. физик Тиндаль, восхищавшийся дарвинизмом, все же считал, что мы не можем ни утверждать, ни отрицать существование бога «по ту сторону» данного нам в опыте мира: этого вопроса мы, мол, никогда не разрешим! Свое популярное изложение законов сохранения и превращения материи и энергии он

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, с. 601.

закончил такими словами: «В этот момент, без сомнения, есть люди, которые производят исследования над возможностью породить жизнь из материалов неорганического царства. Пусть они спокойно продолжают свои занятия... Но хотя я и защищаю самую широкую свободу в области изысканий человеческого ума; хотя, в качестве ученого, я и горжусь успехами науки; хотя я и смотрю на науку как на самое могущественное орудие умственного образования, равно и материального прогресса, — не спрашивайте меня, решила ли наука или решит ли задачу о вселенной, потому что я вам ответил бы, лишь печально качая головой. Я рассуждал о материи и силе; но откуда происходит материя, откуда происходит сила? Этот вопрос остается без ответа, и наука не ищет ответа. Задача вслепной превышает человеческий ум, и человек не имеет возможности ее решить».⁶²

Не случайно Энгельс, отстаивая значение теоретического, философского диалектико-материалистического мышления, подчеркивал, что философия мстит за себя задним числом естествознанию за то, что последнее покинуло ее. «Естествоиспытатели воображают, — писал Энгельс, — что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории, а эти категории они некритически заимствуют либо из обыденного общего сознания так называемых образованных людей, над которым господствуют остатки давно умерших философских систем, либо из крох прослушанных в обязательном порядке университетских курсов по философии (которые представляют собою не только отрывочные взгляды, но и мешанину из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части к самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений, — то в итоге они все-таки оказываются в подчинении у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех ругает философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений».⁶³

⁶² Дж. Тиндаль. Общедоступные беседы, с. 130—131.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, с. 524—525.

Если Дарвин очень плохо разбирался в материалистической философии, то о философии диалектического материализма он ничего не знал, а о марксизме слышал только как о направлении в политической экономии, проблемы которой были вне его компетенции. Когда в 1873 г. Маркс послал Дарвину экземпляр французского издания первого тома его «Капитала», Дарвин в письме от 1 апреля 1873 г., благодаря Маркса за эту книгу, писал ему: «Я искренне желал бы быть более достойным его получения, лучше разбираясь в этом глубоком и важном вопросе о политической экономии. Сколь ни были бы различны наши научные интересы, я полагаю, что мы оба искренне желаем расширения познания и что оно в конце концов несомненно послужит к возрастанию счастья человечества».⁶⁴

Как видно, Дарвин считал, что как натуралист он не обладает достаточным пониманием социально-экономических вопросов и что область исследований Маркса, т. е. развитие современного общества, весьма далека от той области, исследованием которой он сам занимается, — развитием органической природы. Однако письмо Дарвина к Марксу от 13 октября 1880 г. наводит на мысль, что он едва ли внимательно прочел «Капитал», — по всей вероятности, он эту книгу только бегло перелистал. Дело в том, что Маркс хотел оказать честь Дарвину, решив посвятить ему те две главы (12 и 13) английского издания «Капитала», где имеется ряд замечаний о дарвинизме, и тем показать, как высоко он ценит это учение. В ответ Дарвин писал ему: «Я предпочел бы, чтобы отдел или том вашего сочинения не был посвящен мне (хотя я благодарю вас за честь, которую вы хотели мне оказать), потому что это до известной степени означало бы, что я одобряю все сочинение, о котором я, однако, ничего не знаю...». Впрочем, некоторую роль в этом отказе могло сыграть нежелание Дарвина быть заподозренным в том, что он имеет какое-то отношение к книге, которая подверглась бешеной травле со стороны защитников капитализма.

В этом письме наиболее интересно и характерно то, что Дарвин с присущей ему честностью говорит о своем отношении к вопросу борьбы с религией: «Будучи реши-

⁶⁴ Ч. Дарвин. Избранные письма, с. 238.

тельным сторонником свободы мысли во всех вопросах, я все-таки думаю (правильно или неправильно, все равно), что прямые доводы против христианства и теизма вряд ли произведут какое-либо впечатление на публику и что наибольшую пользу свободе мысли приносит постепенное просвещение умов, наступающее в результате прогресса науки. Поэтому я всегда сознательно избегал писать о религии и ограничил себя областью науки. Впрочем, возможно, что тут на меня повлияла больше чем следует мысль о той боли, которую я причинил бы некоторым членам моей семьи, если бы стал так или иначе поддерживать прямые нападки на религию».⁶⁵

Пророчески прозвучали слова Дарвина, обращенные им к Марксу, что знания, которые они оба, каждый в своей области, разрабатывают, будут в конце концов «способствовать счастью человечества». Принадлежа к лучшим, наиболее честным представителям буржуазной интеллигенции, Дарвин наивно думал, что накопление знаний автоматически преодолевает религию, что «прогресс науки» неуклонно сам собою ведет к «просвещению умов». Подобно другим буржуазным просветителям, он считал необходимым ждать, пока массы созреют до религиозного неверия под влиянием народного просвещения, не видя того, что капитализм всячески мешает «просвещению умов» широких народных масс. Как натуралист, далекий от социально-экономических проблем, он не знал, что сохранение религии в народных массах обусловлено чисто классовыми причинами — тяжелыми условиями жизни этих масс в эксплуататорском обществе. Даже в его время можно было констатировать, что религия сохранилась и в тех странах и общественных кругах, где наука достигала больших высот, так что одна только наука оказалась неспособной преодолеть религиозное мировоззрение.

Итак, не подлежит сомнению, что Дарвин по существу и практически был атеистом, а корни его «агностицизма» лежали не столько в научно-философской области, сколько в той социальной среде, в которой этот ученый жил и работал. Признание Дарвина в его замечательно искреннем письме к Марксу от 13 октября 1880 г. позволяет думать, что свою нейтральность по отношению

⁶⁵ Там же, с. 275.

к религии, а тем самым и свою непоследовательность в этом вопросе (осторожность, недоговоренность и т. п.), в значительной мере были вызваны семейными условиями, и это он переживал не без душевной боли.

Следует сказать, что семья Дарвина собиралась похоронить его в своем имении в Дауне в склепе, который он еще при жизни выстроил для себя, но большинство Палаты общин приняло решение удостоить его прачести быть погребенным в Вестминстерском аббатстве — этом «храме английской славы». Настоятель этого аббатства на письмо 12 членов Палаты общин, сообщавшее об этом решении, ответил любезным согласием и распорядился поместить могилу Дарвина рядом с могилой бессмертного Ньютона. Англиканская церковь устроила неверующему натуралисту, против его воли, блестящие похороны, которых удостоивает только самых влиятельных покровителей и защитников церкви. Таким образом, Дарвин, считавшийся при жизни еретиком, был похоронен со всеми подобающими христианскими почестями. Но этот лицемерный «поворот» церковников в сторону Дарвина был только попыткой в какой-то мере обезвредить его эволюционное учение в глазах верующих масс, создать у них впечатление, будто наука и религия не отвергают друг друга, а мирно сосуществуют.

1

Одним из проявлений вражды апологетов религии к атеизму обычно является создание ими мифов о безбожниках, которые на смертном одре раскаивались в своем зловредном неверии, объявили себя примирившимися с религией. Так церковники поступили, например, с вышеупомянутым атсистом Бредлоу, и его дочери пришлось выступить в печати с разоблачением этой явной лжи. Это разоблачение привело к тому, что в 1938 г. хулиганы, подстрекаемые фанатиками, демонстративно осквернили могилу Бредлоу и похитили украшавший надгробие бронзовый бюст этого безбожника.

Что же касается Дарвина, то после его смерти, еще до опубликования его переписки и некоторых других документов многим было известно его отрицательное отношение к религии. Несмотря на это, примерно в 1916 г., т. е. через 34 года после смерти Дарвина, была создана и получила некоторое распространение постыдная легенда, будто бы этот прославленный ученый в последние дни своей жизни обратился в христианство и даже отказался от своего материалистического понимания органической эволюции как от заблуждения молодости.

Эту легенду в результате тайного сговора некоторых защитников религии особенно рьяно стали распространять в разных странах как раз тогда, когда шла подготовка к празднованию столетия со дня выхода в свет его «Происхождения видов» и когда был опубликован полный текст его автобиографии, в которой Дарвин достаточно ясно сказал о своем разрыве с религией. При этом в английских газетах выявились две совершенно разные версии легенды об «обращении» Дарвина к богу перед смертью, причем в одной версии ссылки делаются на «свидетельство» некоей религиозной деятельницы «леди Хоуп», а в другой — какой-то набожной женщины, ухаживавшей за Дарвином. Эта легенда подробно освещена в статье английского журналиста Пэта Слоуна «Миф

о Дарвине», напечатанной в 1960 г. в четвертом номере журнала «Наука и религия».

12 апреля 1958 г. в газете «Скотсмен» помещено было письмо пастора Э. Джонстона, в котором говорится, что во время посещения Хоуп престарелого Дарвина она застала его за чтением Библии. По разговору с ним для нее стало ясно, что его сердце «осенила благодать», что он горячо «предвкушал небесное блаженство», причем Дарвин просил ее прийти еще раз и обратиться к прихожанам Дауна с проповедью на тему «Христос и его спасение».

Оказалось, что еще в 1920 г. эта легенда была изложена в газете «Глинер», где сказано, что умирающий Дарвин, откинувшись на подушки, читал Библию, а Хоуп высказывала ему мнения религиозных авторитетов о величии истории сотворения мира, изложенной в первых главах книги «Бытия». Дарвин, лицо которого было искажено страданием, якобы сказал ей: «Я был молод, мысли мои тогда еще не оформились. Я высказывал разные предположения, постоянно размышлял обо всем существующем. К моему удивлению, эти высказывания подхватывались на лету. Люди сделали из них религию».

Первым датированным источником этой глупейшей выдумки можно считать газету «Бомбей Гардиан» от 25 марта 1916 г., но возникла она еще до того в США, по-видимому в Бостоне, где пресловутая Хоуп излагала ее в своем обращении к молодежи. В этой газете утверждается, что Дарвин пригласил эту леди и будто сказал ей: «В моем саду есть беседка, которая может вместить человек тридцать... Мне бы очень хотелось, чтобы вы там выступили... Я хочу, чтобы завтра днем здесь собрались слуги, фермеры и соседи... На какую тему? — Иисус Христос и его спасение. Разве это не лучшая тема? Я еще хочу, чтобы вы спели с ними несколько гимнов... Если вы устроите эту встречу в три часа дня, мое окно будет открыто и вы будете знать, что я пою вместе с вами».

Вторая версия этой легенды была изложена 7 ноября 1958 г. в газете «Бромлей Энд Кентиш Таймс» в письме за подписью некоего Л. Фокса. Последний ссылается на человека «высоких христианских принципов» некоего Л. Николаса, умершего в 1957 г. в возрасте 97 лет, который рассказывал ему, что он был «лично знаком» с женщиной, которая «ухаживала» за Дарвином. Эта женщина

перед смертью сообщила, что Дарвин просил ее читать ему Новый Завет и устроить так, чтобы ученики воскресной школы спели ему религиозный гимн, и что это желание умирающего было исполнено. Ученый, будучи глубоко тронут, будто бы сказал: «Как я сожалею, что изложил свою теорию эволюции именно так, как я это сделал!»

Нетрудно видеть, что эта версия легенды, несмотря на некоторые расхождения, имеет общий источник с первой версией, так что по существу оба варианта мифа о Дарвине одинаковы. Во всяком случае, если и существовала вышеупомянутая женщина, «ухаживавшая» за Дарвином, то она была, вероятно, такой же благочестивой сочинительницей небылиц, как и леди Хоуп, с которой в основном и связан миф об «обращении» Дарвина.

Не только автобиография и переписка, но и тот факт, что переиздание прежних работ и опубликование новых Дарвин продолжал вплоть до 1881 г., т. е. почти до самой смерти, свидетельствует, что никакого переворота в его взглядах не произошло. До самого конца жизни он оставался верен своим научным и атеистическим воззрениям, вовсе не считал их «неоформленными мыслями» молодого человека. Неудивительно, что его дочь Г. Литчфилд была возмущена распространяемыми слухами и пожелала высказать мнение семьи Дарвина по этому поводу. 23 февраля 1922 г. она поместила письмо в газете «Крисчен», в котором она свидетельствовала, что «находилась у смертного одра отца ...но он никогда не отрекался от каких-либо своих научных взглядов ни тогда, ни прежде. Мы думаем, что рассказ об его обращении был сфабрикован в США. В большинстве версий фигурирует пение религиозных гимнов и беседа, где ему пели эти гимны слуги и деревенские жители. Такой беседы не существует, и никогда слуги и деревенские жители не пели гимнов. Весь рассказ абсолютно ни на чем не основан». Газета «Крисчен» согласилась с этим опровержением и с сожалением констатировала, что слухи об «обращении» Дарвина не соответствуют действительности.

Разоблачением этой легенды занималась и внучка Дарвина — Нора Барлоу, под редакцией которой, как говорилось уже, вышел полный текст автобиографии ее деда и опубликованы некоторые другие его рукописи. 8 мая 1958 г. она через газету «Скотсмен» обратилась к вышеупомянутому пастору Джонстону с письмом, в ко-

тором характеризовала его выступление как попытку увековечить миф об «обращении» ее деда. Она утверждала, что этот миф был авторитетно опровергнут теми, кто был компетентен судить о том, правда это или ложь, и в связи с этим она цитировала письмо Литчфилд как неоспоримый документ.

Упомянувшийся журналист П. Слоун, исследовав историю этого мифа, обратил внимание на то, что согласно рассказу Хоуп об «обращении» Дарвина, это был не просто частный разговор с ним в его спальне. Ведь в результате этого разговора якобы происходили такие манифестации, как исполнение религиозных гимнов в саду арендаторами, слугами, деревенскими жителями и школьниками. Но если бы в имении Даун действительно имели место такие общественные демонстрации, то они, конечно, не могли бы остаться незамеченными. А между тем не только во время похорон Дарвина, но и долгое время спустя ни словом не упоминались события, о которых якобы рассказывала Хоуп через 30 с лишним лет.

Мы видели, что в своей автобиографии Дарвин приводит в качестве одной из причин своего отказа от христианства тот факт, что о жизни Христа не имеется подлинных свидетельств. Можно себе представить, резонно отмечает Слоун, как Дарвин реагировал бы на историю о своем собственном «обращении», рассказ о котором впервые появился в США примерно 30—34 года спустя после его смерти! Однако в буржуазных странах этот рассказ упорно продолжает распространяться в некоторых религиозных кругах и время от времени появляется в печати.

Вполне справедливо Слоун пишет: «Если в XX веке можно фабриковать такие мифы о Дарвине — вопреки всем фактам и свидетельству его собственной семьи, — то пусть это послужит нам поучительным уроком, когда мы будем обращаться к далекому прошлому. 2000 лет тому назад не было печати, большинство людей было неграмотно, наука только начала развиваться. Если спустя 30 лет после смерти Дарвина можно сочинить миф о его „обращении“ в христианство, то чего нельзя было придумать 2000 лет тому назад для создания основ самого христианства!».¹ Напомним утверждение Дарвина, что

¹ Наука и религия. 1960, № 4, с. 34.

наука не имеет ничего общего с Христом, что надо осторожно относиться к религиозным доказательствам и что сам он не верит, что когда-либо имело место божественное откровение.

Очевидно, плохи стали дела христианских церковников, если им в целях поддержания религии пришлось прибегнуть к обману — созданию легенды об отказе такого великого ученого, как Чарлз Дарвин, на самом закате своей жизни от своих материалистических и атеистических идей в области естествознания. Этот обман рассчитан на невежд, но он не случаен и бесспорно является еще одним веским доказательством коренной противоположности и принципиальной непримиримости подлинной науки и всех форм религии. Правда, и среди ведущих натуралистов все еще есть такие, которые окончательно не порвали с религиозным мировоззрением, но о них и об их понимании религии следует хотя бы в виде заключения сделать несколько самых общих замечаний.

2

Карл Маркс назвал религию «превратным миросознанием», а В. И. Ленин еще резче — «больной фантазией», так как в ней земные, естественные, реальные силы принимают формы и характер неземных, неестественных, нереальных. Религия, как и идеализм вообще, представляет собою, по выражению Ленина, «пустоцвет» на древе знания, т. е. она есть не настоящее знание, а грубое заблуждение — не соответствующее действительности, извращенное отражение мира. Но ни одно заблуждение не принесло человечеству столько вреда, как религия, ибо она всегда оправдывала и защищала общественное неравенство, объявляя эксплуататорский строй «богоданным», а следовательно, вечным, неизменным.

Конечно, существует немало буржуазных свободомыслящих, но в условиях капитализма они не могут быть последовательными в вопросе о пропаганде атеизма в народных массах, так как разрыв масс с религией усиливает их решимость к борьбе против капиталистического строя. Не случайно знаменитому вольнодумцу XVIII в. Вольтеру, призывавшему: «Раздавите гадину!» — церковь, принадлежит парадокс, имевший целью показать необходимость сохранения религии для народных масс: «Если

бы бога не было, его нужно было бы выдумать». Невольно вспоминается заявление одного из виднейших представителей буржуазного свободомыслия конца XIX в., французского историка религии Э. Ренапа: «Научно мы расходимся с защитниками положительной религии, но сердцем мы с ними». Среди такого рода «свободомыслящих» в буржуазных странах все еще встречается немало различного рода богоискателей, богостроителей и прочих мистиков. Основой основ всякой религии является вера в то, что реально не существует, а отсюда — жажда чуда, т. е. допущение возможности невозможного и в результате — неверие в пользу человеческих дел на земле и, следовательно, безнадежность. Не приходится удивляться тому, что все попытки обоснования всякой религии потерпели крах: невозможно доказать то, чего нет на свете!

Следует иметь в виду, что атеизм имеет свою историю, и что апологеты религии искажают суть современного атеизма, всячески стараясь отбросить его научно-философскую основу, опирающуюся на марксистско-ленинскую теорию и практику. А между тем именно благодаря марксизму-ленинизму атеизм поставлен на прочный фундамент диалектического материализма, вследствие чего научный атеизм значительно отличается от того атеизма, который существовал во время разработки Дарвином своего эволюционного учения. Научный атеизм освобожден от буржуазной ограниченности и поднят на небывалую теоретическую высоту, так что опровергать его стало несравненно труднее. Несмотря на это, адепты религии не прекращают своих многочисленных попыток нанести чувствительный удар этому учению, пытаются извратить его научно-философские основы. Прежде всего они нападают на положение атеистов и тех церковников, которые говорят о непримиримости науки и религии, т. е. по-прежнему отстаивают свое положение о совместности науки и религии. С этой целью они обычно ссылаются на факты «религиозности» отдельных натуралистов, стараясь создать впечатление, будто противоположность науки и религии является не действительной, а мнимой.

Своими ловкими ухищрениями им все же удалось захватить в свои сети некоторых видных ученых, как это случилось, например, с английским физиологом Георгом Роменсом (1848—1894) — одним из ближайших последо-

вателей Дарвина. В 1878 г. он анонимно выпустил книгу о религиозном мировоззрении, в которой объявил себя атеистом и указал, что от веры в существование «интеллектуальной творческой силы» он отказался под влиянием эволюционного учения, объясняющего целесообразные явления в природе естественными причинами. Однако незадолго до смерти он опять вернулся к религиозному мировоззрению, и произошло это под идеологическим нажимом епископа Гара, который весьма ловко опутал его мысли религиозно-идеалистическими рассуждениями (например, разговорами о том, будто «координация физических причин» имеет сверхъестественный характер, зависит от «непостижимого божественного ума»).

Как-то Дарвин удивлялся «ортодоксальности» такого великого физика, как М. Фарадей, который, будучи антиклерикалом, все же при случае не скрывал своей религиозности. Однако в своей научной деятельности Фарадей был материалистом и своих религиозных идей не вносил в область научных исследований, и резко отрицательно относился к спиритизму. В одном из своих писем Фарадей отметил: «...я все же не нахожу нужным сочетать изучение естественных наук с религией и всегда считал науку и религию вещами совершенно различными». По-видимому, Дарвин своим замечанием о религиозности Фарадея дал понять, что ученому, не порвавшему с религиозными воззрениями, бывает трудно совершенно отделить религию от науки, когда ему приходится иметь дело с широкими обобщениями, а вследствие этого религия по обыкновению является тормозом науки.

Конечно, у натуралистов тоже есть «вера», а именно — подтвержденное многочисленными фактами убеждение в закономерный и объективный характер изучаемых им явлений, а тем самым вера в неограниченные способности человеческого разума. Но это научное убеждение коренным образом отличается от религиозной веры, которая исходит из фантастического, не проверенного никакими фактами допущения существования сверхъестественного, потустороннего мира. Касаясь этого обстоятельства, основатель кибернетики Н. Винер справедливо отметил: «...наука невозможна без веры. Под этим я не имею в виду, что вера, от которой зависит наука, является по своей природе религиозной или влечет за собою принятие каких-либо догм обычных религиозных верований, однако без

веры, что природа подчинена законам, не может быть никакой науки».² Здесь Винер под словом «вера» понимает уверенность, убежденность в чем-то, а не то, что обычно обозначается верой — нечто противоположное знанию.

Характерно, что всякий буржуазный натуралист, окончательно не порывающий с религией, сильно ограничивает роль бога в природе: в области своей науки он изгоняет бога.

Отмечая это обстоятельство, Энгельс писал: «С богом никто не обращается хуже, чем верующие в него естествоиспытатели. Материалисты попросту объясняют *положение вещей*, не вдаваясь в подобного рода фразеологию... Но чего только не пришлось вытерпеть богу от своих защитников! Одна армейская часть за другой складывает оружие, одна крепость за другой капитулирует перед натиском науки, пока, наконец, вся бесконечная область природы не оказывается завоеванной знанием и в ней не остается больше места для творца. Ньютон оставил ему еще «первый толчок», но запретил всякое дальнейшее вмешательство в свою солнечную систему. Патер Секки, хотя и воздаст ему всякие канонические почести, тем не менее весьма категорически выпроваживает его из солнечной системы, разрешая ему творческий акт только в отношении первоначальной туманности. И точно так же обстоит дело с богом во всех остальных областях... Что за дистанции от старого бога — творца неба и земли, вседержителя, без которого ни один волос не может упасть с головы!».³

Энгельс указывал на вышеупомянутого физика Дж. Тиндаля, который совершенно закрыл богу всякий доступ к природе и отсылал его в «мир эмоций», допуская бога только потому, что должен же быть кто-нибудь, кто знает о явлениях природы больше, чем этот представитель науки. Энгельс дает понять, что эмоциональная, т. е. основанная на чувстве, потребность в религии не доказывает ровно ничего. Однако важно то, что Тиндаль, высказываясь против открытого атеизма, как мы видели, все же подчеркивал, что «даже те, которые с ужасом отворачиваются от всего того, что зовут материализмом,

² Н. Винер. Кибернетика и общество. М., 1958, с. 196.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, с. 514—515.

должны понять, что физик должен быть на самом деле материалистом».

Друг Дарвина В. Тизельтон-Дайер, хотя и не был свободен от буржуазных предрассудков насчет материализма, в 1912 г. писал Тимирязеву: «Вы совершенно правы, считая, что у нас в Англии начинается поход против теории Дарвина. Я считаю, что это объясняется волной самого грубого идеализма. Я сам идеалист в том смысле, что я не считаю материализм за окончательное объяснение. Но в области науки идеализм всегда был бесплоден и зловерден».⁴

Недаром такой видный биолог и медик, как дарвинист А. Форель, на съезде немецких натуралистов и врачей в 1894 г. прямо заявил: «В настоящее время почти всякий ученый стыдится даже произнести слово „бог“. Он старательно избегает всего, что имеет какое-либо отношение к вопросу о боге, нередко даже в том случае, когда в частной жизни он является приверженцем того или иного ортодоксального исповедания». Не подлежит сомнению, что это утверждение полностью сохранило свое значение и в наши дни.

В конце XIX и начале XX в. Эрнст Геккель очень резко выступал против теизма и деизма, убедительно показав научную несостоятельность этих форм веры в сверхъестественное. При этом он подчеркивал: то, что он формулировал в качестве своего «личного исповедания», в той или иной аналогичной форме является «заветным убеждением» огромного большинства современных «мыслящих естествоиспытателей». Отвечая фидеистам, Геккель писал: «Мои противники это оспаривают, ссылаясь на незначительное число именитых естествоиспытателей, решившихся открыто примкнуть к моему „исповеданию“. Но это объясняется очень просто: прежде всего многие мыслящие естествоиспытатели вообще не испытывают потребности делиться с другими своими заветными убеждениями, и против этого ничего нельзя сказать. Во-вторых, многие видные ученые (и среди них даже близкие друзья мои) придерживаются того взгляда, что высшие и драгоценные дары науки следует беречь про себя, а не делиться ими с „чернью“, которая может ими злоупотребить... Наконец (что важнее всего!) огромное

⁴ К. А. Тимирязев. Сочинения, т. I, с. 467.

число убежденных монистов (материалистов, — Г. Г.) по причинам внешнего свойства вынуждено скрывать свои истинные убеждения».⁵

Прошло немало времени с тех пор, как были сказаны эти слова, но положение ученых в буржуазных странах почти не изменилось. Так, видный английский антрополог А. Кизс заявил о своем нежелании открыто выступить с изложением своего отношения к религиозному мировоззрению. Он откровенно признал: «Подлинное объяснение... — это боязнь, трусость, если хотите. По своей природе я принадлежу к стаду. Я боюсь остракизма. Мы не можем открыто и чистосердечно ставить под вопрос наши самые сокровенные верования, не совершая тем самым нападения на лиц, чью дружбу мы хотим сохранить. Поэтому большинство из нас предпочитает молчать: борьба мучительна, а пути мирные приятны».⁶

Некоторые крупные ученые (например, физики А. Эйнштейн, М. Планк, Р. Милликен и др.) заявили, что они не против религии, но не верят в какого-то личного бога, не говоря уже о христианском боге. Они отождествляли бога с природой и ее закономерностями, т. е. в общем становились на точку зрения пантеизма. Значит, вся «религиозность» этих ученых заключалась лишь в почитании природы, в восхищении ее красотой и в благоговейном отношении к «мировой гармонии», т. е. к причинной взаимозависимости явлений природы.

В связи с этим напомним, что Дарвин неоднократно указывал на испытанную им трудность представить себе «чудесную вселенную» как результат случая или необходимости, а вследствие этого одно время думал о наличии некоего мирового разума. По существу это значит, что он тогда, подобно некоторым другим натуралистам, считал себя в известной мере «религиозным» на том основании, что чувствовал благоговение перед упорядоченностью мира — «мировой гармонией», т. е. субъективное понятие «разумность» ошибочно переносил на естественную закономерность и вообще на всеобщую связь явлений. Эту гармонию признает и материализм, но она, как отметил Фейербах, «есть в действительности не что иное, как единство мира, гармония причин и следствий, вообще та

⁵ Э. Геккель. Мировые загадки. М., 1935. с. 446—447.

⁶ См.: К. Ламонт. Иллюзия бессмертия. М., 1961. с. 30.

взаимная связь, в которой все в природе существует и действует». Между прочим, В. И. Ленин, выписав слова этого выдающегося философа, что все в природе «находится во взаимодействии, все относительно, все одновременно является действием и причиной, все в ней всесторонне и взаимно», — отметил: «Не к чему тут бог».⁷ Называть богом или мировым разумом ту упорядоченность явлений, которая наблюдается в мире, — это значит давать понятию «религия» слишком широкое, произвольное, не свойственное ему толкование.

Такой высокоавторитетный натуралист, как И. П. Павлов, ясно видел противоположность науки и религии и свои беседы на эту тему нередко заканчивал словами: «Человек сам должен выбросить мысль о боге», отмечая при этом, что религия — «дело слабых», что сильным она не нужна. Между прочим, И. П. Павлов не закрывал глаза на тот факт, что есть такие натуралисты, которые являются в той или иной мере религиозными. Поэтому он неоднократно указывал своим ученикам, что натуралист, если он хочет быть последовательным, не может не быть атеистом, так как естествознание и религия несовместимы. В ряде случаев он прямо отмечал, что это очень странно, когда естествоиспытатель или врач «молится, как богаделка».

Заигрывание некоторых ученых с теми или иными формами фидеизма свидетельствует только об их непоследовательности, об их недостаточной логичности. Эта непоследовательность вызвана прежде всего социальным окружением ученых, влиянием предрассудков буржуазной среды, в которой им приходится жить и работать. Им трудно оторваться от своей психологии, которая привита воспитанием и потому они продолжают оставаться в плену религии по инерции, по привычке. Именно результатом этого является то, что нередко даже крупному ученому, полностью порвавшему с теизмом, все же трудно совершенно покончить с остатками религиозного мировоззрения и вследствие этого он пытается создать нечто вроде «религии без бога».

Покончить с этими остатками многим натуралистам сильно мешает то, что они не имеют правильного представления о философских основах научного атеизма. Вся

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 48.

обстановка, в которой живут при капитализме естествоиспытатели, не позволяет им по-настоящему ознакомиться с подлинно научной философией — диалектическим материализмом — и бросает в объятия официальной философии.

Многие буржуазные натуралисты полагают, будто неприятие чего-нибудь, стоящего над человеком делает человека эгоистом и вообще аморальным. Отвергая такие взгляды, еще Фейербах писал: «Атеизм, уничтожая теологическое нечто, стоящее над человеком, не уничтожает тем самым моральной инстанции, над ним стоящей. Моральное высшее, стоящее над ним, есть идеал, который каждый человек себе должен ставить, чтобы стать чем-то дельным; но этот идеал есть и должен быть человеческим идеалом и целью. Естественное высшее, стоящее над человеком, есть сама природа».⁸ В наше время людям просвещенным, вооруженным научными знаниями, ясно, что для атеиста, стоящего на почве диалектического материализма, мир несравненно богаче, чем для верующего, опирающегося на идеалистическое мировоззрение. Для него ясно, что человеку нужен идеал, но человеческий, соответствующий природе, а не сверхъестественный, и что таким идеалом, весьма обогащающим нашу жизнь, является лишь коммунизм. Реализация же этого великого идеала начинается с уничтожения основ эксплуататорского общества, в результате чего создаются условия для окончательного отрыва интеллигенции, а значит и натуралистов, от той психологии, которая привита им воспитанием и держит их в плену тех или иных религиозных представлений.

Как видно, говоря о Дарвине, его учении и мировоззрении, нам невольно пришлось, хотя и бегло, коснуться вопроса об отношении выдающихся натуралистов к религии, так как он неразрывно связан с коренными проблемами мировоззрения. При решении этого важного вопроса особое внимание должно быть уделено не только дарвинизму, но и отношению великого творца этого учения к религиозному мировоззрению, противоположного научному знанию.

⁸ Л. Фейербах. Избранные философские произведения, т. II, с. 609.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Дарвинизм в борьбе идеологий	3
Глава II. Облик ученого и человека	30
Глава III. Атеистический характер дарвинизма	62
Глава IV. Спор о естественном отборе	90
Глава V. Спор о происхождении человека	117
Глава VI. Отношение Дарвина к религии	137
Глава VII. Особенности мировоззрения Дарвина	174
Заключение	220

Григорий Абрамович Гурев

ЧАРЛЗ ДАРВИН И АТЕИЗМ

**ОЧЕРК МИРОВОЗЗРЕНИЯ
ВЕЛИКОГО НАТУРАЛИСТА**

Утверждено к печати

*Редколлегией научно-популярных изданий
Академии наук СССР*

Редактор издательства **Е. Г. Дагин**

Художник **Д. С. Данилов**

Технический редактор **П. Ф. Виноградова**

Корректоры **Ф. Я. Петрова**

и А. Х. Салтанаева

Сдано в набор 16/IX 1974 г. Подписано к печати 29/I
1975 г. Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$. Бумага № 3. Печ. л.
 $7\frac{1}{4} = 12,18$ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 12,71. Изд. № 5657.
Тип. зак. № 1475. М-25519. Тираж 25000. Цена 76 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука».

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12